

симбирский научный ВЕСТНИК

SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL VESTNIK

Nº 2(28) **2017**

2017 Nº 2(28)

симбирский научный ВЕСТНИК

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-44563 от 15 апреля 2011 г.)

ISSN 2224-1620

Распространяется на территории Российской Федерации

Подписной индекс Объединенного каталога «Пресса России» 83668

Цена свободная

Основан в 2010 году Выходит 4 раза в год

Очередной номер журнала можно приобрести в редакции

Редакционная группа

Соловьева Л. Г., Петрова Г. И., Пенькова Н. В.

Адрес редакции

Россия, 432017, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42 Тел.: 8(8422)42-61-07 E-mail: Simbvest@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен и тираж отпечатан в Издательском центре Ульяновского государственного университета Россия, 432017, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42

Подписано в печать 14.06.2017. Дата выхода в свет 20.06.2017. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 16,2. Тираж 2000 экз. Заказ 91 Главный редактор

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор

Зам. главного редактора

Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент

Ответственный секретарь

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, доцент

Редакционная коллегия

Арзамаскин Николай Николаевич — доктор юридических наук, профессор Баранец Наталья Григорьевна — доктор философских наук, профессор Дергунова Нина Владимировна — доктор политических наук, профессор Донина Ольга Ивановна — доктор педагогических наук, профессор Еняшина Наталья Геннадьевна — кандидат педагогических наук, доцент Калинина Наталья Валентиновна — доктор психологических наук, профессор Липатова Надежда Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент Магомедов Арбахан Курбанович — доктор политических наук, профессор Митина Ирина Дмитриевна — доктор педагогических наук, профессор Романов Валерий Васильевич — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент

Фефилов Александр Иванович — доктор филологических наук, профессор

Редакционный совет

Костишко Борис Михайлович — доктор физико-математических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Бакланов Сергей Борисович — кандидат технических наук, доцент, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Борисова Светлана Александровна — доктор филологических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Бажанов Валентин Александрович — доктор философских наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Комадорова Ирина Владимировна — доктор философских наук, профессор, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета (Набережные Челны)

Морозов Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Шмелева Наталья Борисовна — доктор педагогических наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)

Шустова Инна Юрьевна — доктор педагогических наук, с.н.с., ФГБНУ ИСТО РАН (Москва)

Щелина Тамара Тимофеевна — доктор педагогических наук, профессор, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета (Арзамас)

© Ульяновский государственный университет, 2017

- Ответственность за содержание публикаций несут авторы.
- Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.
- Рукописи авторам не возвращаются.
- При перепечатке или воспроизведении иным способом ссылка на журнал «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК» обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА 7
Агаджанова Э. Р. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ
Арпентьева М. Р. ПРОБЛЕМА И ТИПОЛОГИЯ ЦИФРОВОГО КОЧЕВНИЧЕСТВА: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
Донина О. И., Карнаухова М. В. АУТЕНТИЧНЫЕ ФОРМЫ ОЦЕНИВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМАХ20
Емельяненкова А. В. МОТИВАЦИЯ ВЛАСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ И ПОДЧИНЕННЫХ В ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОМАНД
Калинина Н. В. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ МОДЫ В РАСПРОСТРАНЕНИИ ИНТЕРНЕТ-РИСКОВ СРЕДИ ПОДРОСТКОВ
Кочетков И. Г., Коваленко В. М. КРЕАТИВНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА
Ощепков А. А., Салахова В. Б. СОЦИОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ОСНОВНЫХ ТИПОВ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ
Салахова В. Б., Ощепков А. А. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНОЙ ОРИЕНТАЦИЕЙ
Талина И. В., Карнаухов В. А. ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И НАУЧНОМ СОЦИУМЕ
Хайрудинова Р. И. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЕЙ, ПРИНЯВШИХ НА ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ 67
Бабкин О. А. ПЕРВЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ СИСТЕМЫ МЕСТНЫХ НАРОДНЫХ СУДОВ В ЧЕЛЯБИНСКОМ РЕГИОНЕ ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ 72
Антонова Е. С. ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ СЧЕТА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
Баклушинский В. В. ОБЗОР НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ В ВОПРОСАХ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ ПРЕДПРИЯТИЙ
Романова А. В., Марушкина Н. Е. ФИНАНСОВОЕ ОЗДОРОВЛЕНИЕ КАК КОНСТРУКТИВНЫЙ ЭТАП БАНКРОТСТВА
Синицын А. О., Цыганцов А. В. РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ КЛАСТЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ АСИММЕТРИИ ИНФОРМАЦИИ

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ 92	2
Кудряшова Е. В. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНВЕНЦИИ В ФИЗИКЕ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	12
Лескин Д. Ю. РЕФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ДУХОВНЫХ КОНСИСТОРИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)	19
Митина И. Д., Митина Т. С. СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТОДА, СТИЛЯ, НАПРАВЛЕНИЯ, ТЕЧЕНИЯ И ШКОЛЫ В РАМКАХ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ	15
Федосеева Е. Ю. СПЕЦИФИКА РАЦИОНАЛЬНОСТИ В БОГОСЛОВСКОМ ПОЗНАНИИ	.5
Шабалкина Е. Е. НЕЙРОЭТИКА КАК ЭТИКА НЕЙРОНАУКИ	0.
социология и политология 125	5
Кремнева Н. Ю. РОДИТЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ КАК КОНТЕКСТ ВЫБОРА РАБОЧИХ ПРОФЕССИЙ МОЛОДЕЖЬЮ	5
Липатова Ю. П. СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ В ЦЕЛОМ И ЖИТЕЛЕЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ЧАСТНОСТИ	12
Михайлина И. А., Раевская А. И., Мухамметжанов Э. Р., Мухамметжанов Р. Р. МОЛОДЕЖНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ	6
ФИЛОЛОГИЯ 143	3
Егорова Е. Н., Тихонова К. А. ТИПЫ УРБАНОНИМОВ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА УРБАНОНИМОВ Г. АРХАНГЕЛЬСКА)	3
информация 149	9
Аннотации научных статей, рецензии, отзывы	9
Урунова Р. Д. РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ О. Р. САМАРЦЕВА «СОВРЕМЕННОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ. ГЕНЕЗИС ИДЕЙ И ТЕХНОЛОГИЙ» (Ульяновск : УлГУ, 2016. 109 с.)	9
Наши авторы	1
Правила представления и оформления рукописей статей авторами для публикации в журнале «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК» 155	5

CONTENTS

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS 7
Agadzhanova E. R. THEORETICAL APPROACHES TO STUDIES OF PERSONAL LIFE ORIENTATIONS IN RUSSIAN AND FOREIGN PSYCHOLOGY
Arpentyeva M. R. PROBLEM AND THE TYPOLOGY OF THE DIGITAL NOMADISM: AN EMPIRICAL ANALYSIS
Donina O. I., Karnaukhova M. V. AUTHENTIC FORMS OF EVALUATION IN MODERN EDUCATIONAL SYSTEM
Emelyanenkova A. V. POWER MOTIVATION OF A MANAGER AND EMPLOYEES THROUGH THE EFFECTIVENESS OF MANAGEMENT TEAMS
Kalinina N. V. SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF FASHION IN THE SPREAD OF INTERNET RISKS AMONG ADOLESCENTS
Kochetkov I. G., Kovalenko V. M. CREATIVITY IN THE STRUCTURE OF TEENAGER`S PERSONALITY
Oshchepkov A. A., Salakhova V. B. SOCIONOMIC APPROACH IN THE STUDY OF THE MAIN TYPES OF MANAGERS' RESILIENCE
Salakhova V. B., Oshchepkov A. A. FEATURES OF SOCIAL GROUPS OF ADOLESCENTS WITH THE DEVIANT ORIENTATION
Talina I. V., Karnauhov V. A. GENDER ASYMMETRY IN THE EDUCATIONAL AND SCIENTIFIC COMMUNITY
Khairudinova R. I. PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF FOSTER FAMILIES ADOPTED CHILDREN WITH DISABILITIES
JURISPRUDENCE 67
Babkin O. A. FIRST LEGAL ACTION TO RESTORE LOCAL PEOPLE'S COURTS IN THE CHELYABINSK REGION AFTER THE CIVIL WAR
ECONOMICS AND MANAGEMENT 72
Antonova E. S. PERSONAL INVESTMENT ACCOUNTS: PROBLEMS AND WAYS OF IMPROVING
Baklushinskiy V. V. REVIEW OF SCIENTIFIC APPROACHES TO THE DEVELOPMENT OF ORGANIZATIONAL FORMS OF ENTERPRISES
Romanova A. V., Marushkina N. E. FINANCIAL RESTRUCTURING AS A CONSTRUCTIVE STAGE OF BANKRUPTCY
Sinitsyn A. O., Tsygantsov A. V. DEVELOPMENT OF CLUSTER POLICIES MODEL IN THE CONDITIONS OF INFORMATION ASYMMETRY88

PHILOSOPHY AND CULTUROLOGY 92
Kudryashova E. V. METHODOLOGICAL CONVENTION DURING THE REVOLUTIONARY TRANSFORMATIONS IN PHYSICS
Leskin D. Yu. REFORMING THE INSTITUTE OF ECCLESIASTICAL CONSISTORIES IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE SARATOV REGION)
Mitina I. D., Mitina T. S. SPECIFICITY OF ARTISTIC METHOD, STYLE, TRENDS AND SCHOOLS AS PART OF A COMPARATIVE HISTORICAL ANALYSIS OF A WORK OF ART
Fedoseeva E. Y. SPECIFICS OF RATIONALITY IN THEOLOGICAL KNOWLEDGE
Shabalkina E. E. NEUROETHICS AS THE ETHICS IN NEUROSCIENCE
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE 125
Kremneva N. Y. YOUTH' CHOICE OF NONPROFESSIONAL OCCUPATIONS IN THE FAMILY CONTEXT
Lipatova Yu. P. SPECIFICITY OF THE MODERN POLITICAL CULTURE OF RUSSIANS AND THE RESIDENTS OF THE ALTAI REGION
Mikhaylina I. A., Raevskaya A. I., Muhammetzhanov E. R., Muhammetzhanov R. R. YOUTH PUBLIC ASSOCIATIONS AS A FACTOR OF YOUNG PEOPLE`S PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION
PHILOLOGY 143
Egorova E. N., Tikhonova K. A. TYPES OF LINGUO-CULTURAL URBANITY (ON THE EXAMPLE OF URBANITY OF ARKHANGELSK)
INFORMATION 149
Summaries of scientific articles, reviews, responses 149
Urunova R. D. REVIEW ON THE TEXTBOOK OF O. R. SAMARTSEV "TELEVISION. GENESIS OF THE IDEAS AND TECHNOLOGIES" (Ulyanovsk : UISU, 2016. 109 p.)
Our authors 151
Rules of representation and registration of mountig of articles by authors for publication in the «SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL VESTNIK» 155

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Э. Р. Агаджанова
Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
emilia73.90@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ*

В статье рассматриваются отечественные и теоретические подходы к проблеме жизненных ориентаций личности. Жизненные ориентации анализируются в рамках внутренней картины жизнедеятельности и в поведенческом контексте. В качестве интегрирующего подхода рассматривается подход Е. Ю. Коржовой «Субъект-объектные ориентации в жизненных ситуациях как фактор взаимосвязи внутрипсихической организации и внешнего мира человека». Анализируются наиболее разработанные в отечественной науке подходы к изучению жизненных стратегий, связанные с развитием субъекта жизнедеятельности. Подчеркивается важность активности личности. Она проявляется в том, как человек преобразует обстоятельства, направляет ход жизни, формирует жизненную позицию. Динамика жизни человека перестает быть случайным чередованием событий, а начинает зависеть именно от его активности, от способности организовать и придать событиям желаемое направление. Смысл жизни как линамическая смысловая система концентрирует всю совокупность смысловых отношений личности к разнообразным объектам и явлениям жизненного пути — от локальных событий до протяженных периодов жизни, включая индивидуальный жизненный путь в его нерасторжимой целостности. Жизненные ориентации определяют также систему предпочтений, проявляющихся в осознанном или бессознательном избирательном поведении, в выборе мотивации в альтернативных условиях. Важную роль автор отводит саморегуляции и рефлексии. В них выражаются цели личности, отношение к будущему.

Ключевые слова: теоретический анализ, жизненные ориентации личности, ситуативно-целостная модель личности, субъект-объектные ориентации, бессознательный жизненный план.

* Работа поддержана грантом РГНФ № 15-36-01329/17.

Жизненные ориентации как иерархия форм жизнедеятельности, компонентов группового сознания могут рассматриваться в разных контекстах:

- 1. Внутренняя картина жизнедеятельности субъекта.
- 2. Поведенческий (готовность заняться той или иной деятельностью).

Жизненные ориентации относятся не только к психологической, но и к философско-социологической категории, охватывающей совокупность типовых видов жизнедеятельности индивида, социальной группы, в том числе класса и нации, общества в целом, которое берется в единстве с условиями жизни, определяющими ее [2].

Рассматривая жизненные ориентации в контексте внутренней картины жизнедеятельности субъекта, необходимо отметить, что жизнедеятельность — это особый вид деятельности, направленный на созидание индивидуального жизненного пути и регулируемый динамической системой смысла жизни. Существенными чертами жизнедеятельности, отличающими ее от иных форм и видов деятельности, являются: во-первых, объект жизнедеятельности — индивидуальная жизнь; во-вторых, субъект жизнедеятельности — личность в роли субъекта жиз-

ни; в-третьих, целевая функция жизнедеятельности — проектирование и созидание жизненного пути; в-четвертых, динамическая система смысла жизни как ведущая инстанция психической регуляции жизнедеятельности [4]. Последняя черта представляется наиболее значимой в контексте исследования жизнедеятельности как особой разновидности деятельности личности. По мнению А. Н. Леонтьева и других представителей деятельностного подхода в психологии, психологическая характеристика и онтологическая самостоятельность всякой деятельности однозначно детерминированы наличием независимого мотива, опредмеченного в данной деятельности. В свете данного положения смысл жизни можно рассматривать в качестве специфического «мотива», который конституирует жизнедеятельность как особый вид деятельности и эмансипирует ее в ряду прочих видов произвольной активности. Если отдельная деятельность регулируется на основе наличия в смысловой структуре личности релевантной динамической смысловой системы, то жизнедеятельность определяется динамической системой смысла жизни [8].

Наиболее разработанным в отечественной науке является подход к изучению жизненных стратегий, связанный с развитием субъекта жизнедеятельности (С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова-Славская и др.). Основным определяющим фактором здесь выступает активность и творчество личности как организатора и преобразователя своей жизни, а наличие и развитость жизненной стратегии является важнейшим показателем того, насколько человек стал субъектом собственной жизни [1]. Личность, по Рубинштейну, раскрывается, развивается и вообще существует в силу существования других: мое отношение, отношение данного моего «Я» к другому «Я» опосредствовано его отношением ко мне как объекту, т. е. мое бытие как субъекта для меня самого опосредствовано, обусловлено, имеет своей необходимой предпосылкой мое бытие как объекта для другого. Не каждую личность можно назвать субъектом своей жизни. Личность обладает сознанием — она отделяет собственное «Я» от «Я» другого; она осознаёт себя как существо, осознающее мир и изменяющее его [10].

Для Рубинштейна важно наличие у индивида рефлексии собственного существования. Он выделяет два основных способа существования человека, то есть два различных отношения личности к своей жизни; он называет эти два отношения «существующим» и «осознаваемым».

Первый — существующий — стиль существования характеризуется жизнью, не выходящей за пределы непосредственных связей, в которых живет человек: «Здесь человек весь внутри жизни, всякое его отношение — это отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом» [12].

В отличие от первого стиля, осознаваемый способ существования связан с появлением рефлексии, которая как бы мысленно выводит человека за ее пределы, провоцирует философское осмысление жизни. Сознание выступает здесь как разрыв, как выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, вне ее для суждения о ней.

Рефлексия, необходимая для действительного, глубокого осознания самого себя и собственного бытия, требует огромных душевных усилий со стороны личности и, что немаловажно, вовсе не гарантирует успех и достижение цели. Рубинштейн пишет, что рефлексия не обязательно приведёт к построению нравственной человеческой жизни на новой, сознательной основе.

Абульханова-Славская К. А., являясь последовательницей С. Л. Рубинштейна, развивала его концепцию жизненного пути личности. Ответственность — одна из ключевых идей К. А. Абульхановой-Славской в её труде «Стратегия жизни». Своим ответственным отношением к жизни субъект придаёт ей направление и движение [1].

Человек становится субъектом и в том смысле, что он вырабатывает способ решения жизненных противоречий, осознавая свою ответственность перед собой и людьми за последствия такого решения.

Ответственность является воплощением истинного, самого глубокого и принципиального отношения к жизни. Ответственность возникает в связи с тем, что каждое совершающееся сейчас действие необратимо. Поэтому ответственность — это способность человека детерминировать события, действия в момент их осуществления, по ходу их свершения, вплоть до радикального изменения всей жизни. Личность, по мнению Абульхановой-Славской, является субъектом тогда, когда она способна регулировать, организовывать свой жизненный путь как целое, подчиненное ее целям, ценностям [1].

Также К. А. Абульханова-Славская исследует понятие «стратегии жизни». Автор рассматривает стратегию жизни как способность личности к соединению своей индивидуально-

сти с условиями жизни. В широком смысле стратегия жизни (в отличие от многочисленных жизненных тактик), говорит К. А. Абульханова-Славская, это «принципиальная, реализуемая в различных жизненных условиях, обстоятельствах способность личности к соединению своей индивидуальности с условиями жизни, к ее воспроизводству и развитию». В узком смысле — это разработка определенного жизненного решения для преодоления жизненных противоречий [2].

Абульханова-Славская К. А. выделила три основных признака жизненной стратегии: выбор способа жизни, разрешение противоречия «хочу — имею» и создание условий для самореализации, творческий поиск. В процессе жизни личность выступает субъектом общения, субъектом деятельности, являясь в конечном итоге субъектом собственной жизни. Позиция субъекта позволяет человеку соотнести свои возможности с поставленными целями, интегрировать свои способности в разных сферах.

Рассматривая жизненные ориентации как внутреннюю картину жизнедеятельности, можно обратиться к сценарному подходу, разработанному Э. Берном. Под сценарием понимается «бессознательный жизненный план», который составляется в детстве, подкрепляется родителями, оправдывается ходом событий и достигает пика при выборе пути. Э. Берн выделяет несколько сценариев, применяемых в типичных повседневных ситуациях, таких как «Никогда», «Всегда», «После того как», «Перед тем как», «Снова и снова» [6].

Также в рамках внутренней картины жизнедеятельности можно обратиться к психосинтетическому подходу: аналитическая психология К. Юнга, психосинтез Р. Ассаджоли, гештальт-подход Ф. Перлза; личность понимается как соединение различных подходов и тенденций в попытках целостного ее описания, включая духовные уровни. Жизненная задача личности — это осознание своего «Я» и достижение целостности своей личности посредством сознательного жизнетворчества. Источником внутрипсихической организации являются бессознательные инстинкты, наличие выраженной внутренней структуры, стремящейся к гармонизации. Жизненный путь такого типа личности максимально свободен. Безудержный «полет» мечты, богатое воображение, глубина внутреннего мира, непрактичность и свободолюбие являются характерными чертами такого человека [4].

В классической гуманистической психологии: теория самоактуализации А. Маслоу, фено-

менологическая концепция К. Роджерса, диспозиционная концепция Г. Олпорта; личность это активный субъект, самостоятельно созидающий и преобразующий свою жизнь. Главная ценность личности — «Я» и его раскрытие. Жизненные ориентации и задачи личности заключаются в самовыражении. Источником внутрипсихической организации является сложноорганизованная система потребностей при разграничении биологических и «Я»-потребностей и признании последовательности их удовлетворения от низших к высшим [3].

Эти подходы объединяет идея о том, что не только личность зависит от жизни, но и сама жизнь зависит от представлений субъекта. Авторы связывают жизненные ориентации субъекта с его направленностью, восприятием и отношением к жизни. У каждого есть внутренний сценарий и определенные индивидуально-типологические способы организации жизни [7].

Рассматривая жизненные ориентации в поведенческом контексте, обратимся к российской науке о поведении (И. М. Сеченов, В. М. Бехтерев, И. П. Павлов), американскому бихевиоризму (концепция оперантного научения Б. Скиннера), а также типологическому подходу Г. Айзенка. Личность, считают авторы, — это совокупность поведенческих реакций на внешние стимулы среды. Истоками этих реакций являются укрепление естественно-научного мировоззрения, развитие физиологии, а также философии, отводящей ведущую роль опытному знанию. Жизненные ориентации личности — это всего лишь приспособление к внешней среде, что является и основной задачей жизненного пути [5].

В этих подходах жизненные ориентации рассматриваются в качестве удовлетворения биологических нужд, а жизненный путь не более чем реакция на внешние обстоятельства. Это образ и личность, которой чужды творчество, жизненные ценности и ориентации. Это человек, ориентированный на удовлетворение потребностей организма, с ориентацией на телесные удовольствия, а также суженной временной перспективой и незначительной осмысленностью жизни [3].

Согласно концепции иерархической регуляции социального поведения личности В. А. Ядова, верхний уровень регуляции составляют ценностные ориентации личности. Эти понятия, тесно переплетаясь, образуют единую систему — жизненные ориентации. Жизненные ориентации предполагают направленность на некоторые базовые переживания, в значительной степени определяющие специфику ориентации [13].

В этой связи Ф. Е. Василюк видит основную функцию переживания в установлении смыслового соответствия между сознанием и бытием, а В. К. Вилюнас утверждает, что реальность субъективных переживаний позволяет охарактеризовать их как универсальную онтологическую основу психического образа, как конкретносубъективную форму существования отражаемого в нем содержания. Таким образом, проблема жизненных ориентаций связывается с решением вопросов об их содержании, характерном для каждой из них способе действий, типичной сфере их реализации и соответствующем базовом переживании [12].

В современных версиях деятельностного подхода (историко-эволюционная теория личности А. Г. Асмолова, психология смысла Д. А. Леонтьева, теория субъектности личности В. А. Петровского, психология переживания Ф. Е. Василюка) жизненная задача личности — поиск смысла через деятельность. Смысловые образования рассматриваются как связная система личностных смыслов, становление в мире посредством деятельности [11].

Личность в современных версиях психологии отношений и индивидуальности (подход к личности в концепциях общения и акмеологии А. А. Бодалева, личность в интегративной концепции человека В. Н. Панферова, психология настроения Л. В. Куликова, концепция профессионально важных качеств личности В. Л. Марищука, концепция цельности личности В. А. Аверина, теория адаптирующейся личности С. Т. Посоховой) рассматривали в единстве с различными аспектами бытия (коммуникативным, профессиональным, регулятивным). Жизненная задача личности — гармоничное взаимодействие с окружающим миром.

В качестве интегрирующего подхода рассмотрим подход Е. Ю. Коржовой «Субъект-объектные ориентации в жизненных ситуациях как фактор взаимосвязи внутрипсихической организации и внешнего мира человека» [9].

Способность активно участвовать в процессе жизнедеятельности и тем самым «выстраивать» собственное бытие, т. е. быть ее субъектом, является центральной характеристикой человека и условием становления личности. Известно, что субъект не существует без объекта, на которого он направляет свою активность. Человеку — субъекту своей жизни — в качестве объекта противостоят дискретные жизненные ситуации, в которые человек постоянно вступает. Жизнедеятельность и может быть представлена в виде цепочки взаимодействий человека с

жизненными ситуациями. Степень субъектной включенности в жизнедеятельность, понятая посредством анализа взаимодействия человека с жизненными ситуациями, характеризует меру зависимости внутреннего мира от внешнего. Субъект-объектные ориентации в жизненных ситуациях являются тем понятием, с помощью которого можно описать направление реализации потенциала субъектности человека [9].

Коржова Е. Ю. определяет, что в процессе жизнедеятельности субъект-объектные ориентации в жизненных ситуациях реализуются в двух формах: субъективной (внутренняя картина жизнедеятельности как интериоризованная субъектность) и объективной (выбор стратегий поведения как экстериоризованная субъектность), взаимосвязанных в поле жизнедеятельности [9].

Для исследования жизненных ориентаций в рамках данного подхода Е. Ю. Коржовой была разработана методика «Опросник субъект-объектных ориентаций в жизненных ситуациях», который также стал одним из основных инструментариев в нашей работе.

В качестве первичных измерений субъектобъектных ориентаций в процессе создания и психометрического обоснования соответствующего методического инструментария (Опросник субъект-объектных ориентаций в жизненных ситуациях) выделены четыре основных показателя. В их название включено прилагательное «трансситуационный». Этот термин предложен Ю. Н. Емельяновым (1985) и используется для характеристики индивидуальных особенностей взаимодействия человека с жизненными ситуациями. В результате факторного анализа принята уточненная модель субъект-объектных ориентаций, включающая четыре факторные шкалы:

1. Трансситуационная изменчивость. Содержание этого показателя отвечает на вопрос «КАК?» (как человек взаимодействует с жизненной ситуацией — изменяясь или стабилизируясь). Положительный полюс («трансситуационная изменчивость») характеризует человека, стремящегося познать новое в окружающем мире (новых людей, новые книги, фильмы), совершенствовать свой внутренний мир (углубляя самопознание, добиваясь духовной гармонии, нравственного роста), а также уделять достаточно внимания внешним, средовым факторам своей жизни. Отрицательный полюс шкалы «трансситуационная стабильность» характеризует человека, предпочитающего привычное, «реалиста», стремящегося максимально реализовать те возможности, которые у него имеются

на сегодняшний день, и, исходя из реальных возможностей, спланировать свою жизнь.

- 2. Трансситуационный локус контроля дает ответ на вопрос «КТО?» (кто осуществляет взаимодействие человека с жизненной ситуацией — он сам или другие люди, внешние обстоятельства). Положительный полюс («внутренний трансситуационный локус контроля») характеризует высокий уровень субъективного контроля над жизненными ситуациями и описывает человека, ощущающего ответственность за события своей жизни и стремящегося ими управсоответственно, планирующего свою лять, жизнь далеко вперед, подмечающего взаимосвязь своих собственных поступков и последующих событий на жизненном пути, воспринимающего свою жизнь как целостность. Отрицательный полюс («внешний трансситуационный локус контроля») характеризует человека, придающего в объяснении своей собственной жизни больше значения случаю, судьбе, стечению обстоятельств и, следовательно, не планирующего далеко вперед, не ощущающего влияния своих поступков на последующие жизненные события, воспринимающего свою жизнь как совокупность отдельных ее моментов — внешних событий.
- 3. Трансситуационная направленность освоения мира отвечает на вопрос «КУДА?» (куда, т. е. в каком направлении, осуществляется взаимодействие человека с жизненной ситуацией вовнутрь или вовне). Положительный полюс («трансситуационное освоение внутреннего мира») характеризует обращенность человека к своему внутреннему миру, стремление к внутреннему росту, самосовершенствованию. Об этом свидетельствует и представление своей жизни как малособытийной. Характерно также стремление планировать свою жизнь. В то же время обращенность вовнутрь сопровождается отсутствием ощущения контроля над своей жизнью — поскольку она рассматривается как один из аспектов существования внешнего мира. Отрицательный полюс («трансситуационное освоение внешнего мира») характеризуется стремлением к самоосуществлению во внешнем мире, что сопровождается восприятием своей жизни как насыщенной внешними событиями, ощущением контроля над собственной жизнью и нежеланием планировать жизнь в связи с акцентированием внимания на роли внешних обстоятельств.
- 4. Трансситуационная подвижность может быть объяснена с помощью вопроса «ГДЕ?» (где, в каких условиях осуществляется жизне-

деятельность — в привычных или в новых жизненных ситуациях). Положительный полюс шкалы («трансситуационная подвижность») характеризует стремление человека взаимодействовать с новыми жизненными ситуациями (профессиональными, учебными и др.), к активному движению, развитию, к жизненным переменам. Отрицательный полюс шкалы («трансситуационная инертность») характеризует стремление к взаимодействию с привычными жизненными ситуациями, такими, как есть, к пассивному следованию жизненному потоку, отсутствие тяги к жизненным переменам. Шкалы позволяют количественно определить степень субъектной включенности в жизненные ситуации.

Поскольку понятие субъект-объектных ориентаций в жизненных ситуациях является ключевым для понимания проявлений субъектности в процессе жизни, их типологию возможно использовать для характеристики личности и общего принципа ее бытия. В личности субъектобъектные ориентации трансформируются, как мы полагаем, в психологическое образование более высокого и обобщенного уровня организации — жизненные ориентации. Данный подход позволяет объединить обозначенные нами контексты определения жизненных ориентаций и теории, выделив две ориентации:

- «объектная» ориентация характеризуется детерминацией жизнедеятельности человека преимущественно внешними факторами среды внешними жизненными ситуациями как ее объектами. Объекту уподобляется и человек. Источник жизнедеятельности находится вне человека. «Объектная» ориентация сопровождается ригидностью, общей экстернальностью, экстернальностью в области достижений и неудач, узостью временной трансспективы, отсутствием чувства полноты жизни [9];
- «субъектная» ориентация отличается внутренней детерминацией жизнедеятельности. Человек проявляет себя как субъект. «Субъектная» ориентация характеризуется, по нашим данным, выраженностью таких качеств, как гибкость, общая интернальность, интернальность в области достижений и неудач, а также широтой временной перспективы, сопровождающейся «чувством радостной наполненности жизни».

Проведенный нами теоретический анализ подходов к изучению особенностей жизненных ориентаций личности позволил определить, что жизненные ориентации не могут рассматриваться изолированно, так как они связаны с представлениями человека о собственной жизни, ценностями и целями.

Литература

- 1. Абульханова-Славская К. А. Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна: к 100-летию со дня рождения / К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский; отв. ред. Е. А. Будилова; Ин-т психологии АН СССР. М.: Наука, 1989. 247 с. Библиогр.: с. 238—242.
- 2. Абульханова-Славская К. А. Стратегии жизни / К. А. Абульханова-Славская. М.: Мысль, 1991. 299 с.
- 3. Алексеева В. Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности // Психол. журн. 1984. Т. 5, № 5. С. 63—70.
- 4. Ассаджоли Р. Психосинтез: теория и практика: от душевного кризиса к высшему «Я» : сб. / Р. Ассаджоли. М. : RELF-book, 1994. 311 с.
- 5. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. СПб. : Питер, 2001. 288 с.
- 6. Берн Э. Трансактный анализ : пер. с англ. / Э. Берн. М. : Академический проект, 2004. 192 с.
- 7. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком / А. А. Бодалев. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. 200 с. Библиогр.: с. 48—89.
- 8. Клименко И. Ф. Генезис ценностных ориентаций, исследование отношения к норме социального поведения на разных этапах социального развития человека / И. Ф. Клименко // К проблеме формирования ценностных ориентаций и социальной активности личности. М., 1992. С. 3—12.
- 9. Коржова Е. Ю. Психология личности : учебно-методическое пособие к практическим занятиям / Е. Ю. Коржова, Г. В. Семенова, М. С. Волохонская. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб. : Изд-во АНО «ИПП», 2009. 178 с. Библиогр.: с. 47—120.
- 10. Корчагин Е. А. Стандартизация содержания профессионального образования / Е. А. Корчагин, И. А. Халиуллин // Среднее профессиональное образование. 1997. № 6. С. 7—13.
- 11. Леонтьев Д. А. Внутренний мир личности / Д. А. Леонтьев // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб. : Питер, 2000. С. 372—377.
- 12. Непомнящая Н. И. Ценность как центральный компонент психологической структуры личности / Н. И. Непомнящая // Вопр. психологии. 1980. № 1. С. 22—30.
- 13. Рогулин В. Е. Ценностные ориентации общества и возможности всестороннего развития человека / В. Е. Рогулин // Возможности человека в современную эпоху. М., 2001. С. 22—28.

THEORETICAL APPROACHES TO STUDIES OF PERSONAL LIFE ORIENTATIONS IN RUSSIAN AND FOREIGN PSYCHOLOGY*

E. R. Agadzhanova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia) emilia73.90@mail.ru

This article discusses Russian and theoretical approaches to the problem of personal life orientations. Life orientations are analyzed in the framework of the internal picture of life and in a behavioural context. As an integrating approach, we consider the approach of E. Yu. Korzhova "Subject-object orientation in life situations as a factor of the interconnection of the intrapsychical organization and the external world of a human". The article analyses the most developed approaches in the Russian science to the study of the life strategies associated with the development of the subject of life. It stresses the importance of the personal activity. It manifests in the way of change of the circumstances, direction the course of life, formation of life position. The dynamic of human life is not a random set of events, it depends on activity of a person, the ability to organize events in his/her life. The meaning of life as a dynamic meaning system unites all the meaning relations of a person with the various objects and phenomena of life's journey — from local events to the long periods of life, including individual life in its indissoluble integrity. Life orientation can also be defined as a system of preferences, which manifest themselves in conscious or unconscious selective behavior, in the choice of motivation in alternative conditions. Authors pay much attention to self-regulation and reflection. They express the goals of a personality, the attitude to the future.

Key words: theoretical analysis, life orientations, situational-integral model of a personality, subject-object orientation, unconscious life plan.

* Grant-supported by Russian Humanitarian Science Foundation № 15-36-01329/17.

References

- 1. Abulkhanova-Slavskaya K. A. (1989) Filosofsko-psihologicheskaya kontseptsiya S. L. Rubinshteyna: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya [Philosophical and psychological concept of S. L. Rubinstein: mark the centenary of the birth]. Moscow: Nauka, pp. 238—242.
- 2. Abulkhanova-Slavskaya K. A. (1991) Strategii zhizni [The Strategy of life]. Moscow: Mysl, 299 p.

- 3. Alekseev V. G. (1984) Tsennostnye orientatsii kak factor zhiznedeyatelnosti i razvitiya lichnosti [Value orientation as a factor in functioning and development of personality]. Psihologicheskiy zhurnal, Vol. 5, (5), pp. 63—70.
- 4. Assadzholi R. (1994) Psihosintez: teoriya i praktika: ot dushevnogo krizisa k vysshemu "Ya" [Psychosynthesis: theory and practice: from emotional crisis to higher "I"]. Moscow: RELF-book, 311 p.
- 5. Ananyev B. G. (2001) Chelovek kak predmet poznaniya [Man as a subject of knowledge]. St. Petersburg: Piter, 288 p.
- 6. Berne E. (2004) Transaktnyy analiz [Transactional analysis]. Moscow: Acad. Proyekt, 192 p.
- 7. Bodalev A. A. (1982) Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom [Human perception and understanding of the person]. Moscow: Izd-vo Mosk. universiteta, 200 p.
- 8. Klimenko I. F. (1992) Genezis tsennostnyh orientatsiy, issledovanie otnosheniya k norme sotsialnogo povedeniya na raznyh etapah sotsialnogo razvitiya cheloveka [The Genesis of values, a study of the relationship to the norm of social behavior at different stages of social development of the person]. To the problem of formation of value orientations and social activity of a person. Moscow, pp. 3—12.
- 9. Korzhova E. Yu., Semenova G. V., Volkonskaya M. S. (2009) Psihologiya lichnosti [Psychology of personality]. Ed. 2nd edition, Rev. and extra. St. Petersburg: Izd-vo ANO "IPP", pp. 47—120.
- 10. Korchagin E. A., Haliullin I. A. (1997) Standartizatsiya soderzhaniya professionalnogo obrazovaniya [Standardization of the content of professional education]. Srednee professionalnoe obrazovanie, (6), pp. 7—13.
- 11. Leontyev D. A. (2000) Vnutrenniy mir lichnosti [The Inner world of the personality]. Personality Psychology in the works by Russian psychologists. St. Petersburg: Peter, pp. 372—377.
- 12. Nepomnyashchaya N. I. (1980) [Value as a central component of the psychological structure of a person]. Voprosy psihologii, (1), pp. 22—30.
- 13. Rogulin V. E. (2001) Tsennostnye orientatsii obschestva i vozmozhnosti vsestoronnego razvitiya cheloveka [The Value orientation of society and opportunities for full human development]. Human Capabilities in the modern era. Moscow, pp. 22—28.

М. Р. Арпентьева Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского (г. Калуга, Россия) mariam_rav@mail.ru

ПРОБЛЕМА И ТИПОЛОГИЯ ЦИФРОВОГО КОЧЕВНИЧЕСТВА: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена анализу особенностей идентичности субъектов, практикующих цифровой номадизм, их позитивных и негативных моментов в формировании и развитии личности и ее отношений с другими людьми. Методология исследования опирается на представления мультикультурного подхода, его достижения в сфере изучения взаимодействия и развития людей в мультикультурных сообществах. В основании исследования заложена идея о том, что современные цивилизованные сообщества являются в подавляющем числе случаев мультикультурными. Это создает иллюзию легкости перехода от одной культуры к другой, а также поддерживает и усиливает существующие противоречия и дисгармонии личностной и социальной идентичности. Наиболее явно эти дисгармонии обнаруживаются в сфере межличностных отношений кочевников (их социальной идентичности) и «закрепляются» в идентичности личностной. На теоретическом и эмпирическом уровнях выделяются типы кочевников и описываются особенности идентичности каждого типа. В качестве позитивных моментов описываются стремление к свободе и самостоятельности, поиск новых способов бытия и отношений, интеграции в мировое человечество. В качестве негативных — отказ от построения отношения близости и постоянства, традиционных для родной культуры и человечества в целом духовнонравственных ценностей, маргинализация. Ведущими модусами, структурирующими сознание «цифрового кочевника», являются свобода и зависимость, близость и отчуждение, труд и отдых, новизна и привычность, развитие и стагнация. Эти модусы формируют особое отношение к себе и миру, в котором позитивные моменты, связанные с творчеством, развитием, наслаждением жизнью, сочетаются с потребительством, стагнацией и разрушением личности; первой страдает этнокультурная, а затем и личностная идентичность.

Ключевые слова: цифровой номадизм, цифровой кочевник, идентичность, мультикультурализм, свобода, зависимость.

Введение

Один из новых феноменов медиатизации мира — феномен цифрового номадизма (цифрового кочевничества, digital nomad) — возникновение группы людей, которая ведёт «мобильный образ жизни», постоянно меняя места проживания, а также использует цифровые телекоммуникационные технологии для выполнения своих профессиональных обязанностей (как «чемоданный антрепренер», suitcase entrepreneur) и решения иных вопросов, становится в современном мире все более популярным и привлекает внимание не только практиков, но и теоретиков [1—7]. Такой образ жизни весьма характерен для журналистов, путешественников, психологов, проповедников, бизнесменов, иногда студентов. Ведущим феноменом исследований цифрового кочевничества с точки зрения социальной психологии является феномен идентичности как системы более или менее осознанных переживаний себя тождественным себе и принадлежащим той или иной группе, исторически непрерывным и пространственно целостным, понимания своей тождественности самому себе (личностная идентичность) и определенной части мира (социальная идентичность) как тождества и осознания непрерывности своего существования во времени и пространстве. Иметь идентичность предполагает ощущать себя более или менее независимым и постоянным в конкретной ситуации; переживать связь собственной непрерывности и признания этой непрерывности другими людьми; понимать прошлое, настоящее и будущее как единое целое, строить жизненные планы, опираясь на прошлое и осмысляя настоящее. Идентичность, таким образом, предполагает отличительность как уникальность и непохожесть, континуальность как непрерывность и целостность, принадлежность как включенность (близость) и «репутацию» —

подтвержденность (признание бытия — внимание, признание важности — уважение и признание — принятие) другими людьми. Неподтвержденность — идентичности и человека в целом (непризнание бытия — игнорирование, отрицание значимости — небрежение и непринятие отвержение) — одна из ведущих проблем миграций и иных социально-психологических и имеющих социально-психологические последствия кризисов и коллапсов (войн, катастроф, терминально (смертельно) опасных заболеваний и инвалидности, разлуки и смертей близких и т. д.). Выстраивая типологию цифровых кочевников, необходимо, на наш взгляд, обратиться к осмыслению особенности их личностной идентичности, особенностям отношений к себе как личности, индивиду и социальной идентичности, отраженной в особенностях отношений, который кочевники строят с другими людьми [8—11, 15, 16].

Методология исследования

Методология исследования опирается на представления мультикультурного подхода, его достижения в сфере изучения взаимодействия и развития людей в мультикультурных сообществах. Ведущими понятиями работы являются понятия «тип цифрового кочевника», «личностная идентичность», «межличностные отношения». Каждый тип цифрового кочевника соотнесен с определенными особенностями личностной идентичности и социальной идентичности (отношений с другими людьми). Они отражают меру принятия и понимания человеком себя и мира: гармоничность отношения к себе самому и отношений к другим людям, в том числе в контексте мультикультурных отношений.

В основании исследования заложена идея о том, что современные цивилизованные сообщества являются в подавляющему числе случаев мультикультурными. Это создает, с одной стороны, иллюзию легкости перехода от одной культуры к другой, а с другой — постоянно существующие противоречия и дисгармонии личностной и социальной идентичности. Наиболее явно эти дисгармонии обнаруживаются в сфере межличностных отношений кочевников (их социальной идентичности) и «закрепляются» в идентичности личностной.

Результаты теоретического анализа проблемы кочевничества

Как показал теоретический анализ проблемы цифрового кочевничества, существует несколько типов цифровых кочевников [5, 7, 9, 12—14]:

1) «Человек вселенной», или интегрированный тип, чья идентичность позитивна, цело-

стна и сохранила связь с родной этнической общностью, ее культурой, а также нацелена на установление связей с иными этническими группами и культурами, их представителями. Цифровое кочевничество выступает как часть жизни, связанной с поиском и реализацией путей саморазвития в профессиональной и учебной, досуговой и семейной сферах. Кочевничество для этих людей — своеобразное путешествие к самому себе. Отношения, которые строят эти специалисты, сочетают подтверждение личностной значимости и включенности в мир, любви как соприсутствия.

2) «Амбивалентный» тип — идентичность этих людей маргинальна, двойственна и размыта, цифровой номадизм есть способ уйти от решения многих личных и социальных проблем, обойти необходимость и боль социальных инициаций, маркирующих переход на новый уровень личностного и социального развития. Для этих людей свойственны ориентация на территориальную экспансию и поиск «удовольствий», отсутствие структурированного представления о целях собственного кочевничества, тенденция «жить по своим правилам», избегая обязанностей и ограничений повседневных обязательств. Кочевничество выступает как способ жизни «рядом с жизнью», фантомное бытие, позволяющее выбирать лишь необременительные аспекты жизни и минимизировать напряженность, увеличить «наслаждение» жизнью. Человек ищет и реализует путь к удовольствиям, в том числе «от самого себя». На этом пути он оказывается от семейных и иных связей, исчерпывая ресурсы своего развития и развития рода. Отношения таких людей в большей степени соприсутствие, чем отношения «личностной значимости» и включенности.

3) «Лоскутный тип», чья идентичность «человека без корней» фрагментарна и негативна. Люди этого типа не стремятся и не очень способны к построению прочных и глубоких отношений ни с окружающими их людьми, ни с теми, кто когда-то в них пришел. Кочевничество выглядит как спорадическое перемещение «человека без корней», «перекати-поля» в направлении, определяемом жизненной ситуацией (внешними по отношению к личности аспектами). Кочевничество предстает в этой группе как способ существования, позволяющий удовлетворять желания, не обременяя себя обязательствами, путешествие как скрытый протест и несогласие с миром пост-паноптикума — «против» самого себя и мира. Ведущий модус отношений — избегание и отчуждение: отказ от близости в форме значимых отношений и в форме соприсутствия («перманентное отсутствие» «вечного путешественника»).

Описание эмпирического исследования кочевничества

В проведенном нами эмпирическом исследовании цифровых кочевников-психологов, занимающихся продажей различных психологических услуг (среди которых лидируют семинары и тренинги личностного роста и организационного развития), получен ряд интересных данных. Поскольку объем выборки был не очень большим (30 человек), а само исследование носило характер «свободного интервью», дополненного результатами включенных наблюдений, основное внимание обращалось на качественные тенденции в развитии цифровых номад. Исследование осуществлено в 2010-2015 гг., все респонденты являлись «цифровыми» (виртуальными) собеседниками исследователя. Данные обрабатывались методом качественного и, где позволял объем данных, контент-анализа. Всем собеседникам предлагались соответствующие их профилю деятельности варианты сотрудничества, выделялись темы, которые интересуют «кочевников» в первую очередь, а также стратегии решения задач, требующих сотрудничества и установления реальных отношений (разбитые позже на подтемы, связанные с отношениями респондентов к психологическим, нравственным и правовым аспектам отношений человека и общества) и т. д. Все респонденты поделены на три группы: «временно выбывшие в иную страну проживания — командированные» (10 человек), «эмигранты» — переехавшие в иную страну в режиме смены постоянного места жительства (20 человек); а также «номады» — кочующие по России и миру (10 человек).

Результаты исследования

Как показало исследование, ведущие модусы, структурирующие сознание (идентичность) «цифрового кочевника», — это свобода и зависимость, близость и отчуждение, труд и отдых, новизна и привычность, развитие и стагнация. Эти линии развития человека являются наиболее общими и позволяют типологизировать цифровых кочевников: зависимые, дезинтегрированные и свободные, интегрированные; включенные и отчужденные; строящие бизнес и развивающие профессионализм или странствующие-отдыхающие; стремящиеся к переживанию новизны или уставшие от нее и стремящиеся к покою и стабильности («назад к корням»), стремящиеся к развитию или «зависающие» в неудовольствии от мира и от самих себя.

Суммируем основные результаты эмпирического исследования в таблицах 1 и 2.

Идентичность цифровых номад

Таблица 1

Груп- пы	Идентичность личностная / отношения с собой	Идентичность социальная / отношения с людьми
«Командированные»	 Расщепленно-амбивалентная (двойной стандарт); Внешне и внутренне конфликтная (проблемы в отношениях с окружающими, подстройка к новой культуре за счет разрушения связей старой); Асимметричная (разные требования и представления о себе и мире, в разных сферах) 	Коллапсы систем отношений к себе и миру, личностная деструкция и деструкция отношений с миром, требующие столкновения с серьезными жизненными испытаниями для реинтеграции, страх вернуться в родную культуру и желание «диктовать свои правила» в ней
«Эмигранты»	— «Отчужденно-изолированная», формирование капсулы, из которой субъект наблюдает мир и судит о мире, предъявляя людям тиражированный образ-маску; — «Ожидающая, жизнь в будущем» или «инкапсулированная — жизнь в прошлом»; — Игнорирующая внутренние конфликты, связанные с расхождением маски и личности	Дистанцирование и стратегия руководства, от каз от стратегий взаимодействия «на равных» непонимание других людей и отсутствие глубоких и широких «сетей» значимых отношений, формирование подвижных и поверхностных, в разной мере широких отношений с миром
«Номады»	 Фрагментарно-лоскутная (множественная), части которой — в разной мере ассимилированный опыт жизни в разных культурах; Внутренне конфликтная, отражающая стремление «диктовать свои правила» наряду с «полным пониманием себя и мира»; Нестабильно-изменчивая, готовность и стремление меняться без оформленного направления 	Стремление к широким, но неглубоким отношениям наряду с сохранением немногочисленных глубоких отношений, разрывы и конфликты отношений: предательство как отказ от себя и значимых других, потребность поддерживать минимальный уровень сотрудничества во избежание тотального коллапса

Тенденции развития идентичности цифровых кочевников

Таблица 2

Груп- пы	Психологические законы	Правовые законы	Нравственные законы
«Командированные»	Самоисследование в новой среде, попытки пересмотра своей жизни, претензии к миру и «обращение», конфликты в отношениях с представителями своей культуры	Освоение новых законов без их понимания, «пробные» попытки осмысления внешнего мира, конфликты с законом как отражение конфликтов культур и конфликтов интенций субъекта — измениться и выделиться и принадлежать и соответствовать. Попытка поддержать чувства значимости, уникальности и нужности правовыми средствами	Нравственные коллизии, попытки перевести нравственные и психологические проблемы на язык правовых законов страны пребывания исходя из знаний правовых законов собственной страны
«Эмигранты»	Стремление к интеграции реализуется не полностью, перенятие моделей отношений к себе и миру без рефлексии проблем, возникающих внутри личности в ее отношениях с представителями своей культуры	Освоение новых законов и попытка их перенесения на старые отношения с собой и миром, стремление закрепить правовые аспекты жизни как гарантии стабильности, неудовлетворенность правовыми рамками и гарантиями. Попытка компенсировать и решить проблемы переживаний значимости, уникальности и нужности за счет формализации отношений к себе и миру	Аномия нравственная, отказ от нравственных регулятивов отношений как вторичных по отношению к правовым и психологическим законам. Забвение Бога и сосредоточение на повседневных вопросах, бизнесе
«Номады»	Сравнение и исследование моделей отношений к миру и себе, попытки выделить общее и подходящее себе, конфликты ситуативные, обозначающие неадекватность новых типов отношений в контексте связей с представителями родной культуры	Правовой нигилизм при внешнем согласии и стремлении соответствовать требованиям страны пребывания, наряду с экспансией собственных правовых, нравственных и психологических «законов» (вплоть до навязывания и утверждения диктата «своих правил»)	Нравственный поиск, попытки встроить нравственные законы в психологические и правовые законы бизнеса и иных отношений. Попытка решить проблему соотношения общечеловеческих и индивидуальных ценностей, ощущение невстроенности. Поиск «своей» группы и системы отношений. Попытка гармонизировать чувства значимости, уникальности и нужности, опираясь на Бога

Заключение

Подводя итог, подчеркнем: цифровое кочевничество многотипно. Это и «цифровое беженство», используемое человеком, чтобы уйти из мира обязательств и травм; это и «цифровой туризм», используемый в целях структурирования времени и пространства жизнедеятельности; это и просто «путешествие» в мир иных смыслов, за самим собой и гармонией своего мира. Это и «цифровые захваты» новых территорий: не случайна тяга «кочевников» к местам, где «не ступала нога человека», и местам, «похожим на рай» [3]. Одним из наиболее сложных моментов цифрового кочевничества

является феномен «потери корней», разрыва или разрушения социальной идентичности в результате отказа от духовно-нравственных ориентиров своей культуры и человечества, стремления к свободе как комфорту и защищенности, освобождению от тяжелого труда и обязанностей.

Эти стремления формируют особое отношение к себе и миру, в котором позитивные моменты, связанные с творчеством, развитием, наслаждением жизнью, сочетаются с потребительством, стагнацией и разрушением личности. Первой страдает этнокультурная, а затем и личностная идентичность.

Литература

- 1. Арпентьева М. Р. Проблемы взаимопонимания в мультикультурном консультировании / М. Р. Арпентьева // Представительная власть XXI век. 2014. № 7—8. С. 59—65.
- 2. Бурлуцкая М. Г. Фрилансеры: специфика социального статуса, стратегии карьеры и профессионального развития / М. Г. Бурлуцкая, В. С. Харченко // Журн. социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 1. С. 111—123.

- Касавин И. Т. «Человек мигрирующий»: онтология пути и местности / И. Т. Касавин // Вопр. философии. 1997. № 2. — С. 84.
- 4. Кужелева-Саган И. П. Общество-Сеть. Эволюция представлений: концепции, образы, метафоры / И. П. Кужелева-Саган // Wolkenkuckucksheim. Воздушный замок. Международный журн. по теории архитектуры. 2014. № 32(19). Р. 29—42.
- 5. Ле Коадик Р. Мультикультурализм // Débats sur l'identité et le multiculturalisme / отв. ред. Е. Филиппова, Р. Ле Коадик. М.: ИЭА РАН, Наука, 2005. С. 78—104, 126—149.
- 6. Минигалиева М. Р. Толерантность и мультикультурализм / М. Р. Минигалиева. Калуга : КГУ им. К. Э. Циолковского, 2012. 332 с.
- 7. Мир глазами блоггера / под ред. В. Трофимова. М. : ИД «Вече», 2011. 240 с.
- 8. Boden D. Worlds in action: information, instantaneity and global futures trading // B. Adam, B., Beck U., van Loon J. (eds). The Risk Society and Beyond. L.: SagePublications Ltd, 2000. 240 p.
- 9. Boden D., Molotch H. The compulsion to proximity // Nowhere. Space, time and modernity / R. Friedland, D. Boden (eds). Berkeley: University of California Press, 1994. P. 257—286.
- 10. Cohen I. Detached involvement: on the sociology of solitude // Annual Conference of the Amer. Sociological Ass., Washington. August 2000. Washington, DC, 2000. P. 3—12.
- 11. Cohen R. Global Diasporas. L.: University College London, 1997. 241 p.
- 12. Deleuze G., Guattari F. Nomadology: The War Machine / Trans, by B. Massumi. N. Y.: Semiotext(e), 1986. 160 p.
- 13. Fernández V. A. Nomadismos contemporáneos: formas tecnoculturales de la globalización. Murcia : Universidad de Murcia, EDITUM, $2010.-160 \mathrm{\ s.}$
- 14. Gussekloo A., Jacobs E. Digital Nomads. N. Y.: Location-Independent Pub., 2016. 280 p.
- 15. Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. Chichester: John Wiley, 1997. 256 p.
- 16. Sisson N. The Suitcase Entrepreneur: Create freedom in business and adventure in life. N. Y.: Tonawhai Press, 2013. 314 p.

PROBLEM AND THE TYPOLOGY OF THE DIGITAL NOMADISM: AN EMPIRICAL ANALYSIS

M. R. Arpentyeva

Tsiolkovsky Kaluga State University (Kaluga, Russia) mariam rav@mail.ru

The article empirically analyses peculiarities of the subjects' identity, which practice the digital nomadism. It considers positive and negative aspects in the personality formation and development as well as its relations with other people. The research methodology is based on the representation of the multicultural approach, its achievements in the study of human interaction and development in multicultural communities. In the base of this research there is an idea that the modern civilized communities are mostly multicultural. It creates an illusion that it is very simple to transit from one culture to another. It also supports and enhances the existing contradictions and disharmonies of personal and social identity. These disharmonies are most evident in the sphere of interpersonal relations of nomads (their social identity) and "are fixed" in personal identity. The author identifies the types of nomads on the theoretical and empirical level and describes the identity features of each type. The positive aspects are the following: aiming to the liberty and independence, searching for new ways of being and relations, integration to the world humanity. The author also reveals also the negative aspects such as freedom from the close relations and stability, traditional (for native culture and the mankind as a whole) moral and spiritual values, marginalization. The leading modes which form the consciousness of a "digital nomandism" are freedom and dependence, closeness and alienation, work and leisure, novelty and familiarity, development and stagnation. These modes develop the special attitude to his/her personality and the whole world. In such situation posivite aspects (connected with creavivity, development, and live delight) are combined with consumerism, stagnation and personal destroy. It badly influences the etnoculture at first and then the personal identity.

Key words: digital nomadism, nomad, identity, multiculturalism, freedom, dependence.

References

- 1. Arpentyeva M. R. (2014) Problemy vzaimoponimaniya v multikulturnom konsultirovanii [Problems of mutual understanding in multicultural counseling]. Predstavitelnaya vlast XXI vek, (7)—(8), pp. 59—65.
- 2. Burlutskaya M. G., Kharchenko V. S. (2013) Frilansery: spetsifika sotsialnogo statusa, strategii karyery i professionalnogo razvitiya [The Freelancers: the specificity of social status, career strategy and professional development]. Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii, Vol. 16, (1), pp. 111—123.
- 3. Kasavin I. T. (1997) «Chelovek migriruyuschiy»: ontologiya puti i mestnosti ["A migrant man": ontology of way and area]. Voprosy filosofii, (2), p. 84.

- 4. Kuzheleva-Sagan I. P. (2014) Obschestvo-Set. Evolyutsiya predstavleniy: kontseptsii, obrazy, metafory [Society-Network. The evolution of views: concepts, images, metaphors]. Wolkenkuckucksheim. Vozdushnyy zamok. Mezhdunarodnyy zhurnal po teorii arkhitektury, 32(19), pp. 29—42.
- 5. Le Coadic R. (2005) Multikulturalizm [Multiculturalism]. Moscow: IEA RAN, Nauka, pp. 78—104, 126—149.
- 6. Minigalieva M. R. (2012) Tolerantnost i multikulturalizm [Tolerance and multiculturalism]. Kaluga: Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovskiy, 332 p.
- 7. Trofimova V. (2011) Mir glazami bloggera [The world through the eyes of blogger]. Moscow: Veche, 240 p.
- 8. Boden D., Adam B., Beck U., van Loon J. (2000) Worlds in action: information, instantaneity and global futures trading // (eds). The Risk Society and Beyond. L.: SagePublications Ltd, 240 p.
- 9. Boden D., Molotch H. (1994) The compulsion to proximity // Nowhere. Space, time and modernity. Berkeley: University of California Press, pp. 257—286.
- 10. Cohen I. Detached involvement: on the sociology of solitude // Annual Conference of the Amer. Sociological Ass. Washington, DC, pp. 3—12.
- 11. Cohen R.(1997) Global Diasporas. L.: University College London, 241 p.
- 12. Deleuze G., Guattari F. (1986) Nomadology: The War Machine. N. Y.: Semiotext(e), 160 p.
- 13. Fernández V. A. (2010) Nomadismos contemporáneos: formas tecnoculturales de la globalización. Murcia: Universidad de Murcia, EDITUM, 160 s.
- 14. Gussekloo A., Jacobs E. (2016) Digital Nomads. N. Y.: Location-Independent Pub., 280 p.
- 15. Makimoto T., Manners D. (1997) Digital Nomad. Chichester: John Wiley, 256 p.
- 16. Sisson N. (2013) The Suitcase Entrepreneur: Create freedom in business and adventure in life. N. Y.: Tonawhai Press, 314 p.

О. И. Донина Ульяновский государственный университет (г. Ульяновск, Россия) podsnezhnik12@rambler.ru

М. В. Карнаухова Ульяновский государственный университет (г. Ульяновск, Россия) tamore@rambler.ru

АУТЕНТИЧНЫЕ ФОРМЫ ОЦЕНИВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

Статья анализирует альтернативные формы оценивания образовательных результатов, так как традиционная система оценивания образовательных результатов школьников несовершенна. Существует явная потребность в поиске новых, более информативных форм в рамках традиционной системы оценивания. Практика оценочной деятельности показывает, что педагоги и администраторы школ не знают всех своих прав в сфере контрольно-оценочной деятельности, кроме того, они слабо информированы об опыте применения новых технологий оценивания учебных достижений школьников, накопленном в образовательных учреждениях. Несовершенство законодательной базы аттестации школьников в той или иной мере осознаётся педагогической общественностью. Профессиональные встречи педагогов, научно-практические конференции, выступления в печати показывают, что в педагогической среде находит живой отклик вопрос об альтернативных формах промежуточной и итоговой аттестации учащихся. Формы промежуточной аттестации могут быть достаточно разнообразными, а способ фиксации полученных результатов непременно должен сочетать выставление традиционной отметки с развёрнутым комментарием к ней. Лучше всего, если такой комментарий оформляется учителем письменно — в специально разработанном для этого документе, например, карте образовательных результатов школьника.

Ключевые слова: система оценивания образовательных результатов, контрольно-оценочная деятельность, аутентичные формы, когнитивный компонент, традиционная форма оценивания, личностный уровень развития учащихся, положительная мотивация.

Традиционная система оценивания образовательных результатов школьников — во многом формальная, лишенная индивидуализированной окраски, с выраженным преобладанием когнитивного компонента — не может быть признана полностью удовлетворяющей современным требованиям. Существует явная потребность как в поиске новых, более информативных форм в рамках традиционной системы оценивания (новых способов проведения контрольных работ, зачетов, экзаменов), так и в дополнении общепринятых форм аттестации иными, альтернативными способами. И те и другие должны быть направлены на то, чтобы педагог мог оценить реальные учебные результаты школьников не только с точки зрения их соответствия требованиям государственных стандартов, но и с позиций личностного развития учащихся [7].

О несовершенстве традиционной системы контрольно-оценочной деятельности, принятой в отечественном образовании, говорят давно и много, причём самые разные люди [1, 2], в их числе — учёные, педагоги, родители.

Во-первых, критикуют «отметочный» способ оценивания образовательных результатов учащихся. Действительно, при всей простоте и удобстве применения оценивание через отметку:

- фиксирует лишь уровень демонстрируемых ребёнком знаний, предъявляемых «здесь и сейчас», и не позволяет педагогу оценить усилия, которые затрачены школьником для достижения этого результата;
- не учитывает внеучебную деятельность ребёнка (в кружках, студиях, научном обществе учащихся и т. д.), существенно дополняющую школьную программу и в той или иной мере влияющую на достижение учебного результата;
- не всегда способствует положительной мотивации учебной деятельности школьника;
- носит субъективный характер (на оценку влияет отношение учителя к ученику: не секрет, что за один и тот же результат один ученик может получить 3, а другой -4).

Во-вторых, отрицательные суждения высказывают в связи с формой промежуточной и итоговой аттестации школьников. В официальных документах в качестве итоговой считается аттестация выпускников основной и полной средней школы, т. е. аттестация учащихся 9-х и 11-х (12-х) классов. Промежуточной считается аттестация по итогам каждого учебного года.

Сегодня, как правило, оба вида аттестации осуществляются в таких формах, как контрольные работы, зачёты, экзамены (переводные либо выпускные). Несмотря на то, что экзамен существует в российских школах многие десятилетия, он не перестаёт вызывать нарекания с самых разных сторон. Предпринимаются и попытки его усовершенствовать. Кому не хотелось бы избавить детей от фактора случайности, психологических перегрузок, субъективности педагогов. Вызывает сомнение правомерность применения на школьных экзаменах когнитивного подхода, характерного для профессиональной аттестации взрослых, когда предметом оценивания становится лишь степень усвоения определённого объёма информации по конкретному предмету безотносительно личных усилий и личностных достижений учащегося.

За рамками внимания педагога-предметника, заинтересованного прежде всего в том, чтобы ученик как можно более точно воспроизвел переданные ему на уроках знания, остаётся значительный пласт надпредметных знаний и умений ученика, степень развития его творческих возможностей, личностных качеств, социальных компетенций, приобретённых за определённый период: учебный год, школьную ступень [1, 2].

Однако, несмотря на понимание необходимости перемен, большинство школ продолжает использовать в своей практике привычные способы оценивания при всей их ограниченности. Почему же так происходит? Практика оценочной деятельности показывает, что педагоги и администраторы школ не знают всех своих прав в сфере контрольно-оценочной деятельности. Кроме того, они слабо информированы об опыте применения новых технологий оценивания учебных достижений школьников, накопленном в образовательных учреждениях.

Несовершенство законодательной базы аттестации школьников в той или иной мере осознаётся педагогической общественностью. Профессиональные встречи педагогов, научнопрактические конференции, выступления в печати показывают, что в педагогической среде находит живой отклик вопрос об альтернатив-

ных формах промежуточной и итоговой аттестации учащихся [7].

В ряде педагогических журналов были опубликованы материалы об опыте применения различных форм аттестации школьников. Часть из них родилась непосредственно в общеобразовательных учреждениях, часть — в учреждениях дополнительного образования, изначально ориентированных не только на учебные, но и на личностные достижения школьников [3].

Формы проведения промежуточной и итоговой аттестации, а также способы фиксации их результатов должны отличаться друг от друга, поскольку несут различную педагогическую нагрузку.

«Сверхзадача» педагога в процессе промежуточной аттестации состоит в том, чтобы:

- определить уровень знаний, умений, навыков школьника по конкретному предмету (они и фиксируются традиционной отметкой, которая при этом обязательно должна быть мотивированной и понятной ему);
- оценить рациональность его учебной деятельности;
- заметить его старания и усилия, затраченные для достижения предъявленного результата (дополнительное образование, личные достижения);
- выявить проблемы, с которыми сталкивается ребёнок;
- дать толчок к развитию мотивации, стимулировать последующие успехи учащегося.

Исходя из перечисленных аспектов, логично заключить, что формы промежуточной аттестации могут быть достаточно разнообразными, а способ фиксации полученных результатов непременно должен сочетать выставление традиционной отметки с развёрнутым комментарием к ней. Лучше всего, если такой комментарий оформляется учителем письменно — в специально разработанном для этого документе, например, карте образовательных результатов школьника. Тогда выставленная отметка получает ту самую «прозрачность», о которой мечтают ученики и их родители [4].

И совсем уж оптимальный вариант, если, комментируя отметку, учитель оценивает личные усилия ребёнка. В данном случае можно использовать практику учреждений дополнительного образования детей. Здесь, как правило, образовательная программа педагога не утверждается, если она не предполагает достижение результатов как в области учебной деятельности ребёнка (освоение содержания преподаваемого предмета, устойчивость интереса к

нему), так и в сфере его личностного развития (совершенствование нравственных качеств, приобщённость к культурным ценностям, уровень творческой активности, освоение социальных ролей, адаптация, жизненное и профессиональное самоопределение). Результаты личностного развития многие педагоги дополнительного образования отмечают в течение года, используя такие документы, как карточка личностного роста, дневник личных достижений и т. п. [7, 8].

Этим опытом целесообразно воспользоваться и в школе. Например, классный руководитель в течение учебного года заполняет на каждого ученика личный лист достижений, включающий:

- учебную деятельность (отметки по четвертям и за учебный год по всем предметам);
- дополнительное образование (школьные факультативы, образовательные программы в учреждениях дополнительного образования детей, курсы при вузах);
- общественную деятельность школьника (социально значимые дела);
- его творческие достижения (участие в олимпиадах, конференциях, учебно-исследовательская работа, участие в конкурсах, соревнованиях, выставках, концертах разного уровня).

Желательно добавить сюда ещё один раздел — блок саморазвития, отражающий достижения ребёнка в работе над собой: развитие терпения, воли, самоконтроля, умение адекватно оценивать себя, развитие навыков сотрудничества и т. п. [7].

Какие же нетрадиционные подходы к промежуточной аттестации можно использовать в школе, ориентируясь на необходимость разноплановой оценки образовательных результатов учащихся? Во-первых, переводной экзамен можно организовать с применением игровых технологий. В этом случае вместо обычного устного экзамена в конце года можно провести заключительный урок в виде викторины, конкурса, КВН, интеллектуальной игры, заочного путешествия, тематической экскурсии (где экскурсоводы — сами учащиеся) и т. д. Дети с удовольствием готовятся к таким занятиям, не испытывая страха, как, например, перед годовой контрольной. Поэтому, будучи по сути контрольными, они не травмируют учащихся, вместе с тем позволяют школьникам ещё раз систематизировать пройденный материал, ликвидировать пробелы в знаниях. Приемлемы они для учащихся разного возраста — от самых маленьких до старшеклассников.

При этом у педагога ничуть не меньше возможностей оценить уровень знаний и умений по предмету (и выставить соответствующую отметку), а также выяснить, насколько готовы ученики применить эти знания при выполнении конкретных практических заданий. Кроме того, появляется возможность дать советы детям по вопросам развития их речевой культуры, способам работы в группе, приемлемым формам общения.

Другим способом проведения промежуточной аттестации учащихся может стать защита учебных проектов. Школьные учебные проекты — достаточно популярный в современной школе вид детского практико-ориентированного исследовательского творчества — дают возможность школьникам включиться в процесс поиска истины и получения определённого результата. При этом активно развивается творческий потенциал ребёнка и одновременно формируется целый ряд личностных качеств: умение брать на себя ответственность за выполненную работу, способность критически анализировать результаты своей деятельности, умение работать в коллективе (если это групповой проект): сотрудничать, разделять ответственность, подчинять свои желания общим интересам [5, 6]. Проекты могут быть:

- монопредметными (выполняются на материале конкретного предмета);
- межпредметными (интегрируется смежная тематика нескольких предметов, например, история, литература, МХК);
- надпредметными (выполняются в ходе факультативных занятий, изучения интегрированных курсов, занятий в системе дополнительного образования детей).

В организационном плане различают проекты индивидуальные и групповые. Тематика проектов, выполняемых в школах, разнообразна [4].

Особую ценность учебные проекты приобретают для детей, проявляющих способности к конструированию, изготовлению поделок, моделей, макетов приборов, аппаратов, установок. Защита подобных работ — обширное поле для разносторонней оценки как собственно учебных, так и личностных достижений школьников. Целесообразна рейтинговая система оценки на основе специально разработанной индивидуальной карты защиты учебного проекта, заполняемой на каждого ученика в ходе защиты проекта. В итоге полученные баллы переводятся в соответствующую традиционную отметку.

Близкой к учебному проекту является такая форма промежуточной аттестации, как защита

рефератов и презентация созданных школьниками учебно-методических материалов. Чтобы реферат мог использоваться как основа аттестации по итогам учебного года, он должен отвечать некоторым обязательным требованиям:

- выполняться по актуальной теме;
- освещать историю изучаемого вопроса и уровень его разработанности;
- содержать сравнительный анализ различных позиций и собственное мнение автора;
- содержать выводы и рекомендации по возможному использованию представленных в работе материалов.

Что касается учебно-методических материалов, подготовленных школьниками, то в качестве таковых могут быть: дидактические материалы к учебной теме, подборка публикаций по спорной проблеме с кратким аннотированным изложением их содержания, аннотированный каталог дополнительной литературы для учащихся к отдельной теме или целому разделу учебного курса, материалы к словарю (набор определений основных понятий), подборка литературных рецензий с их краткой аннотацией, отчёт об экспериментальной работе (например, дневник наблюдений за развитием растений, животных) и т. п.

Ещё одна необычная форма промежуточной аттестации — прикладные олимпиады. Это состязание школьников в решении практических (простейших бытовых) задач, относящихся к различным сферам деятельности. Здесь оценивается лишь положительный результат, поэтому соревнования не вызывают у детей страха, боязни получить плохую отметку. Цель олимпиады — предоставить каждому ученику возможность продемонстрировать умение применять на практике (для решения жизненно важных проблем) знания, полученные в школе.

Другой возможной формой итоговой аттестации выпускников может стать выполнение открытого учебного проекта. Непосредственно перед итоговым испытанием учащимся предлагается список тем. Одну из них каждый выпускник должен проработать, текстуально оформить и (если это будет предусмотрено испытанием) защитить перед комиссией. Для выполнения этой творческой работы выделяется определённое время (3—4 часа), разрешается пользоваться всеми доступными в рамках данного мероприятия средствами: справочниками, словарями, дополнительной литературой, компьютерной техникой. Например, можно предложить выпускникам составить на иностранном языке, изучавшемся в школе, текст заочной экскурсии по одному из городов России или по стране изучаемого языка, по Золотому кольцу России, известному музею, по местам исторических событий и т. д.

Нужно обратить внимание на то, что ни в одном официальном документе не запрещено устраивать открытый экзамен с использованием справочной и дополнительной литературы. Подобный способ аттестации позволяет не только выявить необходимые знания школьника (педагогу-профессионалу никакая дополнительная литература помешать в этом процессе не может), но и оценить его умение работать самостоятельно, а также представлять и защищать перед экзаменаторами свою работу. По такой работе, подготовленной «здесь и сейчас», можно судить о творческом потенциале выпускника [9, 10].

К выполненной исследовательской работе, а также открытому учебному проекту выпускник может приложить документ, в котором зафиксированы его личные достижения по данному направлению учебной деятельности:

- свидетельство об участии в олимпиадах, конкурсах, соревнованиях разного уровня, выставках художественного и технического творчества, научно-практических конференциях;
- сертификат об освоенных дополнительных образовательных программах в учреждениях дополнительного образования детей;
  - ксерокопии печатных работ и т. п.

Сведённые воедино («портфолио»), творческие достижения учащихся могут быть отражены в особом приложении к аттестату о полном среднем образовании и выдаваться на выпускном вечере.

Ещё одна нетрадиционная форма итоговой аттестации выпускников (её целесообразно позаимствовать из арсенала аттестационных способов дополнительного образования детей) — научно-практическая конференция учащихся. Технология ее подготовки и проведения (как итогового аттестационного испытания) должна несколько отличаться от обычной конференции, поскольку здесь каждому участнику следует проявить себя и в качестве докладчика, и в качестве оппонента.

Тема конференции формулируется заранее; предметным методическим объединением школы готовятся и утверждаются вопросы для обсуждения; каждый учащийся, изъявивший желание участвовать в данной форме аттестации по предмету, также заранее выбирает тему и работает над ней. Выступления должны быть лаконичными (не более 10 минут). Участники, помимо собственного доклада, должны быть готовы к тому, чтобы задавать вопросы, анализи-

ровать и дополнять выступления своих одноклассников [6].

Такая форма аттестации позволяет оценить: уровень знаний учеников по предмету, их умение самостоятельно работать с научной литературой, аргументированно представлять собственную позицию, анализировать чужие взгляды, вести диалог, работать в группе, общаться со сверстниками.

Наконец, может быть использован и такой способ итоговой аттестации, как выставка прикладных работ учащихся, выполненных во время учебного года, до начала итоговой аттестации. Наиболее приемлем этот способ в системе дополнительного образования. Как показывает практика дополнительного образования детей, где активно применяется этот способ оценивания, центральным пунктом данной процедуры выступает защита представленной работы. Именно в процессе защиты выпускник демонстрирует необходимый диапазон знаний, умений и навыков, позволивших создать то, что он представляет. Правда, в отличие от дополнительного образования, перечень предметных областей для итоговой аттестации в школе по этой форме будет вряд ли велик. Скорее всего, это может быть физика и химия (соответствующие приборы, аппараты, установки, действующие технические модели с объяснением тех законов, которые лежат в основе их работы), а также информатика (компьютерные программы учебного назначения, информационно-справочная база по отдельным учебным предметам, виртуальные лабораторные работы, школьные web-страницы и т. д.). Хотя имеется достаточное количество примеров выполнения прикладных работ и по таким предметам, как история, биология, география, русский язык и др.

При оценивании прикладных работ с использованием новых информационных технологий необходим анализ не только итогового продукта с позиций его соответствия требованиям, заложенным в школьный курс информатики. Важно оценить и комплекс таких умений и навыков выпускников, как способность подобрать нужную информацию из самых разных источников (не только сети Интернет), сопоставить и проанализировать её, нужным образом структурировать, оформить как мультимедиаобъект, представить его экспертам.

Для оценивания содержания учебно-исследовательских работ, открытых учебных проектов, устных выступлений школьников на конференциях и при защите прикладных работ можно воспользоваться методикой, разработанной педагогами из г. Екатеринбурга на основе таксономии целей Б. Блума [7].

Суть методики составляет матричный подход к оценке качества образовательных результатов, система параметров и критериев которого соответствует требованиям Госстандарта. По каждому параметру, занесенному в матрицу, по шестибалльной шкале (от 0 баллов — «качество вообще не выражено» до 5 баллов — «качество выражено максимально») каждый член экзаменационной комиссии выставляет соответствующий балл. При определении итоговой отметки высчитывается средний балл, который соотносится с традиционной пятибалльной шкалой.

Особая ценность предложенной методики состоит в том, что она позволяет дать развернутое обоснование той оценки, которую экзаменационная комиссия выносит в отношении представленной учеником работы, а также процедуры ее защиты. При этом каждому учащемуся предоставляется право ознакомиться с качественной характеристикой того и другого.

Таким образом, дополнение общепринятых форм аттестации иными, альтернативными способами может помочь школе сделать реальные шаги к гуманизации нередко болезненного для детей процесса подведения итогов обучения.

Литература

- 1. Амонашвили Ш. А. Воспитательная и образовательная функции оценки учения школьников / Ш. А. Амонашвили. М.: Просвещение, 1984. 297 с.
- 2. Амонашвили Ш. А. Обучение. Оценка. Отметка / Ш. А. Амонашвили. М. : Наука, 1980. 96 с.
- 3. Донина О. И. Организация и методика мониторинга результатов педагогической деятельности учреждения дополнительного образования / О. И. Донина. Ульяновск, 1999. 56 с.
- 4. Донина О. И. Показатели результативности деятельности учреждения дополнительного образования аэрокосмического профиля : пособие для руководителей и педагогов учреждений дополнительного образования детей / О. И. Донина. Ульяновск, 1999. 88 с.
- 5. Карнаухова М. В. Единое мировое образовательное пространство как объект педагогических исследований / М. В. Карнаухова // Мир в образовании. Образование в мире : межвузовский сб. науч. ст. М.—Чебоксары, 2005. С. 32—39.
- 6. Карнаухова М. В. Основные тенденции оценивания качества образования на рубеже столетий: моногр. Ч. 2. Оценка результативности педагогического процесса в системе дополнительного образования детей / М. В. Карнаухова. Ульяновск: УлГУ, 2002. 100 с.

- 7. Карнаухова М. В. Опыт рейтинговой оценки подготовки выпускников школы к поступлению в вузы / М. В. Карнаухова // Педагогические проблемы и перспективы их решения : межвузовский сб. науч. тр. М.—Чебоксары, 2005. С. 45—47.
- 8. Карнаухова М. В. Диверсификация мировой системы оценивания качества образования на рубеже XX—XXI столетий: моногр. / М. В. Карнаухова. Ульяновск: УлГУ, 2006. 422 с.
- 9. Кленова Н. Альтернативные способы аттестации школьников / Н. Кленова // Дополнительное образование. 2004. № 6. C. 209—219.
- 10. Талина И. В. Психология педагогической оценки / И. В. Талина, М. В. Карнаухова // Современные модели в преподавании иностранных языков в контексте менеджмента качества образования : сб. материалов Второй учебнометодической интернет-конф. Т. 2 / под общ. ред. проф. Г. П. Бакулева. М. : РГСУ, 2008. С. 177—182.

AUTHENTIC FORMS OF EVALUATION IN MODERN EDUCATIONAL SYSTEM

O. I. Donina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia) podsnezhnik12@rambler.ru

M. V. Karnaukhova

Ulyanovsk Sate University (Ulyanovsk, Russia) tamore@rambler.ru

This article analyzes the alternative forms of assessment of educational results because the traditional system of estimating pupils' educational results is not perfect. There is an evident necessity to find a new, more informative form within the traditional assessment system. The practice of appraisal activity shows that teachers and school administrators are not aware of their rights in the field of control and valuation activities. Besides, they are badly informed about the experience of the application of new educational achievements estimation technology which is gained in the educational institutions. The imperfection of the legislative base of certification of schoolchildren in one way or another is realized by the educational community. Professional meeting of teachers, scientific and practical conferences, articles in the press indicate that educational environment finds a ready response in the question of alternative forms of intermediate and final students' testing. The forms of Intermediary assessment can be quite various, and the method of fixation of the results must necessarily be combined with the level of exposure of the traditional unwrapped commentary to it. Best of all the comment should be made in written form for example, map student educational outcomes by the teacher.

Key words: evaluation system of educational results, control and evaluation activities, authentic forms, cognitive component, traditional form of evaluation, personal development of students, positive motivation.

References

- 1. Amonashvili Sh. A. (1984) Vospitatelnaya i obrazovatelnaya funktsii otsenki ucheniya shkolnikov [Educational and training function evaluation exercises students]. Moscow: Prosveschenie, 297 p.
- 2. Amonashvili Sh. A. (1980) Obuchenie. Otsenka. Otmetka [Training. Evaluation. Mark]. Moscow: Nauka, 96 p.
- 3. Donina O. I. (1999) Organizatsiya i metodika monitoringa rezultatov pedagogicheskoy deyatelnosti uchrezhdeniya dopolnitelnogo obrazovaniya [Organization and methodology for monitoring results of educational activities of the institution in additional education]. Ulyanovsk, 56 p.
- 4. Donina O. I. (1999) Pokazateli rezultativnosti deyatelnosti uchrezhdeniya dopolnitelnogo obrazovaniya aerokosmicheskogo profilya: posobie dlya rukovoditeley i pedagogov uchrezhdeniy dopolnitelnogo obrazovaniya detey [The result indicators of the institution of additional education Aerospace Profile: A Handbook for heads and teachers of institutions in additional education of children]. Ulyanovsk, 88 p.
- 5. Karnaukhova M. V. (2005). Edinoe mirovoe obrazovatelnoe prostranstvo kak obyekt pedagogicheskih issledovaniy [United world educational space as the object of educational research]. Mir v obrazovanii. Obrazovanie v mire: Mezhvuzovskiy sbornik nauchnyh statey, M.—Cheboksary, pp. 32—39.
- 6. Karnaukhova M. V. (2002) Osnovnye tendentsii otsenivaniya kachestva obrazovaniya na rubezhe stoletiy: monografia. Ch. 2. Otsenka rezultativnosti pedagogicheskogo protsessa v sisteme dopolnitelnogo obrazovaniya detey [Major trends for Educational Quality Assessment in the turn of the century. Monograph. Part 2. Evaluation of the effectiveness of the pedagogical process in the system of additional education of children]. Ulyanovsk: UISU, 100 p.
- 7. Karnaukhova M. V. (2005). Opyt reitingovoy otsenki podgotovki vypusknikov shkoly k postupleniyu v vuzy [The experience of rating of school graduates teaching to enter the universities]. Pedagogicheskie problemy i perspektivy ih resheniya. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnyh trudov, M.—Cheboksary, pp. 45—47.
- 8. Karnaukhova M. V. (2006) Diversifikatsia mirovoy sistemy otsenivaniya kachestva obrazovaniya na rubezhe XX—XXI stoletiy: monografiya [Diversification of the global system of education quality evaluation in the turn of XX—XXI centuries. Monograph]. Ulyanovsk: UISU, 422 p.
- 9. Klenova N. (2004). Alternativnye sposoby attestatsii shkolnikov [The alternative methods of certification pupils]. Dopolnitelnoe obrazovanie, 6, pp. 209—219.
- 10. Talina I. V., Karnaukhova M. V. (2008). Psihologiya pedagogicheskoy otsenki [Psychology of educational evaluation]. Sovremennye modeli v prepodavanii inostrannyh yazykov v kontekste menedzhmenta kachestva obrazovaniya. [Current models in the teaching of foreign languages in the context of education quality management. The collection of materials of the second teaching methods Internet conference]. Moscow: RSSU, pp. 177—182.

А. В. Емельяненкова

Ульяновский государственный университет (г. Ульяновск, Россия) annaemelyanenkova@ gmail.com

МОТИВАЦИЯ ВЛАСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ И ПОДЧИНЕННЫХ В ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОМАНД

В статье представлены материалы изучения психологических особенностей реализации мотивации власти в управленческих командах, ее влияние на эффективность индивидуальной и совместной деятельности. В качестве основного метода исследования была использована проективная диагностика на основе ТАТ. Для определения успешности управленческих команд применялся метод экспертных оценок в форме ранжирования. Объектом исследования выступили 20 функциональных команд, каждая являлась единицей, отделом администрации муниципального предприятия. Для каждого члена команды измерялась выраженность мотивации власти, что позволило в дальнейшем выделить два критерия для анализа: общий коэффициент мотивации власти команды (как среднее значение), коэффициент преобладания мотивации власти в системе «руководитель — подчиненные». Полученные результаты подтвердили, что успешные и неуспешные команды обладают разными характеристиками выраженности мотивации власти по выделенным критериям, причем решающую роль играет именно сочетание выраженности мотивации власти в системе «руководитель — подчиненные». Также нам удалось выявить значимые психолого-акмеологические детерминанты мотивации власти, связанные с полом и порядком рождения руководителей. Выявленные тенденции позволяют раскрыть новые стороны системы «руководитель — подчиненные» и наметить пути повышения эффективности управленческой и кадровой деятельности, успешности функционального и межличностного взаимодействия.

Ключевые слова: мотивация власти, управленческая команда, система «руководитель — подчиненные», порядок рождения.

Рассмотрение явления власти, его значения и роли в социальной жизни человека представляет собой актуальную тему в ситуации современного преобразования структуры власти. Власть как «некое глобальное явление, присущее человеческому обществу» [3], имеет давнюю традицию анализа в истории общественной мысли. Генезис власти привел к многомерности ее проявления в самых различных сферах жизни и, следовательно, к постановке перед учеными все новых проблем ее изучения. Психологический аспект мотивации власти впервые привлек к себе внимание в исследованиях неофрейдистов и был объявлен одним из главных мотивов человеческого социального поведения. В последующие годы исследователи неоднократно обращались к явлению власти, анализируя как само понятие власти в психологии, так и действие власти — индивидуальные различия, взаимосвязь с другими особенностями личности [9—11].

Многочисленные теоретические и экспериментальные исследования на уровне мировой практики существуют при недостаточной разработке данной проблемы в отечественной психологии. Долгое время стремление к власти — как психологическая особенность личности — не считалось возможной или допустимой и в силу этого не рассматривалось как составляющая эффективной деятельности отдельной личности и коллектива в целом. Претерпело изменения и само понятие коллектива; сейчас все большее число исследователей рассматривают в качестве основной единицы организационной деятельности команду, понятие которой, наряду с возрастающей популярностью, носит неоднозначный характер как у зарубежных, так и отечественных авторов [7].

Методы исследования. Основные проблемы измерения мотивации с помощью опросников связаны со снижением адекватности ответов испытуемого из-за действия фактора социальной желательности или защитной мотивации [1]. Многочисленные результативные исследования мотивации с помощью проективных методик, построенных на анализе продуктов воображения и фантазии (ТАТ, Розенцвейга, различные модификации), а также обнаружение индикаторов потребности во власти в содержании вербальных текстов (Д. Винтер, А. Стюарт и др. [2]) позволили нам сделать предположения о возможности проективного измерения мотива власти.

Итак, в качестве способа выявления мотивации власти была использована произведенная нами под руководством Ю. В. Синягина модификация процедуры измерения мотивации достижения, предложенная Р. С. Немовым на основе идеи ТАТ. Суть методики состояла в том, что испытуемым предлагалось в письменном виде, по определенному, заранее заданному плану проинтерпретировать серию сюжетов неопределенных картинок, на которых изображены люди в различных ситуациях. В результате испытуемый предоставлял по четыре текстовых описания, каждое из которых подвергалось контент-анализу по определенным категориям.

Объектом исследования выступали 20 функциональных команд. Понятие «функциональной команды» нами рассматривается исходя из классификации Г. Паркера [7, с. 38—39]. По его мнению, примером команды такого типа может служить армейское подразделение, а также любая пирамидальная структура (босс и его указания). Большинство организаций построено по такому принципу и не содержит других команд, кроме функциональных. В нашем исследовании каждая команда включала в себя руководителя (1-е лицо) и подчиненных, в некоторых случаях существовал заместитель руководителя (выступая в качестве 2-го лица). Каждая команда являлась единицей, отделом администрации муниципального предприятия, выполняющим жестко определенные функции.

Для каждого из членов команды измерялась выраженность мотивации власти с использованием методики, указанной выше. Выдвигалась гипотеза о влиянии выраженности мотивации власти членов команды на успешность деятельности команды в целом. Для анализа данной гипотезы было выделено несколько параметров.

Во-первых, рассматривался *общий коэффициент мотивации власти (МВ)* у команды в целом, который вычислялся как среднее выраженности мотивации для всех членов команды.

Во-вторых, преобладание выраженности мотивации власти у руководителя или у подчиненных. Первоначально подсчитывалось среднее выраженности МВ у подчиненных, которое затем вычиталось из показателя выраженности мотивации власти руководителя. Таким образом, коэффициент со знаком «минус» говорит о большей выраженности МВ у подчиненных, со знаком «плюс» — у руководителя.

Третьим параметром выступила *успешность деятельности команд*, определенная с помощью метода экспертных оценок.

Метод экспертных оценок имеет особое значение при изучении сферы управления, где является наиболее эффективным, если не единственным средством решения определенного круга проблем [8, с. 302]. В нашем исследовании в качестве экспертов выступили руководители вышестоящих должностей, знакомые с работой предоставленных нами подразделений (команд). Им было предложено упорядочить отдельные карточки с названиями подразделений по критерию успешности выполнения ими своих функций. Метод ранжирования был выбран на том основании, что «надежность ранжирования при небольшом числе объектов (до 20—30) выше надежности балльных оценок» [8, с. 83].

Затем на основании полученных данных подсчитан средний ранг команды. Исходя из того, что максимально возможный ранг равен 20, то 10-й был предложен нами как граница между «успешными» и «неуспешными». В результате 11 первых команд отнесены к «успешным» и 9 последних — к «неуспешным». Дальнейший анализ происходил именно на сопоставлении параметров «успешных» и «неуспешных» команд.

Обсуждение результатов. Перечисленные параметры, а именно общий коэффициент мотивации власти, коэффициент преобладания мотивации власти «руководитель — подчиненные», успешность деятельности команд, в частности, сопоставлялись при помощи графического метода. Оказалось возможным выделить следующие тенденции.

Во-первых, для «успешных» команд характерны (рис. 1):

- мотивация власти команды в целом чуть *выше среднего;*
- преобладание мотивации в системе «руководитель — подчиненные» — наблюдается значительный *разброс* между показателями руководителя, с одной стороны, и подчиненных с другой, однако у кого именно более сильно выражена мотивация власти, роли не играет.

Исследователями отмечалось, что наиболее благоприятным для успешного руководства людьми является средневыраженный мотив власти у руководителя (Д. МакКлелланд, М. Херманн) [9, 10]. Наши данные говорят об успешности деятельности команды при выраженности для нее мотивации власти примерно на этом же уровне. В этом случае команда не выступает в форме группировки (в понимании Г. Саймона: «в организации могут существовать команды,

основной целью которых является прежде всего захват власти в организации — *группировки*» [6]) и не «закрывает» борьбой за власть выполнение своих прямых функций. Тем не менее учет властных отношений в организации позволяет координировать действия в необходимом для команды направлении.

Разброс между показателями руководителя, с одной стороны, и подчиненных — с другой, можно рассматривать как «уравновешивание» друг другом руководителя и подчиненных в мотивации власти (что выражается в указанном выше среднем стремлении к власти команды в целом). Но в то же время одно из звеньев в системе «руководитель — подчиненные» имеет более сильную мотивацию власти и «подталкивает» команду и, как можно предположить, показывает ее с «лучшей стороны» перед администрацией. Так, Р. Стогдилл, анализируя многие исследования, показал, что сходство в аттитюдах и восприятии ролей между руководителями и администрацией ведет к предпочтению их со стороны последних, и в этом случае они оцениваются администрацией как более эффективные. М. Балм, изучая межличностное восприятие на трех уровнях иерархии, пришел к выводам: руководитель, идентифицирующий себя с «менеджментом», оценивается «сверху» как руководящий более продуктивной группой, чем тот, который в меньшей степени отождествляет себя с администрацией [4].

Во-вторых, для «неуспешных» команд характерно (рис. 2):

- нет каких-либо тенденций в мотивации власти команды в целом;
- по параметру преобладания «руководитель подчиненные» характерны минимальные различия в стремлении к власти между ними.

В данном случае интересным прежде всего оказался тот аспект, что разница между мотивацией власти у руководителя и подчиненных минимальна. При этом общий коэффициент может быть как высоким (т. е. мотивация власти высока и у руководителя, и у подчиненных), так средним и низким (соответственно). В первом случае команда может стремиться к власти (в ущерб выполнения собственных функций, переходя в роль группировки, по Г. Саймону) или — во втором — не обращать на нее (власть) никакого внимания (оставаясь «незамеченной» и «неоцененной» администрацией, по Р. Стогдиллу и М. Балму). Таким образом, складывается реальная или «видимая» неуспешность команды.

В-третьих, кратко отметим еще некоторые аспекты, которые могут представлять интерес в связи с заявленной темой. Фактор успешности привлек наше внимание также с точки зрения возможной зависимости от некоторых характеристик руководителей команд. Рассматривались такие характеристики, как мотивация власти, пол, возраст, старшинство ребенка в семье.

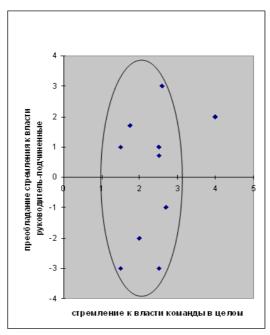

Рис. 1. Распределение «успешных» команд по параметрам стремления к власти команды в целом и преобладания стремления к власти в системе «руководитель — подчиненные»

Рис. 2. Распределение «неуспешных» команд по параметрам стремления к власти команды в целом и преобладания стремления к власти в системе «руководитель — подчиненные»

Значимые результаты были получены при сравнении старших и младших детей в семье, с одной стороны, и средних — с другой (значимость на 5 % уровне), а именно: в группе «успешных» команд среди руководителей преобладают старшие и младшие дети и не встречаются средние, а в группе «неуспешных» большинство руководителей (56 %), которые в семье — средние дети. Можно отметить, что наиболее успешными выступают старшие дети (63 % в группе «успешных» и 33 % «неуспешных»), затем младшие (37 и 11 % соответственно) и, наконец, средние (0 и 56 %).

Среди руководителей успешных и неуспешных в своей деятельности команд соотношение мужчин и женщин приблизительно одинаково. Однако как наиболее успешные и менее неуспешные экспертами назывались команды с руководителем-мужчиной. Остается открытым вопрос: является ли данное распределение результатом реальной тенденции (по методике оценки мотивации достижения, предложенной Р. С. Немовым, женщины имеют показатели несколько ниже, чем мужчины (на этой же выборке), но не значимые статистически; при этом женщины-руководители показывают более высокую мотивацию достижения, чем женщины не-руководители) или это «видимая», стереотипная неуспешность, с точки зрения экспертовмужчин администрации предприятия [11]. Стоит отметить, что каждая женщина-руководитель

успешной команды оказалась первым по порядку рождения ребенком в семье (для мужчин — это еще и младшие дети), в то время как женщины-руководители неуспешных команд — преимущественно средние по порядку рождения (как и мужчины).

Выводы

Во-первых, мотивация власти руководителя и подчиненных оказывает влияние на успешность функционального взаимодействия в команде. Значительную роль играет сочетание выраженности мотивации власти у членов команды.

Во-вторых, существуют психолого-акмеологические детерминанты мотивации власти. Определенное воздействие оказывают индивидуальные особенности и личностное развитие на протяжении всей жизни, влияние социальной среды — специфика воспитания и стереотипы поведения.

В-третьих, психолого-акмеологическое сопровождение деятельности управленческих команд позволит как повысить адекватность их экспертной оценки со стороны руководства, например, в рамках программ по формированию эффективных схем атрибутивных процессов в различных жизненных ситуациях (Михайлова И. В.), так и развить профессиональную идентичность и профессиональное мировоззрение руководителей и подчиненных (Седунова А. С.) [5], что в целом увеличит эффективность деятельности управленческих команд.

Литература

- 1. Бодалев А. А. Общая психодиагностика / А. А. Бодалев, В. В. Столин, В. С. Аванесов. СПб. : Изд-во «Речь», 2000. —
- 2. Имидж лидера. Психологическое пособие для политиков / под ред. Е. В. Егоровой-Гантман. М. : Об-во «Знание» России, 1994. 265 с.

- 3. Кейзеров Н. М. Власть и авторитет: критика буржуазных теорий / Н. М. Кейзеров. М.: Юрид. лит., 1973. 264 с.
- 4. Межличностное восприятие в группе / под ред. Г. Н. Андреевой, А. И. Донцова. М.: Изд-во МГУ, 1981. 295 с.
- 5. Михайлова И. В. Прикладные технологии социального познания : методические рекомендации / И. В. Михайлова, А. С. Седунова, В. Б. Салахова. Ульяновск : УлГУ, 2013. 56 с.
- 6. Саймон Г. Менеджмент в организациях: сокр. пер. с англ. с 15 изд. / Г. Саймон, Д. Смитбург, В. Томсон ; общ. ред. и вступ. ст. А. М. Емельянов, В. В. Петрова. М. : Экономика, 1995. 335 с.
- 7. Синягин Ю. В. Психология внутриорганизационных отношений : учеб. пособие / Ю. В. Синягин. М.—Ульяновск : Фирма Darp, 1995. 114 с.
- 8. Словарь прикладной социологии. Минск : Изд-во «Университетское», 1984. 317 с.
- 9. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен. 2-е изд. СПб. : Питер ; М. : Смысл, 2003. 860 с.
- 10. McClelland D. C. Human Motivation. Cambridge University Press, 1987. 663 p.
- 11. Winter, David G. The power motive in women and men // Journal of Personality and Social Psychology. Mar 1988. Vol. 54(3). P. 510—519.

POWER MOTIVATION OF A MANAGER AND EMPLOYEES THROUGH THE EFFECTIVENESS OF MANAGEMENT TEAMS

A. V. Emelyanenkova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia) annaemelyanenkova@gmail.com

The article analyses the psychological characteristics of the implementation of the power motivation in management teams and its impact on the effectiveness of an individual and joint activities. The projective diagnostics based on TAT was used as the primary method of research. The method of expert assessments in the form of ranking was applied to determine the efficiency of the management teams. There were 20 target teams as an object, each is a department of the municipal administration of the company. For each member of the team the intensity of the power motivation was measured to highlight the two criteria for the analysis: the general factor of the power motivation of the team (as the average), the predominance of values of the power motivation in the system "manager — employees". The results confirm that the efficient and inefficient teams have different characteristics of the power motivation for the certain criteria. The crucial role is the combination of the manifestation of the power motivation in the system "manager — employees". Also the article emphasizes the important psychological and akmeological determinants of power motivation related to sex and birth order of the managers. It also identifies trends which can reveal the new aspects of the system "manager — employees" and identify ways to improve the efficiency of administrative and human resources.

Key words: power motivation, management teams, "manager — employees", birth order.

References

- 1. Bodalev A. A., Stolin V. V., Avanesov V. S. (2000) Obschaya psihodiagnostika [General psychodiagnostics]. SPb.: Izd-vo «Rech», p. 440.
- 2. Egorova-Gantman E. V. (1984) Imidzh lidera. Psihologicheskoye posobiye dlya politikov [Image of a leader]. Moscow: Ob-vo «Znanie» Rossii, p. 265.
- 3. Keyzerov N. M. (1973) Vlast i avtoritet: kritika burzhuaznyh teoriy [Power and authority: criticism of bourgeois theories]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, p. 264.
- 4. Andreeva G. N., Dontsova A. I. (1981) Mezhlichnostnoye vospriyatiye v gruppe [Interpersonal perception in the group]. Moscow: Izd-vo MGU, p. 295.
- 5. Mikhaylova I. V., Sedunova A. S., Salakhova V. B. (2013) Prikladnye tekhnologii sotsialnogo poznaniya: metodicheskie rekomendatsii [Applied technologies of social cognition]. Ulyanovsk: UIGU, p. 56.
- 6. Saymon G., Smitburg D., Tomson V. (1995) Menedzhment v organizatsiyah [Management in organizations]. Moscow: Ekonomika, p. 335.
- 7. Sinyagin Yu. V. (1995) Psihologiya vnutriorganizatsionnyh otnosheniy [Psychology of corporate relationships]. Ulyanovsk: Firma Darp, p. 114.
- 8. Slovar prikladnoy sotsiologii [Dictionary of applied sociology]. Minsk: Izd-vo «Universitetskoye», 1984, p. 317.
- 9. Khekkhauzen K. H. (2003) Motivatsiya i deyatelnost [Motivation and activity]. 2-ye izd., SPb.: Piter; Moscow: Smysl, p. 860.
- 10. McClelland David.C. (1987) Human Motivation. Cambridge University Press, 663 p.
- 11. Winter, D. G. (1988) The power motive in women and men. Journal of Personality and Social Psychology, Vol. 54(3), pp. 510—519.

ВЕСТНИК

Н. В. Калинина
Российский
государственный
университет
имени А. Н. Косыгина
(технологии, дизайн,
искусство),
ФГБНУ «Центр защиты
прав и интересов детей»
(Москва, Россия)

kalinata66@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ МОДЫ В РАСПРОСТРАНЕНИИ ИНТЕРНЕТ-РИСКОВ СРЕДИ ПОДРОСТКОВ*

В статье анализируются риски Интернета и их воздействие на социализацию подростков. На примере рисков вовлечения школьников в деструктивные группы в социальных сетях предпринята попытка анализа действия интернет-рисков с позиций социально-психологических механизмов моды. Представлены результаты исследования, направленного на выявление значения моды как регулятора поведения для подростков, включая поведение пользователя Интернета, наиболее значимых мотивов следования моде, отношения подростков к различным модным объектам, включая объекты, несущие на себе интернет-риски. Полученные результаты позволили зафиксировать тенденции значимого влияния моды на социализацию, при этом участие в группах, создаваемых в социальных сетях, входит в ряд ведущих модных объектов. В качестве движущих сил привлекательности групп организаторами используются наиболее значимые для подростков ценности современности, демонстративности и игры. Для вовлечения в группы искусно эксплуатируются социальнопсихологические механизмы моды: эмоционального заражения, внушения, подражания, идентификации. Знание данных механизмов может составить основание и для их регулирования. С позиций общества речь может идти о регулировании распространения модных объектов в сети Интернет, о целенаправленной пропаганде конструктивных (альтернативных деструктивным) модных ценностей. С позиций личности регулирование может осуществляться на основе развития адаптационных ресурсов личности, рефлексивных механизмов следования моде, устойчивости личности к негативным воздействиям, основанным на эмоциональном заражении, внушении и конформизме.

Ключевые слова: интернет-риски и угрозы, деструктивные группы, социализация, подростки, мода, социально-психологические механизмы моды.

* Публикация подготовлена в рамках государственного задания ФГБНУ «Центр защиты прав и интересов детей» на 2017 год.

Широкое распространение информационных технологий во все сферы жизнедеятельности человека оказывает существенное влияние на его социальную адаптацию. Современную жизнь человека в обществе практически невозможно представить без Интернета. Интернет становится все более значимым фактором социализации и социальной адаптации детей и подростков. Наряду с представляющимися возможностями использования Интернета как инструмента социализации, благодаря которому раздвигаются границы познания, возрастают возможности удовлетворения потребностей, расширяются рамки общения и взаимодействия, многократно возрастают и риски негативного влияния на психологическое самочувствие, эмоциональное благополучие, здоровье и даже жизнь ребенка.

Риски, с которыми сталкивается пользователь Интернета, многообразны. Их несет на себе разнообразная информация, размещаемая в сети. Как указывают исследователи, «само по-

нятие риска является субъектно-отнесенным: риск связан с ситуацией, в которой возможен неблагополучный исход, с ситуацией опасности; но исход зависит от выбора и действий человека» [8, с. 65].

В ряду актуальных для сегодняшней интернет-среды рисков, связанных с использованием Интернета детьми и подростками, специалисты [7] выделяют следующие:

- контентные риски это материалы (тексты, картинки, аудио-, видеофайлы, ссылки на сторонние ресурсы), содержащие насилие, агрессию, эротику и порнографию, нецензурную лексику, информацию, разжигающую расовую ненависть, пропаганду анорексии и булимии, суицида, азартных игр, наркотических веществ и т. д.;
- коммуникационные риски связаны с межличностными отношениями интернет-пользователей и включают в себя риск подвергнуться оскорблениям и нападкам со стороны других. Примерами таких рисков могут быть: незаконные контакты (например, груминг), киберпреследова-

ние, кибербуллинг и др. Для подобных целей используются различные чаты, онлайн-мессенджеры (ICQ, Google talk, Skype и др.), социальные сети, сайты знакомств, форумы, блоги и т. д.;

- электронные (кибер-) риски это возможность столкнуться с хищением персональной информации, риск подвергнуться вирусной атаке, онлайн-мошенничеству, спам-атаке, шпионским программам и т. д.;
- потребительские риски злоупотребление в Интернете правами потребителя. Включают в себя: риск приобретения товара низкого качества, различные подделки, контрафактную и фальсифицированную продукцию, потерю денежных средств без приобретения товара или услуги, хищение персональной информации с целью кибермошенничества и др.;
- интернет-зависимость, навязчивое желание войти в Интернет и невозможность выйти из Интернета, патологическая, непреодолимая тяга к Интернету, «оказывающая пагубное воздействие на бытовую, учебную, социальную, рабочую, семейную, финансовую или психологическую сферы деятельности» [12].

Каждый из этих видов рисков способен нанести непоправимый ущерб эмоциональному благополучию и психологическому здоровью ребенка, поэтому требует тщательного анализа и нивелирования. В психологической литературе наиболее представлены исследования интернет-аддикций, факторов и причин, влияющих на их распространение, подходы к коррекции (например, [1, 2, 5, 11]). Относительно недавно появились исследования, посвященные другим интернет-рискам, в частности, анализу представлений детей и подростков, их родителей и педагогов об интернет-рисках, их осведомленности об интернет-опасностях и угрозах, об интернет-безопасности, предлагающие типологию интернет-рисков и угроз, анализ особенностей восприятия интернет-рисков пользователями, характера их воздействия, факторов и причин их распространения [6, 8—10]. Однако степень внимания науки к проблеме, степень ее разработанности пока остается несоразмерной скорости распространения рисков, их многообразию и тяжести наносимого вреда.

В последнее время в обществе активно обсуждается проблема вовлечения школьников в деструктивные группы в социальных сетях, нацеленные на пропаганду среди детей аутоагрессивного поведения и подготовку их к добровольному уходу из жизни. Широта распространения данного явления и тяжесть последствий актуализирует задачу изучения механизмов, лежащих в основе действия этих рисков, и поиска способов управления ими.

Мы предприняли попытку анализа действия интернет-рисков с позиций социально-психологических механизмов моды. Отправной точкой для выбора данного подхода стало утверждение родителей, пострадавших от действия деструктивных групп и потерявших своего ребенка, о том, что участвовать в таких группах модно среди подростков и что нередко в таких группах дети состоят целыми классами.

Мода оказывает существенное влияние на процессы адаптации личности [3, 4]. Она способствует приобщению молодежи к социальным нормам в привлекательной для них форме и выступает регулятором поведения. Имеют ли значение социально-психологические механизмы моды для распространения интернет-рисков?

Мы решили проверить это утверждение и провели опрос среди подростков — обучающихся общеобразовательных школ Москвы и Ульяновска, направленный на выявление значения моды как регулятора поведения для подростков, включая поведение пользователя Интернета, наиболее значимых мотивов следования моде, отношения подростков к различным модным объектам, включая объекты, несущие на себе интернет-риски. В опросе приняли участие 185 школьников от 12 до 15 лет.

Результаты опроса показали, что мода действительно является значимым регулятором поведения подростков, подавляющее большинство опрошенных (более 75%) считают для себя значимым следование моде. Среди самых модных занятий 53 % подростков отмечают общение в социальных сетях, более 30 % считают модным состоять в группах социальных сетей и 28 % размещать в сети фото- и видеоматериалы для получения «лайков». Тревожная информация была получена и по факторам, регулирующим модное поведение подростков. Так, на желание следовать моде в наибольшей степени оказывают влияние друзья и одноклассники для 35 % школьников, «виртуальные» друзья — для 39 %, материалы и сообщения в социальных сетях для 28 % опрошенных. Полученные результаты позволяют зафиксировать тенденции значимого влияния моды на социализацию, при этом участие в группах, создаваемых в социальных сетях, входит в ряд ведущих модных объектов. Результаты подтверждают значимость механизмов моды в распространении указанных интернет-рисков. Как реализуются эти механизмы?

Они основываются на способности моды «отражать объективные потребности человека и определять характер действий человека по их удовлетворению» [4, с. 50]. Создаваемые злоумышленниками группы закрытые. Членство в таких группах подростки «зарабатывают», выполняя задания, связанные с самоповреждающими или агрессивными действиями, отчеты о которых выкладываются в сеть и оцениваются «лайками». Дети поэтапно вовлекаются в опасные для жизни игры. Организаторы таких групп искусно эксплуатируют все социально-психологические механизмы моды. Так, группа создается с использованием современных технологий, что отражает такую ценность моды, как современность. Принадлежность к такой группе демонстрируется через выкладывание в сеть отчетов о выполнении заданий, что опирается на использование ценности демонстративности моды. Эксплуатируется и такая ценность моды, как игра. Участники групп вовлекаются в опасную игру, предусматривающую выполнение эвристических, поисковых сложных заданий, связанных с риском. Получение «лайков» за отчеты о выполненных заданиях создают у подростка чувство радости «победы», сопряженное с самоудовлетворенностью.

Организаторы в качестве ведущего механизма моды для вовлечения в группы используют эмоциональное заражение, проявляемое через передачу определенного эмоционального состояния на фоне возбуждения. Благодаря поддержке переживания «тайны», скрытого обсуждения этой «тайны» со многими участниками группы, получая свидетельства «восхищения», человек подсознательно усваивает образцы диктуемого модой поведения. Активно эксплуатируется механизм внушения. Используются различные способы вербального и невербального воздействия на подростков с целью создания у них определенного эмоционального состояния, побуждения к определенным действиям. Эмоциональная насыщенность информации, ее постоянная пополняемость создает эффект «эмоционального заражения» и стимулирует желание следовать навязываемым образцам. Подростки, в силу малого жизненного опыта и незначительного социального статуса, более подвержены внушающему воздействию моды. Большое значение играет и механизм подражания. У подростков всячески поддерживается чувство принадлежности к «особой касте», закрытой, тайной группе, принадлежать к которой престижно, что создает основу для действия механизма подражания. «Подвиги» участников группы (часто совершивших непоправимое) обсуждаются и героизируются членами группы, отдельные участники возводятся в ранг «звезд». «Звезды» усиливают привлекательность поступков, что создает базу для действия механизма идентификации — отождествления себя со значимым другим. Все указанные механизмы моды достаточно эффективны и, накладываясь на возрастные особенности подростков, приводят к интенсивному распространению среди них модного поведения и вовлечению в группы все большего их числа.

Знание данных механизмов может составить основания и для их регулирования. Важно подчеркнуть, что действие всех механизмов моды находится под влиянием как общественных, так и личностных факторов, а значит, может быть поставлено под контроль.

С позиций общества речь может идти о регулировании распространения модных объектов в сети Интернет, о целенаправленной пропаганде конструктивных (альтернативных деструктивным) модных ценностей. С позиций личности регулирование может осуществляться на основе развития адаптационных ресурсов личности [3], рефлексивных механизмов следования моде, устойчивости личности к негативным воздействиям, основанным на эмоциональном заражении, внушении и конформизме.

Литература

- 1. Войскунский А. Е. Психология и Интернет / А. Е. Войскунский. М.: Акрополь, 2010. 439 с.
- 2. Войскунский А. Е. Феномен зависимости от Интернета / А. Е. Войскунский // Гуманитарные исследования в Интернете / под ред. А. Е. Войскунского. М., 2006. С. 100—131.
- 3. Калинина Н. В. Мода в контексте адаптационных ресурсов личности современной молодежи / Н. В. Калинина // Наука. Мысль. 2017. № 2. URL: wwenews.esrae.ru/53-687.
- 4. Килишенко М. И. Психология моды: теоретический и прикладной аспекты / М. И. Килишенко. СПб. : Речь, 2001. 192 с.
- 5. Менделевич В. Д. Зависимость как психологический и сихопатологический феномен (проблемы диагностики и дифференциации) / В. Д. Менделевич, Р. Г. Садыкова // Вестн. клинической психологии. 2003. Т. 1, № 2. С. 153—158.
- 6. Соболева А. Н. Риски интернет-пространства для здоровья подростков: возрастной и гендерный анализ / А. Н. Соболева // Образование личности. М. : АНО «ЦНПРО», 2016. № 1. С. 60—66.
- 7. Солдатова Г. Интернет-риски / Г. Солдатова, Е. Рассказова, Е. Зотова. URL: http://detionline.com/helpline/risks.
- 8. Солдатова Г. Дети России онлайн: риски и безопасность. Результаты международного проекта EU Kids Online II в России / Г. Солдатова, Е. Рассказова, Е. Зотова, М. Лебешева, П. Роггендорф. URL: http://detionline.com/assets/files/helpline/RussianKidsOnline_Final%20ReportRussian.pdf.

- 9. Солдатова Г. В. Как им помочь. Ребенок в Интернете: запрещать, наблюдать или объяснять? / Г. В. Солдатова, Е. И. Рассказова // Дети в информационном обществе. 2012. № 10. С. 26—33.
- 10. Солдатова Г. В. Пойманные одной сетью: социально-психологическое исследование представлений детей и взрослых об Интернете / Г. В. Солдатова, Е. Ю. Зотова, А. И. Чекалина, О. С. Гостимская; под ред. Г. В. Солдатовой. М., 2011. 176 с. URL: http://detionline.com/assets/files/research/caught_by_net.pdf.
- 11. Юрьева Л. Н. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика / Л. Н. Юрьева, Т. Ю. Больбот. Днепропетровск : Пороги, 2006. 196 с.
- 12. Young K. S. Caught in the net: how to recognize the signs of Internet addiction and a winning strategy for recovery / by Kimberly S. Young. Canada, 1998. 248 p.

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF FASHION IN THE SPREAD OF INTERNET RISKS AMONG ADOLESCENTS*

N. V. Kalinina

Russian State University named after A. N. Kosygin (Moscow State University of design and technology), Center of Protection of the Children's Rights and Interests (Moscow, Russia)

kalinata66@mail.ru

The article analyses the Internet risks and their impact on the socialization of adolescents. On the example of the risks of involving schoolchildren in destructive groups in social networks, an attempt is made to analyze the effect of Internet risks from the standpoint of socialand psychological mechanisms of fashion. The paper reveals the importance of fashion as a regulator of behavior among adolescents, including the behavior of the Internet user, the most significant motives for following the fashion, the attitude of adolescents to various fashion objects, including objects carrying Internet risks. The results obtained made it possible to record trends of the significant influence of fashion on socialization, while participation in groups created in social networks is one of the leading fashion objects. As the motive forces of the groups' attractiveness, the organizers use the values of modernity, demonstrativeness and play that are most significant for adolescents. To engage adolescents in groups social and psychological mechanisms of fashion are competently used: emotional infection, suggestion, imitation, identification. Awareness of these mechanisms can form the basis for their regulation. From the standpoint of society, it is reffered to regulating the distribution of fashion objects on the Internet, results-oriented propaganda of constructive (alternative destructive) fashion values. From the standpoint of the individual, regulation can be exercised on the basis of the development of the individual adaptive resources, the reflexive mechanisms of following the fashion, the resistance of the individual to negative influences based on emotional contamination, suggestion and conformism.

Key words: internet risks and threats, destructive groups, socialization, adolescents, fashion, social and psychological mechanisms of fashion.

* Published due to the state task "Center of Protection of the Children's Rights and Interests", 2017.

References

- 1. Voiskunskiy A. E. (2010) Psihologiya i Internet [Psychology and the Internet]. Moscow: Akropol, p. 439.
- 2. Voiskunskiy A. E. (2006) Fenomen zavisimosti ot Interneta [The phenomenon of dependence on the Internet]. Gumanitarnye issledovaniya v Internete. Moscow, pp. 100—131.
- 3. Kalinina N. V. (2017) Moda v kontekste adaptatsionnyh resursov lichnosti sovremennoy molodezhi [Fashion in the Context of Adaptation Resources of the Personality of Modern Youth]. Nauka. Mysl, (2); [Electronic source]. Access mode: wwenews.esrae.ru/53-687.
- 4. Kilishenko M. I. (2001) Psihologiya mody: teoretichiskiy I prikladnoy aspekty [Psychology of fashion: theoretical and applied aspects]. St. Petersburg: Rech, p. 192.
- 5. Mendelevich V. D., Sadykova R. G. (2003). Zavisimost kak psihologicheskiy i psihopatologicheskiy fenomen (problemy diagnostiki i differentsiatsii) [Dependence as a psychological and psyhopatologic phenomenon (problems of diagnostics and differentiation)]. Vest. klinicheskoy psihologii, Vol. 1, (2), pp. 153—158.
- 6. Soboleva A. N. (2016). Internet-riski: vozrastnoy i genderny analiz [Risks of the Internet-space for adolescent health: age and gender analysis]. Obrazovanie lichnosti, (1), pp. 60—66.
- 7. Soldatova G., Rasskazova E., Zotova E. Internet-riski [Internet risks] [Electronic resource]. Access mode: http://detionline.com/helpline/risks.
- 8. Soldatova G., Rasskazova E., Zotova E., Lebesheva M., Roggendorf P. Deti Rossii on-lain: riski i bezopasnost [Children of Russia on-line: risks and safety]. Rezultaty mezhdunarodnogo proekta EU Kids Online II v Rossii. [Electronic source]. Access mode: http://detionline.com/assets/files/helpline/RussianKidsOnline_Final%20ReportRussian.pdf.
- 9. Soldatova G. V., Rasskazova E. I. (2012). Kak im pomoch. Rebenok v Internete: zapreschat, nablyudat ili obyasnyat? [How to help them. A child on the Internet: prohibit, observe or explain?]. Deti v informatsionnom obschestve, (10), pp. 26—33.
- 10. Soldatova G. V., Zotova E. Yu., Chekalina A. I., Gostimskaya O. S. (2011). Poymannye odnoy setyu: sotsialno-psihologicheskoe issledovanie predstavleniy detey i vzroslyh ob Internete [Caught by one network: a socio-psychological study of the views of children and adults about the Internet]. p. 176. [Electronic source]. Access mode: http://detionline.com/assets/files/research/caught_by_net.pdf.
- 11. Yuryeva L. N., Bolbot T. Yu. (2006) Kompyuternaya zavisimost: formirovanie, diagnostika, korrektsiya i profilaktika [Computer addiction: formation, diagnosis, correction and prevention]. Dnepropetrovsk: Porogi, p. 196.
- 12. Young K. S. (1998) Caught in the net: how to recognize the signs of Internet addiction and a winning strategy for recovery. Canada, 248 p.

И. Г. Кочетков

Ульяновский государственный университет

(г. Ульяновск, Россия) igor-nauka@yandex.ru

В. М. Коваленко
Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
valkovalenko@inbox.ru

КРЕАТИВНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА

В статье освещен ряд вопросов, касающихся такой проблемы в психологии, как изучение феномена креативности. Статья посвящена исследованию креативности в структуре личности подростков 12—15 лет. Креативность как грань творческих способностей имеет большое значение для осмысления всей картины возраста. Более пристальное внимание к данной проблеме даст необходимое основание для практической реализации задач по развитию креативности, выработке индивидуального подхода к обучению.

Анализируется опыт диагностики креативности у подростков. В рамках подросткового возраста также рассмотрен вопрос положения данного качества в структуре личности, выявления связей между творческими способностями и другими личностными характеристиками индивида.

Описываются процедуры и результаты исследования. В качестве психодиагностического инструментария выступили следующие методики: многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла, батарея тестов «Творческое мышление» Е. Е. Туник. Полученная структура личности подростка, выраженная во взаимосвязях индивидуально-психологических особенностей с включением изучаемого свойства — креативности, показала, что существуют отличия между группами с разным уровнем креативности по количеству и силе связей.

Рассматриваются методические трудности и пути совершенствования диагностики креативности. В ходе проведения исследования были выявлены особенности при проведении диагностики уровня выраженности креативности, требующие внимания и возможной дальнейшей коррекции.

Ключевые слова: личность, подросток, креативность, структура, исследование.

Исследование проблемы креативности привлекает большое внимание в психологической науке. Креативность как качество, присущее личности, оказывает существенное влияние на характер и результаты деятельности, во многом определяет социально-психологические особенности индивида — гибкое и конструктивное восприятие, мышление и поведение человека. Благодаря способности изменять, преобразовывать имеющиеся у человека ресурсы — не только объективного мира, но и психологические, человечество способно идти по пути развития.

В настоящее время креативность рассматривается как несводимая к интеллекту функция целостной личности, зависимая от целого комплекса ее психологических характеристик. Соответственно, центральное направление в изучении креативности — выявление личностных качеств, с которыми она связана.

Еще недостаточно исследованы факторы, оказывающие влияние на развитие креативности. Нечеткость определения креативности, сложность ее диагностирования и, как следствие, отсутствие объективных валидных методик побуждает к более глубоким исследованиям в данной области, что создает благоприятную атмосферу в практической реализации полученных результатов.

Как замечает И. А. Сусоколова: «Попытка совместить статистическое представление о креативности как нормально распределенном массовом явлении, подразумевающее, что идеальное среднее обеспечивает оптимальную адаптацию, с тестологической интерпретацией ее как создания редкого нетипичного продукта обнажает противоречивость этого метафизического подхода» [6, с. 221].

Задача диагностики креативности хотя и имеет большое теоретическое и практическое значение, но остается до конца не решенной. Известные методы диагностики, прежде всего тест Е. Торренса, подвергаются научной крити-

ке в работах Д. Б. Богоявленской, М. А. Холодной, Р. Стенберга и др. Ставятся под сомнение следующие моменты: во-первых, представление о креативности как дивергентном мышлении, на основе которого разрабатываются принципы построения диагностических методик; во-вторых, отождествление креативности с оригинальностью (основным критерием оценки уровня креативности является редкость ответов); в-третьих, внесистемный поэлементный анализ продуктов творческой деятельности; в-четвертых, низкие корреляции тестовых оценок с объективными творческими достижениями [1, 5, 8, 10, 11].

О характере развития креативности в онтогенезе нет достаточно обоснованных сведений, как и о половозрастных особенностях ее формирования. Однако подростковый возраст рассматривается многими авторами как сензитивный для данного свойства личности, поэтому представляет особый интерес и сам по себе, и в контексте рассматриваемого феномена креативности. Именно в это время возможно наиболее плодотворное взаимное влияние таких важных факторов, участвующих в формировании креативности, как и любого личностного качества, как воздействие внешней среды и внутреннего устремления к становлению образа «Я». Подросток начинает осознавать себя в своей целостности, способности к саморазвитию и творчеству, связанными с определённой сферой человеческой деятельности. В то же время большинство школьных учебных заведений больше сконцентрированы на формировании инструментальных навыков. В результате появляются хорошие исполнители, а не творческие личности.

Креативность как грань творческих способностей имеет большое значение для осмысления всей картины возраста. Более пристальное внимание к данной проблеме даст необходимое основание для практической реализации задач по развитию креативности, выработке индивидуального подхода к обучению.

Эмпирическое исследование креативности во взаимосвязи с индивидуальными характеристиками личности было проведено на базе средней школы г. Ульяновска. Общее количество испытуемых — 91 человек в возрасте от 12 до 15 лет. В состав выборки вошли ученики 6—9 классов, 38 мальчиков и 53 девочки.

Диагностика индивидуально-психологических особенностей личности с применением опросника Р. Кеттелла (подросткового варианта) и креативности проходила во время занятий в школе, во временных рамках академического часа. Тестирование этих двух показателей проводилось в разные дни, отдельно в каждом классе.

Были созданы условия, необходимые для снижения восприятия тестирования и его результатов как меры строгой оценки личностных способностей, — непринужденная атмосфера, дети предупреждались заранее, что все их ответы будут правильными, чем больше они придумают ответов, тем лучше, даже если это необычные ответы, все ответы поощрялись.

Эмпирической базой исследования послужило изучение особенностей личности подростка и креативности, выявление взаимосвязи между креативностью и индивидуально-психологическими характеристиками.

В качестве психодиагностического инструментария выступили такие методики, как многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла, батарея тестов «Творческое мышление» Е. Е. Туник.

Для проведения исследования были подобраны следующие методики:

- 1. Многофакторный личностный опросник (подростковый вариант — HSPQ), разработанный Р. Б. Кеттеллом и Р. В. Коаном. Цель опросника, содержащего перечень биполярных показателей, — оценить развитость следующих личностных качеств, составляющих 14 факторов: аффектотимия — шизотимия, высокий интеллект — низкий интеллект, сила «Я» — слабость «Я», возбудимость — флегматичность, доминантность — конформность, сургенсия — десургенсия, сила «Сверх-Я» — слабость «Сверх-Я», пармия — тректия, премсия — харрия, коэстения — зеппия, гипотимия — гипертимия, самодостаточность — социабельность, контроль желаний — импульсивность, фрустрированность нефрустрированность.
- 2. Батарея тестов «Творческое мышление» E. Е. Туник. Данные тесты предназначаются для выявления креативности у возрастной группы от 5 до 15 лет. Большинство из них — модификация тестов Гилфорда и Торранса. Тест состоит из 7 субтестов, относящихся к оценке [9].

Показатели по всей батарее определяются факторами, установленными в исследованиях Гилфорда, а именно:

- 1) Беглость (легкость, продуктивность) фактор, характеризующий беглость творческого мышления и определяющийся общим числом ответов;
- 2) Гибкость фактор, характеризующий гибкость творческого мышления, способность к быстрому переключению и определяющийся числом классов (групп) данных ответов;

3) Оригинальность — фактор, характеризующий оригинальность, своеобразие творческого мышления, необычность подхода к проблеме и определяющийся числом редко приводимых ответов, необычным употреблением элементов, оригинальностью структуры ответа.

Наиболее показательный из приведенных факторов — оригинальность, который является характеристикой способности выдвигать идеи, отличающиеся от очевидных, общеизвестных, общепринятых, банальных или твердо установленных. Оригинальность решений предполагает способность избегать легких, очевидных и неинтересных ответов.

Существует мнение, что ответы, наиболее редко встречающиеся и оригинальные, не всегда совпадают. Нестандартность — понятие более широкое, чем оригинальность. К проявлениям креативности в рамках критерия нестандартности можно отнести любую девиацию: от акцентуаций до проявления аутичного мышления [3, с. 199].

Показатель каждого теста отражает два или три упомянутых фактора. Результаты выполнения теста оценивались в баллах.

Батарея тестов «Творческое мышление» состоит из 7 субтестов вербальной (словесной) и образной (фигурной, рисуночной) направленности, где невербальная креативность представляется как некоторая способность к «порождению» нового, оригинального продукта в условиях минимальной вербализации.

По каждому субтесту выводится суммарный показатель путем сложения баллов по критериям. Общий показатель креативности по данной методике выводится путем сложения суммарных показателей всех тестов. Данная процедура не является достаточно корректной (что учтено автором методики), так как суммирование проводится по различным факторам. Автор также отмечает трудность создания факторно-чистых тестов при оценке модели творческих процессов, отражающих их природную сложность [5]. Суммарными баллами можно пользоваться только как приблизительными и оценочными.

Так как субтесты имеют отличия в выделяемых критериях, для целей данного исследования будут использованы общие суммарные баллы по всем семи тестам как показатель выраженности креативности.

Результаты исследования были оценены с помощью методов математической статистики и психологической интерпретации.

В данном исследовании кластерный анализ был проведен с применением в качестве меры

расстояния квадрата евклидовой дистанции, метод объединения — связь между группами.

Таким образом, обнаруженные кластеры классифицируют испытуемых с разным уровнем выраженности креативности: в первый кластер вошли испытуемые с низким, во второй — со средним, в третий — с высоким уровнем.

Рассматривая структуру личности подростка как отдельную систему, в рамках цели данного исследования необходимо выявить внутренние взаимосвязи подструктур, включенность креативности как части целого. Внутренние взаимосвязи представлены следующим образом: взаимосвязи между изучаемыми характеристиками для всей выборки испытуемых и особенности внутренних взаимосвязей в зависимости от уровня выраженности креативности (по выделенным кластерам).

Для поиска существенных взаимосвязей между индивидуально-психологическими характеристиками индивида и показателем выраженности креативности был применен метод корреляционного анализа Ч. Спирмена на базе программы статистической обработки SPSS v. 20.0.

После анализа данных по всей выборке испытуемых была составлена схема взаимосвязей индивидуально-психологических свойств в структуре личности подростка с включением креативности в качестве подструктуры.

Предварительный анализ схемы корреляций по всей выборке продиктован тем, что значимость корреляций повышается большим составом выборки (91 человек) по сравнению с выделяемыми группами, а также тем, что данная схема отражает тенденции к определенным взаимосвязям в выявленных подгруппах-кластерах. Анализ общей структуры дает возможность в дальнейшем сравнить обнаруженные корреляции с корреляциями подгрупп на уровне общего и различного.

Учитывая зависимость достоверности корреляций от объема выборки, следует отметить, что «при больших объемах выборки даже слабая корреляция может оказаться достоверной» [7, c. 204].

Для определения особенностей структуры взаимосвязей в частных случаях — выделенных при помощи кластерного анализа подгруппах, дифференцированных по уровню выраженности креативности, - проведен анализ корреляций между изучаемыми качествами внутри кластеров.

Анализ корреляционных связей дал следующие результаты. Количество взаимосвязей между уровнем выраженности креативности и

индивидуально-психологическими особенностями незначительно и отлично в различных кластерах, выделенных на основе показателя общей креативности.

В общем массиве данных обнаружены слабая положительная корреляция (на уровне значимости Р $\leq$ 0.05) креативности с фактором «осторожность — легкомыслие» и отрицательная со степенью групповой зависимости, степенью самоконтроля.

Количество взаимосвязей, как и корреляций высокого уровня значимости, преобладает в первом кластере — группе испытуемых с низким уровнем креативности.

В выделенных кластерах, в основу которых была положена дифференциация по уровню выраженности креативности, обнаружены взаимосвязи креативности и фактора «осторожность — легкомыслие», отрицательная корреляция с таким фактором, как «подчиненность — доминирование», в группе с низким уровнем выраженности креативности; в группе со средним уровнем — умеренная значимая связь (Р≤0.05) между уровнем креативности и фактором «шизотимия — аффектотимия»; в кластере с высоким уровнем между уровнем креативности и фактором «реализм — сензитивность» обнаружена умеренная значимая корреляция (Р≤0.05).

Полученная структура личности подростка, выраженная во взаимосвязях индивидульно-психологических особенностей с включением изучаемого свойства — креативности, показала, что существуют отличия между группами с разным уровнем креативности по количеству и силе связей.

Полученные данные исследования говорят о наличии гипотетической взаимозависимости некоторых компонентов в структуре личности и уровня креативности.

Анализ взаимосвязи индивидуально-психологических особенностей личности и уровня выраженности креативности позволяет предположить, что между креативностью и фактором, определяемым как «осторожность — легкомыслие», есть связь ($r_s = 0.258, P \le 0.05$). Также выявлены отрицательные корреляции со степенью групповой зависимости ($r_s = -0.216, P \le 0.05$) и степенью самоконтроля ($r_s = -0.216, P \le 0.05$), но характер этих связей недостаточно выражен.

Креативность — сложное психологическое явление, многомерное в своем проявлении и структуре. Ее выражение может иметь разные направленности. И сложно говорить о выделении общей креативности как характеристике личности.

Анализ полученных данных показал, что при рассмотрении отдельных компонентов креативности в данной выборке существуют половые особенности — большей выраженностью вербальной креативности обладают девочки.

В ходе исследования был выявлен ряд нюансов при проведении диагностики уровня выраженности креативности, требующих внимания и возможной дальнейшей коррекции.

В батарее тестов «Творческое мышление» Е. Е. Туник оценка гибкости в некоторых субтестах (1, 4, 6) предполагает отнесение ответов к определенным классам, категориям [9]. В руководстве к методике представлен список категорий. Ответам, не подходящим ни к одной из них, присваивается новая категория.

Затруднения в адекватной оценке ответов испытуемых могут возникнуть вследствие чрезмерной обобщенности имеющихся категорий и недостаточного охвата всех сфер, из которых могут быть взяты объекты для ответа. Количество используемых классов влияет на получаемые баллы для оценки такого показателя креативности, как беглость, что впоследствии может исказить общие результаты по методике.

Для уменьшения ошибок и искажения в процедуре интерпретации батареи тестов «Творческое мышление» необходима более тщательная разработка методических рекомендаций к ней.

Нельзя исключать и такой факт, что анализ и интерпретация полученных ответов в тестировании носит сугубо субъективный характер, зависящий от личности исследователя и, возможно, его собственного уровня креативности и творческих способностей как индикатора способностей другого. Это может существенно исказить полученные результаты. Для снижения влияния данного фактора стоит рассмотреть возможность привлечения группы экспертов к процедуре проверки данных диагностики.

Для установления взаимосвязи между креативностью и индивидуально-психологическими характеристиками личности, в частности подростка, необходимы более обширные исследования, включающие лонгитюдные, чтобы проследить выражение креативности до начала подросткового периода, во время и после, когда психологические структуры уже пришли в устойчивое состояние.

Проведенное исследование было направлено на изучение проблемы креативности в психологии, рассмотрение ее в рамках подросткового возраста. Выявленная в ходе теоретического анализа источников неоднозначность в понимании природы и места креативности в структу-

ре личности позволила определиться с подходами к проведению настоящего исследования.

Следует признать креативность достаточно сложным для изучения и многомерным явлением, что влечет за собой затруднения по подбору наиболее точного определения. В качестве допустимого можно обозначить креативность как характеристику творческих способностей индивида, выраженную в создании качественно новых форм объективного мира.

Установлено, что на креативность влияют как средовые факторы (семейные, культурно-исторические), так и внутренние условия. Креативность проявляется ситуативно и зависит от поставленной задачи. При определении креативности стоит учитывать характер задачи, выдаваемой для решения, и все аспекты ее реализации.

Можно говорить о таком факте, как влияние субъективного фактора на определение уровня креативности в эмпирических исследованиях. На сегодняшний момент нельзя говорить о наличии чуткого инструмента для определения уровня креативности, причем направленного на выявление разной направленности данного свойства.

Нет систематизированных данных о типичных результатах, имеющихся на данный момент методиках, направленных на выявление уровня креативности. Реализация данной задачи значительно облегчит возможность выделения наиболее креативных испытуемых в выборке для последующего изучения свойств личности. Сей-

час это разграничение возможно лишь в частных случаях проводимых эмпирических исследований, поэтому требуется не только разработка надежных и валидных методик диагностики выраженности креативности, но и систематизация данных, полученных при использовании уже существующих.

Имеющиеся средства диагностики требуют более тщательной проработки, унифицированных стандартов оценивания, более полных методических рекомендаций, а также дифференцированного подхода.

Возможно, креативность является одним из системообразующих факторов в структуре личности и ее истоки находятся в более глубоких слоях человеческой психики. И как сама креативность находит в себе способность к разрушению привычных схем, так и индивидуальнопсихологические особенности личности внутри данной системы не имеют фиксированного набора и положения.

Природа выявленных связей и характер их влияния на креативность требует дальнейшего изучения.

Разработка стройной концепции креативности будет способствовать целям педагогики в сфере выявления креативных способностей, прогноза школьной адаптации креативных учащихся, экспертизы и выявления обучающих программ, способствующих развитию креативного мышления и реализации творческого потенциала личности.

Литература

- 1. Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей : учеб. пособие / Д. Б. Богоявленская. М. : Академия, 2002.-320 с.
- 2. Богоявленская Д. Б. Этапы диагностики творческих способностей детей / Д. Б. Богоявленская // Материалы IV Всерос. съезда Российского психологического о-ва. М., 2007. Т. 1. С. 107.
- 3. Дружинин В. Н. Психология : учеб. / В. Н. Дружинин. СПб. : Питер, 2009. 656 с.
- 4. Капустина А. Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла / А. Н. Капустина. СПб. : Речь, 2007. 104 с.
- 5. Кыштымова И. М. Психосемиотическая методика диагностики вербальной креативности / И. М. Кыштымова // Психологический журн. 2008. № 6. С. 56—65.
- 6. Рогов Е. И. Настольная книга практического психолога : учеб. пособие / Е. И. Рогов. М. : Юрайт-Издат, 2012. 919 с.
- 7. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии / Е. В. Сидоренко. СПб. : Речь, 2003. 248 с.
- 8. Стернберг Р. Инвестиционная теория креативности: двенадцать стратегий обучения творческому мышлению / Р. Стернберг, Е. Григоренко // Общая психология / ред. В. В. Петухов. М. : МПСИ, 2007. 527 с.
- 9. Туник Е. Е. Лучшие тесты на креативность. Диагностика творческого мышления / Е. Е. Туник. СПб. : Питер, 2013.-315 с.
- 10. Холодная М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования / М. А. Холодная. СПб. : Питер, 2002. 272 с.
- 11. Холодная М. А. Теоретические представления Л. М. Веккера о природе концептуальных структур в контексте исследования креативности / М. А. Холодная // Психологический журн. 2008. N° 5. С. 21—31.
- 12. Хрящева Н. Ю. Креативность как фактор самореализации личности в изменчивом мире: психологические проблемы самореализации личности / Н. Ю. Хрящева // Социальная психология в трудах отечественных психологов / сост. А. Л. Свенцицкий. СПб.: Питер, 2000. 512 с.
- 13. Юркевич В. С. Одаренные дети: сегодняшние тенденции и завтрашние вызовы / В. С. Юркевич // Психологическая наука и образование. 2011. N 9. 4. 6. 99 108.

CREATIVITY IN THE STRUCTURE OF TEENAGER'S PERSONALITY

I. G. Kochetkov

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia) igor-nauka@yandex.ru

V. M. Kovalenko

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia) valkovalenko@inbox.ru

The article highlights a number of psychological issues relating to the phenomenon of creativity. The article studies the creativity of 12—15 year-old adolescents. Creativity and creativeness are important for age understanding. Thorough study of the problem is basis for the implementation and development of creativity and individual approach to the learning process.

The paper analyses the diagnostics results of adolescents' creativity. It defines the status of creativity in the structure of personal qualities of adolescents, traces relations between creative abilities and other personal qualities of an individual.

The authors describe the procedures and the results of the study. As a psychological and diagnostic instrumentarium the following methods were applied: multifactor personality questionnaire of R. Cattell, a battery of tests "Creative reasoning" by E. E. Tunick.

The authors analyse the adolescent's personality and show the interrelations between individual-psychological features and creativity. They also reveal the differences among the groups with various creativity level according to the number and strength of ties.

The article deals with methodical difficulties and ways of diagnostics development of creativity. The study of creativity diagnostics reveals the range of features to be observed and corrected.

Key words: personality, adolescent, creativity, structure, research.

References

- Bogoyavlenskaya D. B. (2002) Psihologiya tvorcheskih sposobnostey [Psychology of creative abilities]. Moscow: Akademiya, p. 320.
- 2. Bogoyavlenskaya D. B. (2007). Etapy diagnostiki tvorcheskih sposobnostey detey [Stages of diagnostics of creative abilities of children]. Materialy IV Vserossiiskogo sezda Rossiiskogo psihologicheskogo soobschestva, T. 1, p. 107.
- 3. Druzhinin V. N. (2009) Psihologiya [Psychology]. St. Petersburg: Piter, p. 656.
- 4. Kapustina, A. N. (2007) Mnogofaktornaya lichnostnaya metodika R. Kettella [Multifactor personal technique R. Cattell]. St. Petersburg: Rech, p. 104.
- 5. Kyshtymova I. M. (2008). Psihosemioticheskaya metodika diagnostiki verbalnoy kreativnosti [Psychosemiotic methodology for diagnostics of verbal creativity]. Psihologicheskiy zhurnal, (6), pp. 56—65.
- 6. Rogov E. I. (2012) Nastolnaya kniga practicheskogo psihologa [Handbook of a practical psychologist]. Moscow: Yurait-Izdat, p. 919.
- 7. Sidorenko E. V. (2003) Metody matematicheskoy obrabotki v psihologii [Methods of mathematical processing in psychology]. St. Petersburg: OOO "Rech", p. 248.
- 8. Sternberg R., Grigorenko E. (2007) Investitsionnaya teoriya kreativnosti: dvenadtsat strategiy obucheniya tvorcheskomu myshleniyu [Investment theory of creativity: twelve learning strategies creative thinking]. Obschaya psihologiya. Moscow: MPSI, p. 527.
- 9. Tunik E. E. (2013) Luchshie testy na kreativnost. Diagnostika tvorcheskogo myshleniya [Best tests for creativity. Diagnostics of creative thinking]. St. Petersburg: Piter, p. 315.
- 10. Kholodnaya M. A. (2002) Psihologiya intellekta. Paradoksy issledovaniya [Psychology of intelligence. Paradoxes of the study]. St. Petersburg: Piter, p. 272.
- 11. Kholodnaya M. A. (2008). Teoreticheskie predstavleniya L. M. Vekkera o prirode kontseptualnyh struktur v kontekste issledovaniya kreativnosti [Theoretical notions of L. M. Vekker about the nature of conceptual structures in the context of the study of creativity]. Psihologicheskiy zhurnal, (5), pp. 21—31.
- 12. Khryascheva N. Yu. (2000) Kreativnost kak factor samorealizatsii lichnosti v izmenchivom mire: Psihologicheskie problem samorealizatsii lichnosti [Creativity as a factor of self-identity in a changing world: Psychological problems of self-personality]. Sotsialnaya psihologiya v trudah otechestvennyh psihologov. St. Petersburg: Piter, p. 512.
- 13. Yurkevich V. S. (2011). [Gifted children: current trends and future challenges]. Psihologicheskaya nauka i obrazovanie, (4). pp. 99—108.

А. А. Ощепков Димитровградский инженерно-технологический институт — филиал НИЯУ МИФИ (г. Димитровград, Россия) sladkod@yandex.ru

В. Б. Салахова

Центр защиты прав
и интересов детей
(г. Москва, Россия),
Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
valentina_nauka@mail.ru

СОЦИОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ОСНОВНЫХ ТИПОВ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ*

В статье поднимается актуальная проблема жизнеспособности менеджеров как специалистов, работающих в стрессовых условиях. С этой целью в работе исследуются взаимосвязи компонентов структуры жизнеспособности человека и психотипов восприятия, обработки информации и принятия решения. Эмпирическое исследование проведено с использованием психологических тестов жизнеспособности и психотипов личности, а обработка и интерпретация результатов проводится на основе корреляционного анализа. На основании полученных данных сделаны выводы о взаимосвязях жизнеспособности личности менеджера и способов восприятия, обработки информации и принятия решения, на основе которых выделены основные типы личности менеджеров.

Ключевые слова: типология, соционика, жизнеспособность, личность менеджера, экстраверсия, интроверсия, восприятие информации, способ принятия решения.

* Работа поддержана грантом РГНФ «Исследование особенностей и динамики показателей ценностно-смысловой сферы осужденных, получающих высшее профессиональное образование», проект № 15-36-01329/17.

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы любой организации тесно связаны с проблемами управления людьми с целью достижения поставленных целей. Руководителям необходимо правильно строить взаимоотношения в коллективе, чтобы эффективно решать задачи, продиктованные жизнью. В качестве построения эффективной организации в теории менеджмента выделяются два основных подхода — человек для организации или организация для человека, или, иными словами, можно подобрать сотрудников, подходящих для определенной должности, а можно развивать сотрудников, чтобы они могли соответствовать той или иной позиции. Конечно, у обоих подходов есть свои преимущества и недостатки, и, несомненно, наиболее оптимальным с позиции менеджмента будет комплексное применение на практике названных подходов.

Однако нас в данном исследовании будет интересовать в первую очередь возможность выделения определенных типов, что выражает один из фундаментальных подходов психологии — типология. Типология позволяет получить обоснованную классификацию предмета исследования на множества, описать особенности каждого множества, что позволяет в прикладном аспекте получить возможность более точной диагностики объекта и построения прогноза. Кроме этого, типологический подход можно использовать как при подборе персонала, так и при развитии сотрудников для прогноза и учета их индивидуальных особенностей.

Идея типологического подхода в менеджменте прекрасно выражена в работах Аушры Аугустинавичуте, которая соединила две разные области знания — теорию психотипов и информатику, и в результате появилась новая наука —

соционика [1]. Безусловной заслугой А. Аугустинавичуте является описание информационной структуры психики человека, а также изучение информационных взаимодействий между психотипами. И хотя открытия, сделанные А. Аугустинавичуте, не бесспорны с точки зрения психологии, учитывая относительно низкую частоту встречаемости ярких психотипов, с точки зрения практической реализации позволяют получить очень удобный и эффективный инструмент, который обозначается как социономический подход.

Социономическое выделение психотипов в большей части основано на типологии личности, созданной К. Г. Юнгом [7], которая в современной интерпретации в общем представлена следующим образом. Человек, взаимодействуя с другими людьми, задействует такие присущие организму функции, как усвоение информации и способ принятия решения. Согласно этому всех людей по способу восприятия информации можно разделить на воспринимающих практическую, конкретную информацию (обозначается S от англ. «сенсорика») и воспринимающих понятийную, невербальную информацию (обозначается N от англ. «интуиция»). По способу принятия решения выделяются люди, объективно, логически оценивающие информацию и аналогично принимающие решения (обозначается Т от англ. «думать») и субъективно, с этической точки зрения, оценивающие информацию и также принимающие решения (обозначается F от англ. «чувствовать»). Кроме названных, К. Г. Юнг ввел еще два общеизвестных параметра: экстраверсия (Е) и интроверсия (I). На основании приведенных параметров выделяются восемь базовых типов.

С другой стороны, многие известные ученые связывают проблемы управления организацией с личностным потенциалом сотрудников, выражающиеся в профессиональном развитии, профессиональном самосовершенствовании. Так, Р. А. Березовская, рассматривая профессиональное благополучие личности, отмечает, что наличие у специалиста таких личностных качеств, как жизнестойкость, карьерная устойчивость, уверенность в себе, низкая внутренняя конфликтность, определяет направленность его активности на длительное эффективное функционирование в профессии [2]. Вместе с тем отмечается, что профессиональное развитие — это не только позитивный процесс — развитие профессионала сопровождается возникновением кризисов и возможных профессионально негативных изменений, которые формируют негативные тенденции в профессиональном развитии. В этом плане Э. Э. Сыманюк и А. А. Печеркина предлагают прогнозировать стратегии профессионального развития благодаря определению психологических предикторов, рассматриваемых как «совокупность личностных характеристик, установок и ценностей, формирующих готовность к преодолению профессиональных кризисов и обусловливающих его устойчивость и конструктивность» [5, с. 525]. А в качестве психологического предиктора конструктивного профессионального развития предлагается выделение категории «жизнеспособность».

Учитывая, что профессионалы в нашей стране трудятся в условиях нестабильности и значительных организационных изменений, Т. Ю. Лотарева считает актуальной задачей современных исследований выделение и изучение факторов жизнеспособности специалиста [3]. В этом плане наиболее релевантной является структура жизнеспособности человека, разработанная А. В. Махнач [4], включающая компоненты самоэффективности, настойчивости, интернального локуса контроля, совладания, социальной поддержки, духовности/нравственности.

Представления о структуре жизнеспособности и социономический, типологический подход позволили выдвинуть гипотезу — различные психотипы, выделенные по экстравертированности — интровертированности и способу восприятия и анализа информации, образуют группы, различающиеся по особенностям структуры жизнеспособности у специалистов.

С учетом вышесказанного перед нашим исследованием были поставлены следующие задачи:

- 1. Изучить основные психотипы менеджеров согласно типологии личности К. Г. Юнга (по параметрам сенсорика, интуиция, логика, чувства, экстраверсия, интроверсия).
- 2. Исследовать структуру жизнеспособности менеджеров с применением разработки А. В. Махнач (параметры самоэффективность, настойчивость, интернальный локус контроля, совладание, социальная поддержка, духовность/нравственность).
- 3. Провести анализ данных с целью выделения различных групп психотипов с учетом особенности структуры жизнеспособности.

МЕТОДИКА

Эмпирическая часть исследования была выполнена на базе Димитровградского инженерно-технологического института — филиала НИЯУ МИФИ (г. Димитровград Ульяновской области). В качестве респондентов выступали студенты 2 курса заочного отделения экономического факультета, работающие менеджерами, 19—25 лет, всего 31 человек.

В исследовании использовался тест «Жизнеспособность взрослого человека» А. В. Махнача [4] и Типологический опросник И. И. Карнауха, определяющий базовые психотипы личности согласно классификации К. Г. Юнга [6].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

С целью анализа взаимосвязи жизнеспособности и базовых психотипов был проведен корреляционный анализ по Спирмену компонентов жизнеспособности и психотипов менеджеров. В результате были выявлены значимые корреляционные связи между самоэффективностью, совладанием и способом анализа данных; настойчивостью, интернальным локусом контроля и экстраверсией — интроверсией; духовностью, семейными и социальными взаимосвязями и способом восприятия информации (табл. 1).

Высокая корреляция между компонентом жизнеспособности «самоэффективность» и способом принятия решения у менеджеров свидетельствует о том, что такое личное качество, как самоэффективность, связано со способностью обрабатывать информацию и принимать решение. При этом высокие показатели самоэффективности положительно связаны с логическим типом. Человек логического типа оценивает поступки с точки зрения «правильно — неправильно», «разумно — глупо», он ориентирован на систему, закон и порядок, любит все анализировать и устанавливать логические связи, ради дела может игнорировать чувства людей.

Характеристики логического типа и самоэффективности хорошо согласуются. Так, шкала самоэффективности оценивает понимание своих возможностей, способности ставить перед собой амбициозные цели и преодолевать препятствия при столкновении с трудностями, способности осуществлять контроль над стрессом и действовать уверенно. В то же время этический тип пользуется критериями «гуманно — негуманно», «порядочно — непорядочно», принимает решения под влиянием симпатий и антипатий, он способен влиять на окружающих и сам подвержен влиянию других, ради хороших отношений готов идти на компромиссы. Получается, что логик более эффективен там, где требуется анализ и жесткость, а этик более эффективен там, где нужно чувствовать людей и строить с ними отношения.

Компонент жизнеспособности «совладание и адаптация» также положительно связан с логическим типом обработки и принятия решений и отрицательно с этическим типом. В этом плане названные выше характеристики логического и этического типов также соотносятся с такими личностными качествами, как совладание и адаптация. Это объясняется тем, что совладание связано с когнитивными и поведенческими стратегиями, используемыми индивидом в неблагоприятных условиях. И успешная адаптация зависит о того, какие стратегии совладания используются индивидом. Поэтому успешная адаптация, зависящая от поиска и решения проблем, более эффективна в случае использования логического типа принятия решения, в отличие от чувственного, то есть холодный расчет преобладает в данном случае над эмоциями.

Таблица 1 **Результаты корреляционного анализа компонентов жизнеспособности** и базовых психотипов менеджеров

Компоненты жизнеспо- собности/психотипов	Экстра-, интроверсия		Способ восприятия информации		Способ принятия решения	
	E	I	S	N	Т	F
Самоэффективность	0,0903	-0,1777	0,0050	-0,0991	0,2511	-0,2555
Настойчивость	0,3440	-0,3372	0,0921	-0,1177	0,1788	-0,1863
Локус контроля	0,2941	-0,2318	-0,1557	0,0667	0,1494	-0,1708
Совладание	0,0502	0,1042	0,2974	-0,0643	0,4970	-0,5013
Духовность	0,4478	0,0574	0,0439	0,2758	0,1831	-0,1791
Социальные взаимосвязи	0,0355	-0,2720	0,2431	-0,3481	-0,0918	0,0625

Высокая положительная корреляция между компонентами жизнеспособности «настойчивость» и «интернальный локус контроля» и экстраверсией и в то же время высокая отрицательная корреляция между названными компонентами и интроверсией свидетельствует в пользу связи таких личностных качеств, как настойчивость и интернальный локус контроля с экстраверсивным типом взаимодействия с окружающими. Это объясняется тем, что жизнеспособные индивиды остаются активными и вовлеченными в достижение своих целей, несмотря на препятствия в их достижении, что в большей степени согласуется с экстраверсивным типом, который ведет себя решительно и раскованно. Внутренний локус контроля также в большей мере соответствует экстраверсивной стратегии взаимодействия с окружением, выражающей восприятие индивидом возможности влиять на происходящие события и, таким образом, несущей оптимистичный настрой относительно способности находить позитивные решения для себя и других.

Стоит обратить внимание на то, что интегральный показатель жизнеспособности также значимо связан положительной корреляцией с экстраверсией. В этом плане экстраверсивная типологическая черта выступает принципиальной в определении жизнеспособности человека, выражаясь в активном отношении к окружающей среде, в отличие от интроверсивной типологической черты, которая характеризует индивида как ориентированного на свой внутренний мир, менее идущего на контакт с окружающими, хотя интроверт более склонен к углублению в проблему при ее решении, а экстраверт склонен к более поверхностному вниканию в задачу. Получается, что для человека в плане жизнеспособности более эффективна стратегия экстенсивного развития, направленного на освоение новых сфер, за счет интенсивной проработки уже освоенного материала.

Также положительно связан с экстраверсией компонент жизнеспособности «духовность», что может свидетельствовать о том, что нравственное развитие человека повышает его возможности в активном взаимодействии с его окружением. Наряду с этим духовность человека значимо связана с интуитивным способом восприятия информации, что объясняется особенностью религиозности в иррациональном, более

отвлеченном познании действительности, в отличие от сенсорика, который ориентируется на конкретную, сенсорную информацию.

В свою очередь, компонент жизнеспособности «семейные и социальные взаимосвязи» обнаружил значимую положительную корреляцию с психотипом сенсорного восприятия окружения. Это объясняется тем, что семейные и социальные связи, выражая межличностные связи, обеспечивающие важный источник эмоциональной поддержки, более ориентированы на практичные, взаимные, а не отвлеченные отношения.

ВЫВОДЫ

Таким образом, на основании вышесказанного можно сделать следующие выводы:

- 1. Структура компонентов жизнеспособности связана значимыми положительными корреляционными связями с психотипами личности менеджеров, отвечающими за восприятие, обработку информации и принятие решения. Так, самоэффективность и совладание и адаптация связаны с логическим типом обработки информации и принятия решения. С экстраверсией связаны настойчивость, внутренний локус контроля и интегральный показатель жизнеспособности человека. Духовность также связана с экстраверсией и интуитивным типом восприятия информации. А семейные и социальные взаимосвязи связаны с сенсорным типом восприятия информации.
- 2. Указанная структура корреляций личностных компонентов менеджеров позволяет выделить группы менеджеров, различающихся различными типами жизнеспособности. Менеджеры с логическим типом обработки и принятия решения обладают большей самоэффективностью, более адаптивны и способны к совладанию со стрессовой ситуацией. Менеджеры с экстраверсивным типом взаимодействия с окружающими более настойчивы, обладают внутренним локусом контроля и вместе с этим нравственно устойчивы, что позволяет поддерживать жизнеспособность на высоком уровне. Менеджеры сенсорного типа восприятия информации, направленные на конкретные и активные действия, более ориентированы на социальные взаимоотношения, в которых они находят эмоциональную поддержку и потенциал для жизнедеятельности.

Литература

- 1. Аугустинавичуте А. Соционика / А. Аугустинавичуте. М.: Черная белка, 2008. 192 с.
- 2. Березовская Р. А. Жизнеспособность и профессиональное благополучие личности / Р. А. Березовская // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М.: ИП РАН, 2016. С. 538—555.
- 3. Лотарева Т. Ю. Влияние социальной поддержки на формирование жизнеспособности профессиональной социальной сферы / Т. Ю. Лотарева // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М.: ИП РАН, 2016. С. 570—581.
- 4. Махнач А. В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма / А. В. Махнач. М. : ИП РАН, 2016. 459 с.
- 5. Сыманюк Э. Э. Жизнеспособность как предиктор конструктивного профессионального развития / Э. Э. Сыманюк, А. А. Печеркина // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М.: ИП РАН, 2016. С. 525—537.
- 6. Танаев В. М. Практическая психология управления / В. М. Танаев, И. И. Карнаух. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004. 304 с.
- 7. Юнг К. Г. Психологические типы / К. Г. Юнг. М. : АСТ Москва, 2006. 768 с.

SOCIONOMIC APPROACH IN THE STUDY OF THE MAIN TYPES OF MANAGERS' RESILIENCE

A. A. Oshchepkov

Dimitrovgrad engineering-technological Institute — branch of National research nuclear university "Moscow engineering-physical Institute" (Dimitrovgrad, Russia) sladkod@yandex.ru

V. B. Salakhova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia), Center of Protection of the Rights and Interests of Children (Moscow, Russia)

valentina nauka@mail.ru

The article deals with the topical problem of resilience of managers as specialists working in stressful conditions. With this aim the authors study the interrelations between structural components of human resilience and perception of psychotypes, information processing and ways of decision making. The empirical study is conducted with the use of psychological testing of resilience and personal psychotypes, and processing and interpretation of the results are conducted on the basis of correlation analysis. On the basis of the obtained data the conclusions on interrelations between resilience of manager personality and ways of perception, information processing and ways of decision making are made, on the base of which the main types of manager personality are allocated.

Key words: typology, socionics, resilience, manager personality, extraversion, intraversion, information perception, way of decision making.

* Grant-supported by the Russian State Fund for Humanities "The study of features and dynamics of indicators of value-semantic sphere of the convicted receiving higher professional education", N° 15-36-01329/16.

References

- 1. Augustinavichute A. (2008) Sotsionika [Socionics]. Moscow: Chernaya belka, 92 p.
- Berezovskaya R. A. (2016) Zhiznesposobnost i professionalnoe blagopoluchie lichnosti [Resilience and professional prosperity of a personality]. Zhiznesposobnost cheloveka: individualnye, professionalnye i sotsialnye aspekty. Moscow: IP RAN, pp. 538—555.
- 3. Lotareva T. Yu. (2016) Vlijanie sotsialnoj podderzhki na formirovanie zhiznesposobnosti professionalnoy sotsialnoj sfery [Social support influence on the formation of professional social sphere resilience]. Zhiznesposobnost cheloveka: individualnye, professionalnye i sotsialnye aspekty. Moscow: IP RAN, pp. 570—581.
- 4. Mahnach A. V. (2016) Zhiznesposobnost cheloveka i semyi: sotsialno-psihologicheskaya paradigma [Personal and family resilience: social and phychological paradigm]. Moscow: IP RAN, 459 p.
- 5. Symanyuk E. E., Pecherkina A. A. (2016) Zhiznesposobnost kak prediktor konstruktivnogo professionalnogo razvitiya [Resilience as a predictor of constructive professional development]. Zhiznesposobnost cheloveka: individualnye, professionalnye i sotsialnye aspekty. Moscow: IP RAN, pp. 525—537.
- 6. Tanaev V. M., Karnauh I. I. (2004) Prakticheskaya psihologiya upravleniya [Practical psychology of management]. Moscow: AST-PRESS KNIGA, 304 p.
- 7. Jung K. G. (2006) Psychological types [Psihologicheskie tipy]. Moscow: AST Moskva, 768 p.

В. Б. Салахова Центр защиты прав и интересов детей (г. Москва, Россия), Ульяновский государственный университет (г. Ульяновск, Россия) valentina_nauka@mail.ru

А. А. Ощепков Димитровградский инженерно-технологический институт филиал НИЯУ МИФИ (г. Димитровград, Россия) sladkod@vandex.ru

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНОЙ ОРИЕНТАЦИЕЙ*

В статье представлен теоретический анализ категории «социальная группа» с позиции социологического и общепсихологического подходов. Сделан вывод о том, что социальная группа — это система деятельности, которая выступает, во-первых, социальной средой, воздействующей на личность, и, во-вторых, сама испытывает воздействия индивидов. В связи с этим групповые влияния выступают опосредующей системой между личностью и обществом.

Выделены социальные группы подростков с девиантной ориентацией. Представлен анализ содержательных характеристик таких групп, их значимость для каждого отдельного члена группы и направленности подростков на взаимодействие в рамках данной группы. Описаны характерные черты, свойственные подросткам с девиантной ориентацией как субъектам деятельности (групповые потребности, нормы, ценности, установки). Сделан вывод о том, что, во-первых, подростки, склонные к девиантному поведению, обладают личностными и индивидуальными особенностями, которые детерминируют проявление девиаций в их поведении и группирование в объединения подростков со схожими особенностями. Во-вторых, группы удовлетворяют потребности подростков, склонных к девиантному поведению, в общении, проведении свободного времени, самоутверждении. Далее, в силу повышенного конформизма группы подростков с девиантной ориентацией становятся более жестко структурированы и закрыты для окружения, что приводит к замыканию подростков, склонных к девиантному поведению, в рамках антисоциальной среды. И, наконец, нахождение в девиантной среде ведет к деформации личности подростка, которая проявляется в еще большем разрыве межличностных связей с позитивным окружением, а также к развитию ориентации личности на девиантное поведение.

Ключевые слова: социальная группа, личность подростка, девиантное поведение, девиантные ориентации.

* Публикация подготовлена в рамках государственного задания ФГБНУ «Центр защиты прав и интересов детей» на 2017 год.

В научных исследованиях социальная группа рассматривается с разных точек зрения. Во-первых, это может быть случайное собрание людей, т. е. такая общность, где индивиды не взаимодействуют друг с другом иначе, как только в рамках такой группы; и после того, как тот повод, из-за которого такая группа собралась, теряет свою актуальность, участники такого собрания прекращают взаимоотношения. Во-вторых, социальные группы могут объединяться по каким-либо общим признакам, не связанным с их непосредственными контактами: например, по доходу, уровню образования и т. п. Об этом типе группы можно сказать, что она исключает факт взаимодействия, «ее членами люди являются сами по себе, без живых отношений между ними, без контакта или даже территориальной близости» [23].

Такое разнообразие подходов к определению социальной группы связано с различием в дисциплинарных подходах к данному феномену.

Так, для социологического аспекта характерно отыскание объективного критерия различения групп, выделение реальных социальных групп по социальным критериям, например, выделение социально позитивных и социально негативных (асоциальных) групп на основании существующих в обществе норм. Для общепсихологической точки зрения характерен анализ специфики протекания психических процессов в условиях социальной группы, т. е. группа рассматривается как наличие некоторого множества лиц, в условиях которого протекает деятельность личности. Однако в рамках вышеназванных подходов опять же отсутствует взгляд на социальную группу как взаимосвязанную систему индивидов, имеющих реальные непосредственные контакты и объединенных на основании межличностного взаимодействия. Поэтому встает задача объединения социологического и общепсихологического подходов, в результате которого фокус анализа социальных групп был бы направлен на содержательные характеристики.

Данная задача решается в рамках социальной психологии. Согласно точке зрения Г. М. Андреевой, социальная психология прежде всего изучает не условные, а реальные группы, «как реально существующее образование, в котором люди собраны вместе, объединены каким-то общим признаком, разновидностью совместной деятельности или помещены в какие-то идентичные условия, обстоятельства (также в реальном процессе их жизнедеятельности), определенным образом осознают свою принадлежность к этому образованию (хотя мера и степень осознания могут быть весьма различными)» [1, с. 138].

Подобной точки зрения придерживают ся американские ученые Р. Бэрон, Д. Бирн и Б. Джонсон, которые выводят определение группы при выполнении следующих условий:

- 1) для того чтобы быть частью группы, люди должны прямо или косвенно взаимодействовать друг с другом;
- 2) они должны быть в определенной степени взаимозависимыми происходящее с одним человеком должно влиять на происходящее с другим;
- 3) отношения членов группы должны быть относительно устойчивыми, т. е. существовать в течение значительного периода времени (дни, недели, месяцы или даже годы);
- 4) люди должны разделять какие-то общие цели, к которым они стремятся;
- 5) их взаимодействие должно быть структурировано тем или иным образом, так чтобы, например, каждый член группы выполнял одни и те же или сходные функции каждый раз, когда люди собираются вместе;
- 6) люди должны осознавать, что являются частью группы [5, с. 399].

Интегрированный подход к пониманию социальных групп предлагает отечественный исследователь социальной психологии девиантного поведения Ю. А. Клейберг: социальная группа рассматривается как среда деятельности и поведения индивида. Социальная среда «характеризует отношения, взаимодействия, связи, образ жизни, культуру индивидов, их менталитет, проявляющиеся в определенном жизненном пространстве, микросоциуме, и характеризует локальную субкультуру, ближайшее социальное окружение, группу» [11, с. 45]. При этом взаимосвязь личности и ее среды отводит важную роль активности самой личности, ее относительной самостоятельности. Воздействие на личность со стороны социальной среды зависит от того, насколько те или иные воздействия соответствуют внутреннему субъективному миру личности, каким образом они будут преломляться, трансформироваться, «взаимодействовать» с этими внутренними условиями. Внутренние, психологические факторы, будучи детерминированы конкретными социальными условиями бытия индивида, приобретают относительную самостоятельность и могут оказывать обратное влияние на его поведение, характеризуя поступки и действия индивида.

Таким образом, социально-психологический подход объединяет, интегрирует два вышеназванных подхода (социологический и общепсихологический), анализируя содержательные характеристики социальных групп, выявляя специфику воздействия на личность конкретной группы. При этом социальная группа рассматривается как система деятельности и выступает, во-первых, социальной средой, воздействующей на личность, и, во-вторых, сама испытывает воздействия индивидов. Поэтому в социальной психологии групповые влияния выступают опосредующей системой между личностью и обществом.

На основе данной позиции перед нами встает задача выделить реальные социальные группы подростков с девиантной ориентацией, для чего необходимо проанализировать социологические основания выделения таких групп. На основе выделения реальных групп девиантных подростков возможен анализ содержательных характеристик таких групп, их значимость для каждого отдельного члена группы и направленность подростков на взаимодействие в рамках данной группы. Далее, рассматривая девиантно-ориентированные группы подростков, будут проанализированы характерные черты, свойственные им как субъектам деятельности (групповые потребности, нормы, ценности, установки).

В социологических исследованиях прежде всего выделяются группы по социальной направленности. По данному критерию социальные группы рассматриваются как социальные и антисоциальные — если для группы реакция со стороны социального окружения является регулятором ее поведения, то такая группа будет социально-ориентированной, если же в группе преобладают противоправные идеи, установки и нормы, то в данном случае будет наблюдаться ее антисоциальная направленность [20, с. 50]. В подобном ключе свою типологию по характеру социальной направленности предлагает И. С. Полонский, который разделяет неформальные мо-

лодежные группы на три типа: просоциальные или социально положительные; асоциальные, стоящие в стороне от социальных проблем, замкнутые в системе узкогрупповых ценностей; антисоциальные [3, с. 168].

Рассматривая молодежную субкультуру как объективно-обусловленную часть социальной реальности, ряд исследователей сделали попытку ее типологизации. А. В. Толстых типологизировал молодежные субкультуры по направлениям деятельности, выделив следующие группы: общественно-политические, пропагандирующие определенные общественно-политические взгляды и радикальные, отвергающие общепринятые правила и нормы и стремящиеся к тотальному изменению существующих порядков [22]. В соответствии с типологией С. А. Сергеева в молодежной субкультуре выделяются романтико-эскапистские (хиппи, байкеры); гедонистическо-развлекательные (ройверы, рэперы и др.); криминальные (гопники, люберы); анархо-нигилистические (панки, экстремисты) типы [20, с. 186]. А. Банилачев предлагает систематизацию по степени конформности, выделяя конформные, условно-конформные и нонконформные (протестные) молодежные субкультуры [20, с. 187].

Наблюдая непосредственно за девиантноориентированными подростковыми группами, А. Л. Салагаев в своем исследовании различает собственно подростковые криминальные группировки и традиционные соседские группы подростков (дворовые компании) на основании функциональных характеристик. Признаком дворовой компании является направленность на совместное проведение досуга, тогда как функциональными проявлениями проблемной молодежной группы являются делинквентность и насильственный характер действий [16].

Таким образом, в социологических исследованиях выделяются подростковые группы антисоциальной направленности, главной особенностью которых является их ориентация на нарушение социальных норм и преобладание установок на антинормативные действия. Антисоциальные группы принимают различные формы, например: пропагандирующие антисоциальные политические взгляды радикалы, нонконформные подростковые субкультуры гопников, криминогенные подростковые группировки, объединяющиеся с целью совершения насилия и противоправной деятельности. Разнообразные формы девиантных подростковых групп, конечно, позволяют нам непосредственно наблюдать именно те социальные группы, которые входят в сферу нашего анализа, однако упускается сущность реального взаимодействия членов рассматриваемых групп как социально-психологической системы. С этой целью необходим анализ психологических характеристик членов девиантно-ориентированных подростковых групп: почему происходит объединение индивидов и как они реально взаимодействуют в рамках названных групп.

К проблеме подростковых групп с девиантной ориентацией обращаются многие отечественные психологи, изучающие самые разные психологические характеристики подростков. И. С. Кон отмечает, что подростковые группы удовлетворяют в первую очередь потребность в свободном, нерегламентированном взрослыми общении. Принадлежность к компании повышает уверенность подростка в себе и дает дополнительные возможности самоутверждения. Некоторые из таких компаний перерастают в антисоциальные (от случайной выпивки — к пьянству, от веселого озорства — к хулиганству) [12].

Марцинковская Т. Д. также отмечает, что общение подростков со сверстниками является ведущей деятельностью в этом возрасте. При этом для подростка важны не только контакты, но и признание сверстниками. Фрустрированная потребность быть значимым в своей референтной группе может вызвать серьезные отклонения в социализации и личностном росте. Ориентация на нормы группы и стремление им соответствовать повышают конформность. Поэтому необходимо учитывать уровень развития, ценностные ориентации той группы, в которую входит подросток, чтобы понять, что может ей дать подросток и что группа может дать ему. Особенно важен в этом плане анализ ценностей и содержания деятельности неформальных, стихийно возникающих подростковых групп. Проводя в таких группах большую часть времени, черпая из общения в них наиболее ценную для себя информацию, следуя образцам, подростки формируют направленность своего поведения, которое может быть как просоциальным, так и антисоциальным, девиантным [15, с. 231—233].

Такое же мнение высказывает Г. И. Забрянский. В старшем подростковом и юношеском возрасте общество сверстников выполняет чрезвычайно важные функции: обеспечивает эмоциональный комфорт, является основой межличностных отношений, информационным каналом. Признание в среде сверстников субъективно особенно значимо в этом возрасте. Полноценное товарищеское, дружеское общение несовершеннолетних правонарушающего

поведения с «благополучными» сверстниками сужено. Обычно несовершеннолетние правонарушающего поведения устанавливают контакты с лицами, имеющими сходные проблемы, трудности, одинаковый, почти не ограниченный объем свободного времени. По мере углубления непонимания и конфликтов в других сферах жизнедеятельности субъективное значение такого общения возрастает [10, с. 48].

Обстоятельный анализ социальных групп подростков с девиантной ориентацией проведен Т. Д. Владимировой, которая выявила следующие аспекты поведения подростков в девиантных группах. Прежде всего подростковый возраст требует романтики и героизма, и еще он требует моральных правил, на которые мог бы ориентироваться, которые мог бы выполнять и против которых мог бы бунтовать. И на этом фоне активно и целенаправленно действуют различные экстремистские и фашистские группировки, секты и уголовники. Все они предлагают то, в чем нуждаются подростки: какую-то идею, которая кажется ему высшей; внутригрупповую мораль, которая берет на себя функции нравственного закона; организацию, принадлежность к которой в этом возрасте удовлетворяет базальную потребность в защите значительно выше, чем какая-нибудь случайная группа; возможность внутри группы реализовать потребность в интимно-личностном общении и стремление к длительным эмоциональным контактам (иметь друзей); возможность к самореализации и самоутверждению путем выполнения значимых для группы действий, наличия жесткой иерархии, позволяющей члену группы чувствовать себя защищенным и свободным от ответственности за себя и свои поступки [6, с. 23].

Итак, одной из базовых потребностей подросткового возраста является стремление группироваться со сверстниками для общения и совместной деятельности. Удовлетворяя ее, подростки объединяются в неформальные группы, принадлежность к которым — практически обязательный элемент процесса социализации в этом возрасте. Именно входя в ту или иную группу сверстников, подросток имеет возможность осваивать модели межличностного общения, «примерять» на себя разнообразные социальные роли.

Для подросткового возраста также характерна так называемая реакция эмансипации. Коротко этот феномен можно охарактеризовать как мощное стремление к автономности, отдалению от семьи и взрослых, к избавлению от опеки. Подобную свободу или ее иллюзию дает

улица. На первом плане среди референтно значимых людей всегда оказываются сверстники, друзья, подруги, а родители часто занимают самое последнее место, даже после учителей. Эта обычная возрастная тенденция перерастает в серьезную проблему для тех детей, которые не имеют нормальных семейных отношений и заботливых родителей [14, 18].

Поэтому практически все безнадзорные дети и подростки входят в состав асоциальных и антисоциальных групп. Это связано в первую очередь с тем, что для подростка «группы риска» неформальная среда общения очень часто является единственной сферой социализации. Нередко, имея сложные взаимоотношения в семье, не посещая учебное и какое-либо досуговое учреждение, подросток вынужден примыкать к тому или иному объединению, автоматически принимая систему его норм и ценностей, которая не всегда оказывается социально положительной.

Для очень большого числа девиантных подростков ценностные ориентации и моральные принципы, проповедуемые референтной группой, являются личностно значимыми, а нормы поведения, принятые в ней, более привлекательны, чем те, которые установлены в семье и школе.

Продолжая данную тему, приведем мнение И. П. Башкатова, который считает, что неформальные группы подростков — это особый социальный организм со своими специфическими законами возникновения, развития и функционирования. Они имеют свои нормы, ценности, цели, интересы, какие-либо групповые мотивы и потребности [2, с. 36]. Мотивы объединения подростков в такие группы — самые разнообразные. Это могут быть общие интересы и склонности, единство судеб, преклонение перед силой, отвагой и независимостью новых «друзей», отвращение к одиночеству, желание продемонстрировать перед новыми знакомыми свою силу, ловкость и осведомленность [2, с. 95—97].

Изучая личность подростка из маргинальной среды, А. Ю. Голодняк обнаруживает, что по мере выраженности у них склонности к делинквентному поведению происходят следующие изменения в особенностях их личности по параметру социальные отношения: от в целом адекватных отношений со сверстниками и педагогами и разнообразных отношений с родителями — к преобладанию конфликтных отношений практически со всеми взрослыми и изоляции межличностных отношений в делинквентной группе сверстников в сочетании с высоким

конформизмом в принятии групповых норм [7, с. 91].

Пониженное самоуважение статистически связано у подростков практически со всеми видами девиантного поведения — нечестностью, принадлежностью к преступным группам, совершением правонарушений, употреблением наркотиков, пьянством, агрессивным поведением, суицидальным поведением.

Таким образом, можно выделить следующие психологические особенности подростков, определяющие их участие в группах девиантного характера. Наиболее важной причиной приобщения подростков к девиантной среде является то, что подростковая группа удовлетворяет потребность в общении, в проведении досуга. Принадлежность подростка к группе сверстников дает дополнительные возможности самоутверждения. Некоторые из таких групп перерастают в антисоциальные. Также подростковый возраст требует моральных правил, на которые мог бы ориентироваться подросток. На этом фоне некоторые группы предлагают различного рода антисоциальную мораль, которую подросток с легкостью принимает.

Стремление группироваться со сверстниками для общения и совместной деятельности приводит к тому, что подростки объединяются в неформальные группы, осваивая те или иные модели поведения девиантного характера. На первом плане оказываются друзья, сверстники. В случае неблагополучных семейных отношений такая тенденция перерастает в проблему развития девиантного образа жизни.

У большинства трудных детей и подростков блокирована фундаментальная потребность в уважении, принятии и любви, а в уличных компаниях эта потребность может быть удовлетворена. Именно психологической комфортностью пребывания в неформальной группе объясняется, почему сложно вернуть ребенка обратно в организованный социум.

Кроме этого, среди причин, способствующих участию подростков в неформальных группах, прежде всего необходимо отметить неблагополучие в семейных отношениях, плохую организацию досуга, разочарование в идеалах взрослых, социальную несправедливость. Также причины участия подростков в неформальных молодежных объединениях кроются в низкой успеваемости и отчужденности от классного коллектива, в потребности в эмоциональной разрядке, в недостатке внимания к подросткам в семьях, в безнадзорности, вызывающей чувство одиночества и беззащитности.

В свою очередь, социальные группы представляют собой системы взаимоотношений и взаимодействий своих членов и в этом смысле выступают отдельным субъектом, имеющим свои отличительные особенности. Поэтому, кроме психологических особенностей подростков, способствующих их объединению в группы девиантной ориентации, необходимо рассмотреть характерные черты социальных групп подростков с девиантной ориентацией как субъекта деятельности.

В связи с этим прежде всего необходимо отметить взгляд И. В. Севастьяновой, которая в своем исследовании утверждает, что социальные отношения возможны в поведении не только личности, индивида, но и коллектива. Отклоняющееся поведение — форма дезорганизации поведения индивида в группе категории лиц (девиантов и делинквентов), обнаруживающая несоответствие сложившимся ожиданиям, моральным и правовым требованиям общества. При этом об отклоняющемся поведении личности следует говорить не тогда, когда подросток начинает совершать правонарушение, а тогда, когда свободное время проводит в группах отрицательной направленности [17, с. 20—22].

Проведя тщательный анализ, ученые сдеряд любопытных выводов. Вопреки «внешним» представлениям, существует жесткая система правил, которые регулируют и регламентируют все происходящее в девиантных группах подростков. Подобное исследование было проведено российским ученым С. А. Беличевой, в ходе которого была подтверждена гипотеза о том, что неудовлетворенность своим положением в классе служит основной причиной деформации социальных связей подростка и возникновения неформальных криминогенных подростковых групп. Трудные подростки вследствие своей изолированности, непризнанности в школьном коллективе чрезвычайно дорожат мнением своих уличных друзей. Самоутверждение в них протекает в формах антисоциального поведения в соответствии с нормами и нравственными ценностями криминогенных групп. Изолированный начинает активно искать среду, где бы он чувствовал себя «человеком». И этой средой становится неформальная группа, дворовая компания, в которой компенсируется престижная неудовлетворенность «трудных» [4, c. 12].

При всей тяге к независимости такие подростки отличаются повышенной конформностью. Боязнь остаться в одиночестве, желание быть «как все» заставляет подростка неукоснительно следовать правилам, установившимся в девиантной группе, и требованиям ее вожаков. Чем ниже самооценка подростка, чем сильнее он чувствует себя в одиночестве, тем важнее для него чувство групповой принадлежности, в которой он черпает для себя ощущение собственной силы.

В ситуации группового возбуждения повышенная конформность дополняется вторым фактором — психическим заражением. Эмоциональное возбуждение окружающих многократно усиливает импульс, идущий от слов лидера, музыки, ритма и т. д. Все это, вместе взятое, ослабляет сознательный самоконтроль и сознание личной ответственности, рождает чувство анонимности и безнаказанности, в результате чего эмоциональное возбуждение может проявиться самым неожиданным и непредсказуемым образом, в частности агрессивностью. Этим объясняются разного рода правонарушения, преступления и другие проступки подростков, совершаемые группой. По мнению самих подростков, чувство «стадности» снижает в какой-то степени ответственность за свое поведение, придает силу и уверенность в себе [21, с. 69—70].

Поэтому при расхождении собственных взглядов, оценок с позицией группы подростки предпочитают солидарность с ней. Отмечено, что криминогенные группы сверстников не только являются базой формирования антиобщественных взглядов и установок, взаимного «обогащения» негативными привычками и навыками, не только служат психологической опорой для самооправдания при совершении правонарушений («как все»), но и непосредственно вовлекают в антиобщественное поведение [9, с. 62—63].

Таким образом, учитывая, что в девиантных группах жестко действуют правила уголовного мира и криминальная субкультура является выражением моральных и социальных законов этого мира, подростки вынуждены выбирать наркотики, преступность и другие формы криминального образа жизни. А. Добрович описал «неписанные правила» девиантных групп [8, с. 29—32]. Они практически полностью соответствуют нормам уголовной субкультуры, чьей главной характеристикой В. Ф. Пирожков считает наличие преступной иерархии и антисоциальных правил, выполняющих роль закона [13].

Другой особенностью девиантно-ориентированных подростковых объединений является их закрытость для взрослых, особенно тех, кто относится к ним свысока, с позиции всезнающего человека, чье мнение является един-

ственно верным. В результате любые попытки общения подростки воспринимают в штыки, и мнение большинства взрослых не является для них авторитетным. Ошибка большинства школьных преподавателей и педагогов клубов дополнительного образования кроется в неумении найти верный подход к таким детям, и поэтому последние часто предпочитают улицу в качестве места своего «дополнительного образования».

В свою очередь, С. А. Беличева отмечает, что фактическая утрата подростком внутренней связи с позитивно ориентированным коллективом, формирующимся на основе социально значимой деятельности, оказывает решающее влияние на формирование его личности, деформируя ее в направлении ориентации на девиантное поведение [3, с. 168].

Данная особенность взаимовлияния личностных особенностей и групповых характеристик в развитии девиантного поведения раскрывается в исследовании идентичности подростков участников криминальных группировок И. А. Семикашевой [19, с. 76]. Анализ социально-психологических особенностей девиантно-ориентированных подростковых объединений позволил выделить специфические черты, которые способствуют чрезмерной идентификации с группой и препятствуют обособлению, что, в свою очередь, отражается на становлении идентичности. К таким чертам относится закрытость, приводящая к жесткой иерархической структуре, в свою очередь, сказывающейся на структуре межличностных отношений.

На основе вышеприведенного анализа особенностей социальных групп подростков с девиантной ориентацией выводится важный методологический принцип. Во-первых, подростки, склонные к девиантному поведению, обладают личностными и индивидуальными особенностями, которые детерминируют проявление девиаций в их поведении и группирование в объединения подростков со схожими особенностями. Во-вторых, группы удовлетворяют потребности подростков, склонных к девиантному поведению, в общении, проведении свободного времени, самоутверждении. Далее, в силу повышенного конформизма группы подростков с девиантной ориентацией становятся более жестко структурированы и закрыты для окружения, что приводит к замыканию подростков, склонных к девиантному поведению, в рамках антисоциальной среды. И, наконец, нахождение в девиантной среде ведет к деформации личности подростка, которая проявляется в еще большем разрыве межличностных связей с позитивным окружением, а также к развитию ориентации личности на девиантное поведение. Поэтому исследование подростков, склонных к девиантному поведению, с позиций социально-психологического подхода необходимо проводить в двух измерениях: с одной стороны, изучение личностных особенностей подростков, склонных к девиантному поведению, ориентирующих на развитие направленности личности на проявление девиаций в поведении; с другой стороны, изучение групповых социально-психологических особенностей подростков, склонных к девиант-

ному поведению, ведущих к формированию социальной среды девиантного характера. Такой подход, соответствующий социально-психологическому, который изучает взаимовлияние личности и социума, предлагается реализовать в нашей работе как исследование ценностных ориентаций и социальных установок подростков, склонных к девиантному поведению, и изучение ценностных ориентаций и социальных установок подростков, склонных к девиантному поведению, находящихся в социальной среде, предрасполагающей к девиантному поведению.

Литература

- 1. Андреева Г. М. Социальная психология: yчеб. для вузов / Г. М. Андреева. М.: Аспект Пресс, 2000. 375 с.
- 2. Башкатов И. П. Психология асоциально-криминальных групп подростков и молодежи / И. П. Башкатов. М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2002. 416 с.
- 3. Беличева С. А. Основы превентивной психологии / С. А. Беличева. М. : РИЦ Консорциума «Социальное здоровье России», 1994. 221 с.
- 4. Беличева С. А. Этот опасный возраст / С. А. Беличева. М. : Знание, 1982. 93 с.
- 5. Бэрон Р. Социальная психология. Ключевые идеи / Р. Бэрон, Д. Бирн, Б. Джонсон. 4-е изд. СПб. : Питер, 2003. 507 с.
- 6. Владимирова Т. Д. Причины влечения подростков к криминальной субкультуре и опыт реабилитации : учеб.методическое пособие / Т. Д. Владимирова. — Хабаровск : ХГПУ, 2004. — 52 с.
- 7. Голодняк А. Ю. Криминологические особенности антиобщественного поведения подростков из маргинальной среды и предупреждение совершаемых ими преступлений : дис. ... канд. юрид. наук / А. Ю. Голодняк. М., 2003. 180 с.
- 8. Добрович А. Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения / А. Б. Добрович. М. : Просвещение, 1987. 207 с.
- 9. Долгова А. И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних / А. И. Долгова. М. : Юрид. лит., 1981. 159 с.
- 10. Забрянский Г. И. Механизм формирования антисоциальных подростковых и юношеских групп / Г. И. Забрянский // Криминологи о неформальных молодежных объединениях. Проблемы, дискуссии, предложения. М., 1990. С. 46—55.
- 11. Клейберг Ю. А. Социальная психология девиантного поведения / Ю. А. Клейберг. М. : Сфера, 2004. 416 с.
- 12. Кон И. С. Психология ранней юности : кн. для учителя / И. С. Кон. М. : Просвещение, 1989. 255 с.
- 13. Пирожков В. Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура) / В. Ф. Пирожков. Тверь : ИПП «Приз», 1994. 320 с.
- 14. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / К. А. Абульханова-Славская [и др.]; РАН, Ин-т психологии. М.: ИПРАН, 1997. 574 с.
- 15. Психология развития : учеб. для студентов психол. и пед. вузов / Т. Д. Марцинковская [и др.] ; под ред. Т. Д. Марцинковской. М. : Academia, 2001. 350 с. (Высшее образование).
- 16. Салагаев А. Л. Молодежные группировки опыт пилотного исследования / А. Л. Салагаев, А. В. Шашкин // Социс. 2004. № 9. С. 50—58.
- 17. Севастьянова И. В. Девиантное поведение несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И. В. Севастьянова. Челябинск, 2004. 140 с.
- 18. Селиванова О. А. О неформальных объединениях безнадзорных подростков / О. А. Селиванова, Ю. А. Щепина // Педагогика. 2005. № 10. С. 49—52.
- 19. Семикашева И. А. Социально-психологическая идентичность подростков участников территориальных группировок / И. А. Семикашева // Девиантология : хрестоматия / авт.-сост. Ю. А. Клейберг. СПб. : Речь, 2007. С 64—77
- 20. Социология молодежи : учеб. для студ. вузов / под ред. В. Н. Кузнецова. М. : Гардарики, 2005. 335 с.
- 21. Тачина С. В. Особенности девиантного поведения подростков: социологический анализ : дис. ... канд. социол. наук / С. В. Тачина. Екатеринбург, 2003. 191 с.
- 22. Толстых А. А. Взрослые и дети: парадоксы общения / А. А. Толстых. М. : Педагогика, 1988. 125 с.
- 23. Asch S. E. Social Psychology / S. E. Asch. Oxford : Oxford University Press, 1987. 668 p.

FEATURES OF SOCIAL GROUPS OF ADOLESCENTS WITH THE DEVIANT ORIENTATION

V. B. Salakhova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia), Center of protection of the rights and interests of children (Moscow, Russia) valentina nauka@mail.ru

A. A. Oshchepkov

Dimitrovgrad engineering-technological Institute — branch of National research nuclear university "Moscow engineering-physical Institute" (Dimitrovgrad, Russia

sladkod@yandex.ru

The article presents the theoretical analysis of the category "social group" from the standpoint of sociological and general psychological approaches. The authors conclude that a social group is a system of activity that: 1) acts as a social environment that affects the personality and 2) is affected by individuals. In this connection, group influences act as a mediating system between a person and a society. Social groups of adolescents with a deviant orientation are shown. The authors analyze the content characteristics of such groups, their significance for each individual member of the group and the orientation of adolescents on interaction within the framework of this group. They also describe the characteristic traits peculiar to adolescents with deviant orientation as subjects of activity (group needs, norms, values, attitudes). It is concluded that, firstly, adolescents prone to deviant behavior have personal and individual characteristics that determine the manifestation of deviations in their behavior and grouping in associations of adolescents with similar characteristics. Secondly, the groups meet the needs of adolescents prone to deviant behavior in communication, pastime, self-assertion. Further, due to the increased conformism groups of adolescents with a deviant orientation become more rigidly structured and closed for the environment, which leads to the closure of adolescents prone to deviant behavior within the antisocial environment. Finally, being in a deviant environment leads to a deformation of the adolescent's personality, which manifests itself in an even greater break in interpersonal relationships with the positive environment, and also in the development of the person's orientation toward deviant behavior.

Key words: social group, teen personality, deviant behavior, deviant orientations.

st Published due to the state task "Center for the Protection of Rights and Interests of Children" for 2017 year.

References

- 1. Andreeva G. M. (2000) Sotsialnaya psihologiya [Social Psychology]. Moscow: Aspect Press, 375 p.
- 2. Bashkatov I. P. (2002) Psihologiya assotsialno-kriminalnyh grupp podrostkov i molodezhi [Psychology of Asocial-Criminal Groups of Adolescents and Youth]. Moscow: MPSI; Voronezh: MODEC, 416 p.
- 3. Belicheva S. A. (1994) Osnovy preventivnoy psihologii [Fundamentals of Preventive Psychology]. Moscow: RIC of the Consortium "Sotsialnoe zdorovye Rossii", 221 p.
- 4. Belicheva S. A. (1982) Etot opasnyy vozrast [This dangerous age]. Moscow: Znanie, 93 p.
- 5. Baron R., Birn D., Jonson B. (2003) Sotsialnaya psihologiya. Klyuchevye idei [Social psychology. Key ideas]. St. Petersburg: Piter, 507 p.
- 6. Vladimirova T. D. (2004) Prichiny vlecheniya podrostkov k kriminalnoy subkulture i opyt reabilitatsii [The reasons for the attraction of adolescents to the criminal subculture and the experience of rehabilitation]. Khabarovsk: KhGPU, 52 p.
- 7. Golodnyak A. Yu. (2003) Kriminologicheskie osobennosti antiobschestvennogo povedeniya podrostkov iz marginalnoy sredy i preduprezhdenie sovershaemyh imi prestupleniy [Criminological features of antisocial behavior of adolescents from the marginal environment and prevention of crimes committed by them]. Moscow, 180 p.
- 8. Dobrovich A. B. (1987) Vospitatelyu o psihologii i psihogigiene obscheniya [To educator on psychology and psychohygiene of communication]. Moscow: Prosveschenie, 207 p.
- 9. Dolgova A. I. (1981) Sotsialno-psihologicheskie aspekty prestupnosti nesovershennoletnih [Socio-psychological aspects of juvenile delinquency]. Moscow: Yurid. lit., 159 p.
- Zabryansky G. I. (1990) Mekhanizm formirovaniya antisotsialnyh podrostkovyh i yunosheskih grupp [Mechanism of formation of antisocial adolescent and youth groups]. Criminologists on Informal Youth Associations. Problems, discussions, suggestions. Moscow, pp. 46—55.
- 11. Kleiberg Yu. A. (2004) Sotsialnaya psihologiya deviantnogo povedeniya [Social Psychology of Deviant Behavior]. Moscow: Sfera, 416 p.
- 12. Kon I. S. (1989) Psihologiya ranney yunosti [Psychology of early youth]. Moscow: Prosveschenie, 255 p.
- 13. Pirozhkov V. F. (1994) Zakony prestupnogo mira molodezhi (kriminalnaya subkultura) [Laws of the criminal world of youth (criminal subculture)]. Tver: IPP "Priz", 320 p.
- 14. Abulkhanova-Slavskaya K. A. [and others] (1997) Psihologicheskaya nauka v Rossii XX stoletiya: problemy teorii i istorii [Psychological science in Russia of the XX century: problems of theory and history]. The Russian Academy of sciences. Institute of Psychology. Moscow: IPRAN, 574 p.
- 15. Marchinkovskaya T. D. [and others] (2001) Psihologiya razvitiya [Developmental Psychology]. For students of psychology. And ped. Universities. Moscow: Academia, 350 p.

- 16. Salagaev A. L., Shashkin A. V. (2004) Molodezhnye gruppirovki opyt pilotnogo issledovaniya [Youth groups the experience of pilot research]. Sotsiologicheskie issledovaniya, (9), pp. 50—58.
- 17. Sevastyanova I. V. (2004) Deviantnoe povedenie nesovershennoletnih [Deviant behavior of minors]. Chelyabinsk, 140 p.
- 18. Selivanova O. A., Shchepina Yu. A. (2005) O neformalnyh obyedineniyah beznadzornyh podrostkov [About informal associations of street teenagers]. Pedagogika, (10), pp. 49—52.
- 19. Semikasheva I. A. (2007) Sotsialno-psihologicheskaya identichnost podrostkov uchastnikov territorialnyh gruppirovok [Socio-psychological identity of adolescents participants in territorial groupings]. St. Petersburg: Rech, pp. 64—77.
- 20. Kuznetsov V. N. (2005) Sotsiologiya molodezhi [Sociology of Youth]. Moscow: Gardariki, 335 p.
- 21. Tachina S. V. (2003) Osobennosti deviantnogo povedeniya podrostkov: sotsiologicheskiy analiz [Features of deviant behavior of adolescents: sociological analysis]. Ekaterinburg, 191 p.
- 22. Tolstoy A. A. (1988) Vzroslye i deti: paradoksy obscheniya [Adults and children: the paradoxes of communication]. Moscow: Pedagogika, 125 p.
- 23. Asch S. E. (1987) Sotsialnaya psihologiya [Social Psychology]. Oxford: Oxford University Press, 668 p.

ВЕСТНИК

И. В. Талина
Ульяновский государственный университет
(г. Ульяновск, Россия)
talapril@yandex.ru

В. А. Карнаухов
Ульяновский институт гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б. П. Бугаева (г. Ульяновск, Россия) v.sky2016@yandex.ru

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И НАУЧНОМ СОЦИУМЕ

Статья посвящена проблеме гендерной асимметрии в образовательном и научном социуме. На протяжении прошлого столетия признак пола (гендерный признак) существенно влиял на развитие образовательных и научных учреждений России. Соотношение численности мужчин и женщин и в соответствии с ним «вес» педагогов и ученых менялись в зависимости от конкретных социально-экономических и политических условий, между тем гендерная асимметрия на образовательном поле оставалась неизменной. Такого рода асимметрия в российском образовании — явление давнее. Гендерная асимметрия имеет не только качественную, но и количественную характеристику. Количественная характеристика — соотношение удельного веса женщин и мужчин в высших учебных заведениях — неоднократно менялась в историческом контексте. Перед Первой мировой войной в Российской империи насчитывалось 72 университета и других высших учебных заведений с 86 тысячами студентов.

Гендерная асимметрия — не случайный, а постоянно действующий фактор в системе науки и высшей школы, что обусловлено объективными причинами. Среди них особенности социально-экономического строя и политического режима, уровень демократического развития страны, потребности материального производства и духовной жизни общества, особенности демографической структуры и правового положения женщин, уровень и качество жизни народа. Меняются объективные условия — асимметричность приобретает новые количественные характеристики, содержание и формы.

Ключевые слова: гендерная асимметрия, гендерный признак, гендерный подход, гендерный стереотип, международные сравнительные исследования, социально-профессиональная ориентация, гендерное образование.

На протяжении прошлого столетия признак пола (гендерный признак) существенно влиял на развитие образовательных и научных учреждений России. Соотношение численности мужчин и женщин и в соответствии с ним «вес» педагогов и ученых менялись в зависимости от конкретных социально-экономических и политических условий, между тем гендерная асимметрия на образовательном поле оставалась неизменной.

Такого рода асимметрия в российском образовании — явление давнее. Так, в статье чиновника Министерства народного просвещения В. Ивановича, опубликованной в 1906 году, на основе рассчитанных им темпов роста «отечественной культуры» до 1897 года был дан анализ состояния и прогноз развития грамотности в России. В своих расчетах автор опирался на данные проведенной переписи «населения вообще, обоего пола» [4]. Согласно этим расчетам, количество грамотных в России (к ним относили умевших читать) составляло 21,1 % все-

го населения. Остальная стомиллионная масса россиян была безграмотной. Автор статьи обращает внимание на резкую диспропорцию в уровнях грамотности: 29,3 % — среди мужчин и 13,1 % — среди женщин. По прогнозу Б. Ивановича, если сохранятся темпы роста «нашей общественной культуры», то России «...для достижения всеобщей грамотности мужчин, при современной безграмотности 70,7 % их массы, понадобится около 180 лет, а для достижения всеобщей грамотности женщин, при безграмотности 86,9 % общей их массы, потребуется больше 280 лет» [4].

Положение с грамотностью мужчин и женщин радикально изменилось при Советской власти. К концу 30-х годов была ликвидирована безграмотность 87,4 % граждан обоих полов в возрасте от 9 до 49 лет (хотя, по данным «крамольной» переписи 1939 года, безграмотным оставался еще каждый пятый житель СССР старше 10 лет) [1].

Гендерная асимметрия имеет не только качественную, но и количественную характеристику. Количественная характеристика — соотношение удельного веса женщин и мужчин в высших учебных заведениях — неоднократно менялась в историческом контексте. Перед Первой мировой войной в Российской империи насчитывалось 72 университета и других высших учебных заведений с 86 тысячами студентов [2]. Женщины были лишены права на получение высшего образования наравне с мужчинами, лишь в октябре 1905 года им была предоставлена возможность посещать лекции в императорских университетах. Первым такое решение принял Совет Московского университета. Эта уступка была буквально вырвана «слабым полом» у царского правительства в обстановке нараставшего революционного движения в стране.

Однако уже в 1908 году Министерство народного просвещения вновь закрыло двери вузов для девушек. Те из них, кто имели материальные возможности, вынуждены были учиться за границей (в вузах Швейцарии перед Первой мировой войной обучалось 6000 женщин из России). Обстановка качественно изменилась лишь после Октября 1917 года. Женщины были полностью уравнены в правах с мужчинами в получении образования. В 1939 году в Российской Федерации 17 миллионов человек посещали школы ликвидации неграмотности, из них 14 миллионов — женщины. В 1919/1920 учебном году в 204 высших учебных заведениях страны занимались свыше 220 тысяч человек. В Московском университете треть всех студентов составляли женщины. Особенно активно подготовка женской интеллигенции велась в 30-х годах — практически по всем направлениям и специальностям: индустриально-техническим, педагогическим, сельскохозяйственным, медицинским, социально-экономическим. Именно тогда среди женщин Советского Союза стали широко распространенными профессии инженера, учителя и врача [2].

Таким образом, за годы Советской власти «весы» гендерной асимметрии резко качнулись в сторону увеличения удельного веса женщин, и прежде всего в сфере высшего образования. Такая социально-профессиональная ориентация женщин отвечала потребностям развития государства, создававшего благоприятные условия для поступления женщин в вузы и их последующего трудоустройства.

В современной России на рубеже XX—XXI столетий проявляет себя тенденция «вымывания» мужчин из сферы образования в целом.

Дело здесь в низкой, к тому же часто несвоевременно выплачиваемой заработной плате, резком сокращении государственного финансирования образования и науки, падении социального престижа педагогической и научной деятельности.

В связи с ростом безработицы и мизерной оплатой многих видов труда мужчине все сложнее становится поддерживать стандарт традиционной мужской роли. Из-за этого у него развиваются всевозможные комплексы, происходят стрессы, которые сопровождаются личностным расстройством и доминированием иллюзий, неспособностью устанавливать и поддерживать межличностные взаимоотношения, выражать свои чувства и отвечать на чувства других.

Реалии индустриального и постиндустриального общества влияют и на женщину, заставляя ее быть самостоятельной, активной, сильной, образованной, лидирующей. У нее все меньше остается времени, сил, а зачастую пропадает и желание становиться матерью и заботливой женой. Этот процесс неподвластен любым идеологическим кампаниям, призывающим женщин вернуться к своему традиционному предназначению и занятию — сохранению семейного очага и продолжению рода.

Нестабильность семейной жизни в современных социально-экономических условиях, частые разводы, отсутствие действующих брачных контрактов, которые гарантировали бы женщинам после разводов достойное существование, нищенские социальные пособия со стороны государства, исторически сформировавшийся низкий статус домохозяйки — все это толкает женщину к поиску устойчивого положения на работе, на службе, т. е. вне семьи.

Чтобы понять последствия кризиса в отношениях двух полов, следует разобраться с истоками его возникновения. Первая и основная причина значительных контрастов в процессах половой идентификации мальчиков и девочек кроется в асимметричной организации родительской заботы, при которой воспитательная роль принадлежит женщине. Ребенок через имитацию, прямое обучение и наставление познает начало раздела на приватный, домашний мир женщин и публичный, общественный мир мужчин. И в дальнейшем мужчина оказывается не включенным в домашние дела, принятие решений, так как «мужские» обязанности выходят за рамки семьи. Он становится инфантильным и не желает ни за что отвечать, быть инициативным и разделять семейные обязанности. Первая идентификация осуществляется со своей матерью, независимо от пола ребенка, и в дальнейшем (в детском саду, начальной школе), оставаясь возле женщин, он усваивает более понятные ему роли женщин и женственность, а не мужские роли и мужественность.

Ярким примером проявления гендерной асимметрии в образовании являются результаты участия России в международных сравнительных исследованиях. В первом десятилетии XXI века Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) осуществляет Международную программу оценки знаний и умений учащихся PISA (Programme for International Student Assessment), основной целью которой является получение надежных сведений о результатах обучения в различных странах мира, сравнимых на международном уровне. Предполагалось, что полученная информация позволит странам-участницам принимать обоснованные решения в области образования.

Большой и очень интересный блок анализа полученных результатов в исследовании PISA касается таких аспектов, как влияние гендерных различий, региона проживания, социального статуса семьи, образованности родителей и т. п. на результаты тестирования. Влияние гендерных различий на результаты обучения очевидно как в сфере гуманитарных, так и в сфере естественно-научных знаний и точных наук. К сожалению, российские исследователи данную проблематику не анализировали, поскольку в большей степени ориентировались на выдвижение конкретных предложений по внесению корректив в такие сугубо «школьные» механизмы влияния на общий результат образования, как учебные материалы, использование активных методов в преподавании, изменение приоритетов в определении требований к уровню подготовки выпускников: они выделяли и анализировали те причины неуспеха, на которые действительно можно повлиять, причем конкретными педагогическими средствами [6].

В Российской педагогической энциклопедии отсутствует понятие «гендер», а половое воспитание трактуется как «комплекс воспитательных и просветительных воздействий на ребенка, направленных на приобщение его к принятой в обществе системе половых ролей» [8].

В педагогической литературе последних лет вопросы полового воспитания рассматривали Ю. Е. Алешина, Т. А. Араканцева, Н. Л. Белопольская, И. Ю. Борисов, Ш. Берн, Г. М. Бреслав, А. С. Волович, В. А. Геодакян, Е. М. Дубовская, В. Д. Еремеева, Е. П. Ильин, В. Е. Каган, И. С. Кон, Т. Б. Котлова, Т. А. Репина, А. В. Смир-

нова, Л. И. Столярчук, Б. И. Хасан, Т. П. Хризман, А. А. Чекалина, Т. И. Юферева и др. Многие авторы ставили акцент на физиологических проблемах воспитания, причины отклонений в сексуальном развитии подростков видели в росте случаев половой распущенности и агрессивности, советовали с раннего детства формировать чувства половой принадлежности, способствовать выработке индивидуального поведения.

Признак пола (гендерный признак) всегда существенно влиял на развитие образовательных учреждений. В отличие от многих других подходов к образованию, гендерный подход исходит из того, что в образовательные учреждения приходят не безликие «учащиеся», а мальчики и девочки (или девушки и юноши). Дело не только в том, что представители разных полов нуждаются в дифференцированном подходе со стороны преподавателя (например, при проведении дискуссий следует учитывать, что девушки предпочитают обмен мнениями, а не защиту четко определенных позиций, они меньше склонны открыто показывать свои знания, иногда просто стесняются говорить перед большой аудиторией). Дело еще и в том, что как внутри, так и вне образовательных учреждений и школьники, и взрослые вынуждены сталкиваться со сложным миром меняющихся представлений и стереотипов, касающихся того, какое поведение, внешний вид, мышление приемлемы для представителей данного пола. Часто стереотипные представления, усвоенные от других, приходят в противоречие с личными желаниями и склонностями человека. Объяснить природу стереотипов, показать их историческую изменчивость и социальную обусловленность — таковы основные задачи гендерного образования.

С точки зрения возрастной характеристики обучающихся гендерное образование можно рассматривать как образование школьников, студентов и взрослых. Тогда на первый план выходит включение тематики общественного восприятия половых различий в сложившуюся систему обучения и воспитания. Более четко акцентировать внимание на изучении различий и сходств в социальном поведении мужчин и женщин, на чертах, стереотипах, ролях, считающихся типичными для них, помогают гендерные исследования. Например, многими исследователями (Экклз, Феннема, Шерман, Хайд, Венцель, Холперн, Бейкер, Перкинс-Джонс, Двек, Белл, Матиас) дано несколько убедительных объяснений различий между мужчинами и женщинами в успешности решения математических задач:

- 1) женщинам не достает уверенности в своих математических способностях, и они не рассчитывают на успех в этой области;
- 2) девочки могут считать математические достижения неподходящими для своей гендерной роли;
- 3) родители и учителя редко поощряют девочек в изучении математики;
- 4) есть основания полагать, что жизнь девочек за пределами школы менее богата опытом в математической области и сфере решения задач.

Данные объяснения подтверждаются многочисленными исследованиями [3]. Кроме того, успешность поведения мужчин и женщин различна в таких областях, как эмоциональная экспрессивность и эмпатия, агрессия, конформность и альтруизм.

В Германии проводились исследования, авторы которых пришли к выводу, что учителя, преподающие точные и естественные науки, в процессе преподавания бессознательно ориентируются на потребности мальчиков и их специфический способ освоения предмета. Если мальчики предпочитают узнавать от учителя какую-то теоретическую концепцию, то девочки «склонны к прагматическому усвоению, ориентированному на буднюю жизнь» [7].

Необходимо как внутри, так и вне образовательных учреждений объяснять природу стереотипов, показывать их историческую изменчивость и социальную обусловленность, чтобы стереотипные представления, усвоенные от других, не приводили к противоречиям с личными желаниями и склонностями человека. Чтобы перейти к более конструктивному взаимодействию двух полов, важно с детских лет развивать способность видеть в другом человека с иными мировоззрением, логикой мышления, культурой, чувствами и уважать их; умение смотреть и оценивать мир с двух, порой противоположных, сторон; гибкость в поведении, базирующуюся на уважении, гуманном отношении, здравом смысле; формировать ответственность в отношениях друг с другом.

Поскольку формирование полоролевой идентичности у детей зависит от учителей и родителей, большое значение имеет также гендерное образование учителей и других взрослых. Образование взрослых носит главным образом адаптационный характер, помогая приспособиться к изменениям, происходящим в окружающем мире, или бороться с возникающими трудностями. Когда речь идет о гендерном образовании взрослых, подразумевается, что его

целью должно стать приобщение к базовым знаниям, необходимым для решения конкретных проблем, с которыми сталкиваются женщины и мужчины. Наиболее популярно в данном контексте проведение краткосрочных семинаров для разных слоев населения (например, семинары на темы «Мать и дочь», «Отец и сын», предназначенные для поиска взаимопонимания родителей с их взрослыми или взрослеющими детьми). Многие гендерные курсы в университетах специально предназначены для учителей. Педагоги-практики получают представление о специфике взросления девочек и мальчиков, о подходах к проблемам, волнующим детей разных возрастов. Основным направлением работы в области гендерного образования в России является подготовка взрослых (учителей, врачей, родителей) с тем, чтобы они, используя полученные знания, могли квалифицированно обсуждать с детьми и подростками проблемы гендерных стереотипов, роли и места полов в обществе, а также не в последней степени проблемы полового воспитания.

Что касается образования студентов непедагогических специальностей, то первоначально гендерный подход находился на периферии образовательной системы, гендерные учебные курсы не включались в программы университетов, а представляли собой скорее частные занятия, ориентированные прежде всего на женщин. Однако вместе с интеграцией некоторых феминистских идей в общественное сознание гендерное образование постепенно стало респектабельной частью учебного процесса. Теперь оно предполагает изучение как «женских», так и «мужских» аспектов различных форм дифференциации полов в обществе.

Образование студентов также строится на разъяснении гендерных стереотипов, с которыми сталкивается молодежь, вступая во взрослую жизнь, и совместном поиске средств преодоления этих стереотипов [10].

Возможен и другой подход к гендерным образовательным программам, связанный не столько с возрастом учащихся, сколько с направлениями гендерных исследований, — например, гендерный аспект демографических изменений, гендерные стереотипы восприятия информации, гендерный анализ языка и т.д. Внедрение таких курсов в высшей школе должно быть, с одной стороны, связано с традиционным (предметным) образованием, а с другой соответствовать актуальной тенденции проблематизации предметной области (гендерный подход заставляет по-новому взглянуть на такие традиционные предметы, как экономика, демография, политика, история или философия). Сказанное в полной мере относится и к педагогике. Гендерный аспект переосмысления педагогической науки и практики лежит в русле более широкой тенденции создания педагогики XXI века.

Что касается особенностей гендерной асимметрии в российской науке, то принятие гендерной проблематики как научной испытывает достаточно серьезное противодействие в академической науке. Что касается феминистской теории и эпистемологии, то они вообще вызывают жесткое неприятие. Им отказывается в научности, они обвиняются в политической ангажированности. До сих пор гендерные исследования находятся на позиции маргинальных, развиваясь, хотя и достаточно бурно, в стороне от магистрального направления академической науки. Научная среда, где доминируют мужчины, воспринимает гендерные исследования как аналог феминизма. Слово же «феминизм» по-прежнему вызывает в России негативную реакцию. Часто феминизм оценивается как ненужное явление, привнесенное с Запада и не свойственное российским традициям [5, 9]. Сходное отношение к гендерной проблематике наблюдается и в преподавательской среде.

Гендерная асимметрия в образовании и науке отражает фактическую диспропорцию удельного веса мужчин и женщин в подготовке специалистов различного профиля и явное или скрытое неравенство в этой сфере по признаку пола. В какой мере симметрична (или асимметрична) в гендерном отношении система подготовки специалистов в современных условиях? На первом месте по уровню феминизации средние специальные учебные заведения (57 % женщины), на втором — вузы (51 %), на третьем — аспирантура (42 %), на четвертом — докторантура (34 %). Причин гендерной асимметрии несколько. В частности, сменились за 10 лет ее векторы применительно к научной подготовке кадров: сегодня среди аспирантов женщин — 42 %, докторантов — 34 % [2]. Причина наметившейся диспропорции заключается отнюдь не в отсутствии интереса у женщин к научной деятельности, она скорее связана с созданием и содержанием семьи в условиях экономической нестабильности и резким снижением уровня жизни, необходимостью подрабатывать в нескольких местах; усилилась также ориентация на семейные ценности и стиль жизни. Что касается молодых людей, то для многих из них аспирантура стала чуть ли не единственной альтернативой избежать службы в армии, хотя было бы ошибкой отрицать понимание социальной престижности научной карьеры для молодежи и преуспевающих специалистов.

Гендерная асимметрия не случайный, а постоянно действующий фактор в системе науки и высшей школы, что обусловлено объективными причинами. Среди них особенности социальноэкономического строя и политического режима, уровень демократического развития страны, потребности материального производства и духовной жизни общества, особенности демографической структуры и правового положения женщин, уровень и качество жизни народа. Меняются объективные условия — асимметричность приобретает новые количественные характеристики, содержание и формы.

Гендерная асимметрия в высшей школе и научных учреждениях, порождаемая вышеназванными объективными причинами, испытывает на себе влияние государственного, административного и общественного управления, т. е. субъективных факторов. Среди них официальная политика правительства, федеральных и региональных властей, регулирующих финансирование высшей школы и науки, условия приема абитуриентов в вузы, государственные образовательные стандарты, выпуск специалистов в соответствии с требованиями рынка труда и занятости, изменяющимися потребностями экономики, культуры, здравоохранения и других сфер общественной жизни.

Признак пола в условиях перехода к рыночной экономике стал одним из решающих факторов социальной дискриминации в сфере труда, особенно на предприятиях и в фирмах с частной формой собственности. Запросы рынка труда стали все чаще приходить в противоречие с реальной гендерной структурой высшего образования. Согласно демографическому прогнозу, в 2015 году число женщин на 10 % превысит число мужчин, что сделает проблему гендерной асимметрии и ее социальных последствий в высшей школе еще более острой, чем в ушедшем XX веке [7].

Структурные изменения на рынке труда и занятости показывают, что из года в год возрастает удельный вес женщин, усиливается их конкурентоспособность, социальная и профессиональная мобильность. В таких условиях гендерная асимметрия становится своеобразным индикатором реального состояния образовательного и научного социума.

Становление и бытие человека, который всегда мужчина (мальчик) или женщина (девочка), невозможны вне общества, которое во все времена так или иначе направляло формирование личности мужчин и женщин по определенному руслу. Осмысление этих процессов в исторической ретроспективе немаловажно для понимания современных и перспективных проблем полоролевой социализации и гендерной асимметрии. Исчерпывающее решение этой задачи лежит за пределами наших возможностей и компетенции. Можно лишь попытаться по отдельным «кадрам» представить наиболее общие и важные закономерности, в конечном итоге приведшие к современной постановке проблемы [11].

На современном этапе развития российского образования и науки необходимы позитивные меры, составляющие основу для разработки единой концепции гендерной педагогики, способствующей более конструктивному взаимодействию двух полов, снижению гендерной асимметрии, развитию общечеловеческих ценностей: помощь человеку в адаптации в современном обществе, развитие его индивидуальных качеств и талантов, осознанный выбор существующих в обществе социальных ролей, свобода от стереотипов и искусственных отношений.

Литература

- 1. Ашвин С. Н. Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости / С. Н. Ашвин // COЦИС. — 2000. — № 11.
- 2. Баскакова М. Е. Российский механизм реализации политики равных прав и равных возможностей в сфере занятости / М. Е. Баскакова // Теория и методология гендерных исследований. — М.: МЦГИ, 2001.
- 3. Берн Ш. Гендерная психология: законы мужского и женского поведения / Ш. Берн. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. — 318, [2] c.
- 4. Браун Л. Женский вопрос, его историческое развитие и экономическое значение / Л. Браун. СПб., 1903.
- 5. Гендерные исследования в России и СНГ / под ред. З. А. Хоткиной. М., 2000.
- 6. Карнаухова М. В. Международные исследования как средство диверсификации мировой системы оценивания качества образования / М. В. Карнаухова. — М. : Изд-во РГСУ, 2006. — 212 с.
- 7. Перспективы гендерного образования в России: взгляд педагога / И. Костикова, А. Митрофанова, Н. Пулина, Ю. Градскова // Высшее образование в России. — 2001. — № 2.
- 8. Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В. В. Давыдов. М., 1998. 672 с. Т. 2.
- 9. Талина И. В. Гендерный дискурс о раздельном и совместном обучении как научная и практическая проблема / И. В. Талина, М. В. Карнаухова // Человеческий капитал. — 2010. — № 6(18). — С. 35—37.
- 10. Тупицына И. А. Гендерные стереотипы и жизненный путь человека : практикум по гендерной психологии / И. А. Тупицына ; под ред. И. С. Клециной. — СПб., 2003.
- 11. Митин С. Н. Половая социализация в историческом и религиозном аспектах / С. Н. Митин // Симбирский науч. вестн. — 2015. — № 3(21). — С. 48—57.

GENDER ASYMMETRY IN THE EDUCATIONAL AND SCIENTIFIC COMMUNITY

I. V. Talina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia) talapril@yandex.ru

V. A. Karnauhov

Ulyanovsk Civil Aviation Institute named after Chief Marshal of Aviation B. P. Bugaeva (Ulyanovsk, Russia) v.sky2016@yandex.ru

The article deals with factors and features of gender asymmetry in educational and scientific society. Over the last century gender attribute greatly influenced the development of educational and scientific institutions of Russia. The ratio of men and women and, according to it, the "weight" of teachers and scientists varied depending on the specific socio-economic and political conditions, whereas gender asymmetry in the field of education remained unchanged.

Asymmetry in the Russian education is a long-standing phenomenon. Gender asymmetry has both qualitative and quantitative characteristics. Quantitative characteristics (the ratio of the proportion of women and men in higher education) have been changed in a historical context.

There were 72 universities and other institutions of higher establishments with 86 thousand students before the First World War in Russia. Gender asymmetry was not random. It is a permanent factor in the system of science and higher education, which is because of objective reasons. The reasons are: the peculiarities in socio-economic system and political system, the level of democratic development of the country, the needs of material production and spiritual life of society, especially the demographic structure and legal status of women, the level and quality of life of the people. The objective conditions are changing and the asymmetry acquires new quantitative characteristics, the content and form.

Key words: gender asymmetry, gender approach, gender feature, gender stereotype, international comparative studies, socio-professional orientation, gender education.

ВЕСТНИК

References

- 1. Ashvin S. N. (2000) Vliyanie sovetskogo gendernogo poryadka na sovremennoe povedenie v sfere zanyatosti [Influence of Soviet gender order on the contemporary behavior in the sphere of employment]. SOCIS, (11).
- 2. Baskakova M. E. (2001) Rossiyskiy mekhanizm realizatsii politiki ravnyh prav i ravnyh vozmozhnostey v sfere zanyatosti [Russian mechanism for the implementation of equal rights and equal opportunities in the employment policy]. Teoriya i metoologiya qendernyh issledovaniy. Moscow: MTsGI.
- 3. Bern Sh. (2007) Gendernaya psihologiya: zakony muzhskogo i zhenskogo povedeniya [Gender Psychology: Laws of male and female behavior]. St. Petersburg: Prime-EVROZNAK, 318 p.
- 4. Brown L. (1903) Zhenskiy vopros, ego istoricheskoe razvitie i ekonomicheskoe znachenie [Women's issue, its historical development and economic importance]. St. Petersburg.
- 5. Hotkina Z. A. (2000) Gendernye issledovaniya v Rossii i SNG [Gender Studies in Russia and the CIS]. Moscow.
- Karnaukhova M. V. (2006) Mezhdunarodnye issledovaniya kak sredstvo divetsifikatsii mirovoy sistemy otsenivaniya kachestva obrazovaniya [International studies as means of diversifying of world education quality evaluation system]. Moscow: Izd-vo RGSU, 212 p.
- 7. Kostikova I., Mitrofanov A., Pulina N. Gradskova Yu. (2001) Perspektivy gendernogo obrazovaniya v Rossii: vzglyad pedagoga [The prospects of gender education in Russia: the teacher look]. Vysshee obrazovanie v Rossii, (2).
- 8. Davydov V. V. (1998) Rossiyskaya pedagogicheskaya entsiklopediya: v 2 t. [Russian Pedagogical Encyclopedia: in 2 v.]. Vol. 2, 672 p.
- 9. Talina I. V., Karnaukhova M. V. (2010) Gendernyy discurs o razdelnom i sovmestnom obuchenii kak nauchnaya i prakticheskaya problema [Gender discourse about the separate and joint training as a scientific and practical problem]. Chelovecheskiy kapital, 6(18), pp. 35—37.
- 10. Tupitsina I. A. (2003) Gendernye stereotipy i zhiznennyy put cheloveka: praktikum po gendernoy psihologii [Gender stereotypes and the person's way of life: practicum on gender psychology]. St. Petersburg.
- 11. Mitin S. N. (2015) Polovaya sotsializatsiya v istoricheskom i religioznom aspektah [Sexual socialization in the historical and religious aspects]. Simbirskiy nauchnyy vestnik, 3(21), pp. 48—57.

Р. И. Хайрудинова Ульяновский государственный университет (г. Ульяновск, Россия) rezedx-90@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЕЙ, ПРИНЯВШИХ НА ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Дети-сироты и дети с OB3, оставшиеся без попечения родителей, представляют определенную специфическую группу, которая не способна без помощи и поддержки государства, социальных институтов адаптироваться и социализироваться в современном обществе. Одним из эффективных путей решения проблемы социального сиротства является замещающая семья. Возникающие проблемы, низкий уровень психологической готовности к воспитанию ребенку с ОВЗ в условиях замещающей семьи приводят к эмоциональному истощению родителей, снижению жизнестойкости, повышению риска отказа от ребенка. Принятие ребенка в семью с особыми потребностями требует комплексного сопровождения со стороны разных специалистов. Основной целью работы психологической службы с данной категорией, на наш взгляд, является стабилизация психического состояния замещающих родителей детей с ОВЗ и, как следствие, оптимизация процесса вхождения их детей в социальную среду.

В данной работе рассматриваются основные направления психологической поддержки замещающих семей, принявших на воспитание детей с ограниченными возможностями здоровья, описана модель психологической поддержки замещающих родителей, этапы работы психологической службы и формы проведения занятий, предложены методы психокоррекции и ожидаемые результаты.

Ключевые слова: замещающая семья, психологическая поддержка, дети с ограниченными возможностями здоровья, замещающие родители, методы психокоррекции.

В настоящее время наблюдается рост рождаемости детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Появление такого ребенка на свет вызывает сильную эмоциональную реакцию у родителей, вследствие чего растет процент отказа от таких детей.

Одной из наиболее актуальных проблем России является преодоление социального сиротства. В нашей стране данная проблема решается путем реализации важного направления социальной политики — создания и законодательного закрепления системы защиты прав и законных интересов детей, оставшихся без попечения родителей, а также передачи их в замещающие семьи. Замещающая семья — не закрепленное законодательно понятие, обозначающее любую семью, в которую ребеноксирота или ребенок, оставшийся без попечения родителей, помещается на воспитание [9].

По многочисленным данным, в замещающей семье как интеллектуальное, так и эмоциональное развитие ребенка происходит значительно успешнее, чем в государственных учреждениях.

Дети с OB3 нуждаются в постоянном психолого-медико-педагогическом сопровождении, жизнедеятельность такого ребенка особенна и требует специального подхода со стороны взрослых [1, 2]. Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, с ОВЗ представляют определенную специфическую группу, которая не способна без помощи и поддержки государства, социальных институтов, самым важным из которых является замещающая семья, адаптироваться и социализироваться в современном обществе.

Семья для ребенка с ОВЗ является коррекционным пространством и главным условием его полноценного развития [3, 5]. Приняв ребенка с ОВЗ в семью, замещающие родители сталкиваются с трудностями воспитания такого ребенка. Особую значимость приобретает проблема социальной адаптации не только ребенка, страдающего той или иной патологией, но и семьи, в которой он воспитывается, так как социальная изоляция отрицательно сказывается на развитии и самореализации личности человека.

Семья является ближайшим социальным окружением для ребенка. Одним из условий успешной интеграции детей с ограниченными возможностями в общество является адекватное восприятие и оценка своих возможностей этими детьми, формирование которых зависит от жизненной позиции, установок родителей, их психологических особенностей, а также от особенностей принятия детей с дефектом.

Возникающие проблемы, низкий уровень психологической готовности к воспитанию ребенка с ОВЗ в условиях замещающей семьи приводят к эмоциональному истощению родителей, снижению жизнестойкости, повышению риска отказа от ребенка. Вследствие этого, по нашему мнению, необходимо осуществлять своевременную психолого-педагогическую поддержку данных семей, направленную на формирование адекватного восприятия ребенка с ОВЗ, повышение жизнестойкости и социальной компетентности у замещающих родителей.

Основной **целью** работы психологической службы с данной категорией, на наш взгляд, является стабилизация психического состояния замещающих родителей детей с ОВЗ и, как следствие, оптимизация процесса вхождения их детей в социальную среду.

Из этого вытекают следующие задачи:

- 1. Выявить и изучить потребности, особенности жизненной позиции, установок, личностных особенностей матерей и отцов, принявших на воспитание детей с нарушениями развития.
- 2. Формировать у замещающих родителей устойчивые толерантные установки и развивать готовность сотрудничать с участниками образовательного процесса.
- 3. Содействовать формированию адекватного восприятия и оценки своих возможностей у детей с ОВЗ путем изменения родительских установок.
- 4. Сформировать и повысить уровень социальной компетентности приемных родителей детей с ОВЗ по вопросам воспитания, эффективного взаимодействия с детьми, налаживания социальных контактов путем увеличения их психолого-дефектологических знаний.
- 5. Посредством систематической психологической помощи гармонизировать и оптимизировать психические внутрисемейные взаимоотношения в замещающих семьях.
- 6. Содействовать личностному и социальному развитию замещающих родителей, формированию навыков социальной конструктивности.

В основе деятельности по реализации вышеуказанных задач лежит модель психологической поддержки замещающих родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, построенная с учетом следующих принципов и подходов: гуманистической направленности психологической помощи, гармонизации внутрисемейной атмосферы, формирования положительного отношения к ребенку с отклонениями в развитии, оптимизации воспитательных приемов и комплексного использования психолого-педагогических, психотерапевтических методов, сотрудничества и взаимодействия всех участников образовательного и воспитательного процесса. Благоприятные внутрисемейные отношения, адекватное восприятие ребенка с OB3 родителями, оказание эмоциональной поддержки со стороны всех членов семьи все это является основой формирования позитивного образа «Я» у ребенка и укрепления морального и психологического климата в семье, что обеспечивает наиболее успешное вхождение ребенка с OB3 в общество здоровых сверстников [6, 8].

Предлагаемая нами модель психологической поддержки родителей на этапе вхождения ребенка в семью направлена на поиск внутренних ресурсов личности родителей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии, на гармонизацию и оптимизацию их психического состояния и взаимоотношений с ребенком, повышение уровня их жизнестойкости, способности преодоления трудностей путем наращивания личностных ресурсов.

Психолог, организуя работу с родителями, обучает их специальным методическим воспитательным приемам взаимодействия с ребенком. В процессе этой работы осуществляется коррекция неконструктивных форм поведения, переход из позиции защиты в позицию взаимодействия, коррекция взаимоотношений с ребенком. Формируется установка родителей на ценность ребенка, понимание его возможностей и восприятие его успехов как маленьких достижений.

Психокоррекционная работа строится на основе личностно ориентированного подхода. Личностно ориентированный подход (патогенетическая психотерапия) был разработан В. Н. Мясищевым на основе его концепции психологии личности. Отношения человека в соответствии с теорией психологии личности представляют сознательную, избирательную, основанную на опыте психологическую связь с различными сторонами объективной действительности, выражающуюся в его действиях, реакциях и переживаниях [4].

В самом общем виде целью личностно ориентированного подхода является расширение сферы самосознания и самопонимания индивида. В результате этого процесса реконструируется поведение, а саморегуляция приобретает наиболее адаптивные формы [4].

На наш взгляд, психологическая работа должна проводиться в рамках организации клуба замещающих родителей, воспитывающих детей с ОВЗ.

Психологический клуб для замещающих родителей детей с ОВЗ представляет собой форму групповой психологической работы, целью которой является оказание психологической помощи родителям в преодолении трудной жизненной ситуации, стабилизации психического состояния родителей и развитии ресурсов преодоления проблем.

Работа в клубе помогает решить не только личностные проблемы, но и выработать социальные навыки в преодолении трудностей. Родители видят, что вокруг есть семьи, близкие им по духу и имеющие похожие проблемы; убеждаются на примере других семей, что активное участие родителей в реабилитации ребенка ведет к успеху; принимают неискаженную реальность без обещания «золотых гор», получают объективную информацию с описанием перспективы.

Деятельность психологической службы клуба включает в себя три основных этапа:

- 1. Диагностический, направленный на выявление личностных особенностей замещающих родителей, а также проблем и трудностей, возникающих у них при вхождении ребенка в семью.
- 2. Коррекционный, включающий психокоррекцию и реабилитацию родителей как в индивидуальной форме, так и в групповой.

Психологическая коррекция, на наш взгляд, должна быть направлена на изменения когнитивной, эмоциональной, поведенческой сфер.

Когнитивная сфера — осознание связи между психогенными факторами и возникновением и сохранением невротических расстройств (родители осознают возникающие проблемы). Родители должны сформировать правильное реалистичное представление о внутренней картине здоровья ребенка, о физических, психосоматических и психологических особенностях ребенка с тем или иным заболеванием, о формах проявления симптома и его динамике.

Эмоциональная — отработка чувств и эмоций, получение эмоциональной поддержки, формирование эмпатии. Предполагается работа

по осознанию и отреагированию негативных эмоций, деструктивных переживаний самих участников воспитательного процесса, возникающих в форме эмоциональных блоков, защит и проекций как реакций на общение с больным ребенком.

Поведенческая — приобретение навыков конструктивного взаимодействия, обучение образцам позитивного отношения к больному ребенку по типу взаимного сотрудничества, акцентирование внимания на способах побуждения ребенка с OB3 к активности и самостоятельным действиям, формирование адекватной родительской и педагогической ролевой модели [7].

3. Контрольный, позволяющий оценить результаты работы.

Методы психокоррекции: групповые и индивидуальные коррекционные и реабилитационные занятия-тренинги, включающие релаксационные занятия, применение арттерапевтических техник, пескотерапии, музыкотерапии, проведение «открытых микрофонов» с целью обсуждения проблем, обмена опытом и получения квалифицированной психологической помощи. Занятия следует строить на принципе тесного взаимодействия родителей с детьми [10].

- В ходе реализации психолого-педагогической поддержки ожидаются следующие результаты:
- получение представлений о потребностях, особенностях личностных позиций и установок замещающих родителей, воспитывающих детей с ОВЗ;
- расширение сети позитивных социальных контактов, создание в семье условий для ухода за ребенком и для его развития;
- формирование адекватного восприятия и оценки своих возможностей у детей с ОВЗ;
- формирование и повышение социальной компетентности замещающих родителей, повышение их психологической грамотности, желание сотрудничать со специалистами;
- гармонизация и оптимизация психического состояния родителей путем реализации предложенной модели психолого-педагогической поддержки, а также повышение их жизнестойкости и активности в образовательном и воспитательном процессах;
- развитие способности к вербализации собственных чувств и состояний у замещающих родителей, а также чувств и состояний приемного ребенка.

Своевременная психологическая поддержка замещающих родителей, принявших на воспитание детей с OB3, позволит повысить уровень их социальной компетентности по вопросам эффективного взаимодействия с детьми, налаживания социальных контактов путем увеличения их психолого-дефектологических знаний, будет способствовать улучшению семейного психологического микроклимата, снижению факторов риска возврата детей, дезадаптации и развития неблагополучия в данных семьях.

Литература

- 1. Агавелян О. К. Общение детей с нарушениями умственного развития : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / О. К. Агавелян. М., 1989. 34 с.
- 2. Волковская Т. Н. Психологическая помощь дошкольникам с общим недоразвитием речи / Т. Н. Волковская, Г. Х. Юсупова. М.: Книголюб, 2004. 104 с.
- 3. Горячева Т. Г. Личностные особенности матери ребенка с отклонениями в развитии и их влияние на детскородительские отношения / Т. Г. Горячева, И. А. Солнцева // Психология семьи и больной ребенок : учеб. пособие : хрестоматия. — СПб. : Речь, 2007.
- 4. Левченко И. Ю. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии : методическое пособие / И. Ю. Левченко, В. В. Ткачева. М. : Просвещение, 2008.
- 5. Маклаков А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях / А. Г. Маклаков // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 1. С. 16—24.
- 6. Ткачева В. В. Исторический экскурс в проблему семьи, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии / В. В. Ткачева // Психология семьи и больной ребенок : учеб. пособие : хрестоматия. СПб. : Речь, 2007.
- 7. Хайрудинова Р. И. Личностные особенности и адаптивные ресурсы родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях реализации инклюзивного образования / Р. И. Хайрудинова // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 6.
- 8. Шипицына Л. М. Необучаемый ребенок в семье и обществе. Социализация детей с нарушением интеллекта / Л. М. Шипицына. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Речь, 2005.
- 9. Шульга Т. И. Особенности сопровождения замещающих семей, воспитывающих детей с OB3 : методические рекомендации / Т. И. Шульга, Г. В. Семья. М. : ИИУ МГОУ, 2015. 204 с.
- 10. Эксакусто Т. В. Групповая психокоррекция: тренинги и роли, игры для личностного и профессионального развития / Т. В. Эксакусто, О. Н. Истратова. Ростов н/Д.: Феникс, 2014. 254 с.

PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF FOSTER FAMILIES ADOPTED CHILDREN WITH DISABILITIES

R. I. Khairudinova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia) rezedx-90@yandex.ru

Orphans and children with disabilities, without parental care, are specific and not capable without the help and support of the state, social institutions to adapt and socialize in the modern society. One of the effective ways to solve the problem of child abandonment is a substitute family. Various problems, low levels of psychological readiness for raising a child with disabilities in a substitute family environment lead to emotional exhaustion of parents, reduce the resilience, increase the risk of child abandonment. The adoption of a child with special needs in a family requires a comprehensive support by the different experts. The main purpose of psychological services with the category, in our opinion, is to stabilize the mental condition of substitute parents of children with disabilities, and as a result of the optimization is the process of entering their children into the social environment.

This paper examines the main directions of psychological support of foster families who adopt children with disabilities. It describes the model of psychological support to adoptive parents, the stages of psychological services and forms of employment, proposed methods of psychological correction and expected results.

Key words: foster family, psychological support, children with disabilities, foster parents, psycho-correction techniques.

References

- 1. Agavelyan O. K., Yusupova G. N. (1989) Obschenie detey s narusheniem umstvennogo razvitiya [Communication of children with intellectual disabilities: Author. Dis. Dr. Psychol. Sciences]. Moscow, 34 p.
- 2. Volkovskaya T. N., Yusupova G. H. (2004) Psihologicheskaya pomosch doshkolnikam s obschim nedorazvitiem rechi [Psychological help for preschool children with the general speech underdevelopment]. Moscow: Knigolyub, p. 104.
- 3. Goryachev T. G., Solntsev I. A. (2007) [Personality characteristics of a mother with a special needs child and their impact on the parent-child relationship]. Psihologiya semyi i bolnoy rebenok. St. Petersburg: Rech.
- 4. Levchenko I. Y., Tkachev V. Y. (2008) Psihologicheskaya pomosch semye vospityvayuschey rebenka s otkloneniyami v razvitii [Psychological support for families raising a special needs child]. Moscow: Prosveschenie.

- 5. Maklakov A. G. (2001) Lichnostnyy adaptatsionnyy potentsial: ego mobilizatsiya i prognozirovanie v ekstremalnyh usloviyah [Personal adaptation potential: its mobilization and forecasting in extreme conditions]. Psihologicheskiy zhurnal, Vol. 22, (1), pp. 16—24.
- 6. Tkachev V. V. (2007) [Historical background to the problem of family raising a child with developmental disabilities]. Psihologiya semyi i bolnoy rebenok: St. Petersburg: Rech.
- 7. Hayrudinova R. I. (2015) Lichnostnye osobennosti i adaptivnye resursy roditeley, vospityvayuschih detey s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorovya v usloviyah realizatsii inklyuzivnogo obrazovaniya [Personality characteristics and adaptive resources of parents with children with disabilities under the implementation of inclusive education]. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya, (6).
- 8. Shipitsyna L. M. (2005) Neobuchaemyy rebenok v semye i obschestve. Sotsializatsiya detey s narusheniem intellekta [Uneducable child in the family and society. Socialization of children with intellectual disabilities]. St. Petersburg: Rech.
- 9. Shulga T. I., Semya G. V. (2015) Osobennosti soprovozhdeniya zameschayuschih semey, vospityvayuschih detey s OVZ: metodicheskie rekomendatsii [Features of foster families support, raising children with HIA: methodological recommendations]. Moscow: IIU MGOU, 204 p.
- 10. Eksakusto T. V., Istratova O. N. (2014) Gruppovaya psihokorrektsiya: trenningi i roli, igry dlya lichnostnogo i professionalnogo razvitiya [Group psycho-correction: training and role games for personal and professional development]. Rostov-na-Donu: Phenix, 254 p.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

О. А. Бабкин

3949 военное
представительство
Министерства обороны РФ
(г. Курган, Россия)
babkin 74@mail.ru

ПЕРВЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ СИСТЕМЫ МЕСТНЫХ НАРОДНЫХ СУДОВ В ЧЕЛЯБИНСКОМ РЕГИОНЕ ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье автор раскрывает малоизвестные страницы об организационно-правовых мерах в Челябинском регионе по восстановлению системы местных народных судов после Гражданской войны. Организацию и руководство деятельностью общих судов и трибуналов осуществлял отдел юстиции Челябинского губревкома. Отделом юстиции и советом народных судей Сибири на места был разослан циркуляр «О гражданских и уголовных делах, производившихся в упраздненных судебных установлениях». Все незаконченные производством гражданские дела объявлялись прекращенными, а оконченные — ничтожными и недействительными. Несколько иначе оценивались уголовные производства. С одной стороны, устанавливалось общее правило, согласно которому прекращались все дела, а все постановления, определения и приговоры по ним объявлялись недействительными. Все это касалось лишь бумаг, так как, с другой стороны, обвиняемые по этим делам могли быть вновь привлечены к уголовной ответственности, если они «подлежат ответственности по состоявшимся постановлениям Советской власти». При этом советский суд и следственные органы могли использовать доказательства, добытые правоохранительными органами белых правительств при производстве таких процессуальных действий (например, опрос свидетелей, обыск, осмотр).

Ключевые слова: Челябинская губерния, народный суд, губернский совет.

Первые шаги по созданию новой советской судебной системы были сделаны оперативно. На съезде председателей уездных и волостных ревкомов завотделом юстиции Ф. С. Бондарь-Диброво нацелил советских руководителей на экстренное формирование пролетарского правосудия, в своем докладе указав «характерные отличительные признаки нового от старого суда, порядок выборов судей и заседателей». Была определена дата выборов судей — «не позднее 15 октября». Избранные правоохранители должны были явиться в Челябинск 18 октября. «Здесь они пройдут двухнедельную практическую школу, <будут> инструктированы, увидят показательные процессы, в которых они сами примут непосредственное участие, и потом уже будут отправлены. Трудно будет заранее сказать, какой элемент прибудет, но надо полагать, что это будет непочатая твердыня, которую

нужно обработать, посеять в нее доброе семя, а потом уже будем ждать результатов», — определял свои планы чиновник [1].

Как констатировал завотделом юстиции, «судебных деятелей, конечно, здесь не осталось, все уехали с Колчаком, за исключением одного бывшего мирового судьи», органам советской власти первых судей пришлось не выбирать, а назначать. Для осуществления правосудия губернский революционный комитет 14 октября «утвердил временно исполняющими должность народного судьи по г. Челябинску Ф. С. Бондарь-Диброво, правозаступниками И. Д. Панафидина и И. И. Михуру» [2].

Уже на следующий день, 15 октября, почему-то не ревкомом, высшим чрезвычайным органом советской власти, а пленумом губернского совета профсоюзов были утверждены 13 народных судей (Бутыркин, Амелин, М. Н. Лобзанов, К. А. Жук, Г. П. Горшунов, А. Шарапов, А. И. Мордавов, Синицин, Бажанов, Чипышев, М. Добин, М. В. Рогожников и Водопьянов) и 3 кандидата в народные судьи. Но не все избранные судьи приступили к правоприменительной деятельности. По сообщению того же профсоюзного органа в адрес высшей региональной власти — Сибревкома, новые судьи Мордавов и Водопьянов «явиться не могут, так как возникла совершенная невозможность кемлибо заменить их в их крайне важной и ответственной работе на мельнице. Водопьянова есть возможность замены в кандидаты» [3].

Через месяц, 20 декабря 1919 года, на общем собрании судебных работников Челябинского и Троицкого уездов, на котором присутствовало 26 судей, были распределены волости и станицы Челябинского уезда по 12 судебным участкам и назначены народные судьи. Камера (кабинет) судьи 1-го участка Мелихова Марка Федоровича находилась в с. Долгодеревенском, 2-го — Глазырина Степана Григорьевича — в с. Белоярском, 3-го — Чипышева Константина Григорьевича — в с. Сухоборском, 4-го — Бажанова Василия Георгиевича — в с. Карачельском, 5-го — Бутыркина Василия Николаевича — в с. Воскресенском, 6-го — Рогожникова Макара Васильевича — в с. Карасильском, 7-го — Игошина Григория Ефимовича — в с. Коровьем, 8-го — Дыбина Матвея Ивановича — в с. Куртамыш, 9-го — Жука Константина Андреевича — в с. Березовском, 10-го — в с. Кочердынском (не укомплектован), 11-го — Вараксина Петра Павловича — в ст. Еткульской, 12-го — Щапина Кузьмы Николаевича — в ст. Травниковской [4].

Параллельно с совершенствованием судебной системы организационное улучшение происходило и в следственной деятельности. На совместном заседании коллегии юстиции и созданного высшего территориального судебного органа — губернского совета народных судей (в составе Михуры, Лобзанова, Горшунова и Раевского) 30 декабря 1919 года Челябинский уездбыл разделен на 7 следственных участков. В связи с тем, что их было меньше, чем уездных судебных камер, было определено, какие конкретно судебные участки обслуживают следователи.

Следует отметить, что местная власть вносила путаницу в названия тех или иных территориальных единиц. Если судебные территории она называла участками, то следственные районами, но в том и другом случае резиденции судей и следователей определялись прежним царским термином — камеры. В 1-й следственный район вошли 1-й и 2-й судебные участки («Миасская и все вновь образовавшиеся станицы из Миасской, Белоярская, Алабужская и Пуктышская волости»), резиденция — в с. Белоярском; 2-й район — 3-й и 4-й судебные участки (Чумлякская, Сухоборская, Калмыково-Камышская, Карачельская, Каменная, Больше-Рижская, Стариковская, Бутырская, Медведская, Птиченская, Столобовская и поселок Шумиха), камера — в с. Карачельском; 3-й — 5-й и 6-й судучастки (Окуневская, Воскресенская, Шаламовская, Иванковская, Кислянская, Карасинская, Введенская и Кипельская), камера — в с. Юргамыш; 4-й — 7-й и 8-й судебные участки (Маслейская, Коровинская, Долговская, Таловская, Гагаринская, Закомалдинская, Куртамышская, Обанинская, Нижневская, Каменская, Березовская, Костылевская, Становская, Звериноголовская, Косулинская и Становская), камера — в с. Куртамыш; 5-й — 9-й и 10-й судебные участки (Заманиловская, Усть-Уйская, Ново-Кочердынская, Кочердынская, Чудиновская), камера — в с. Кочердынском; 6-й — 11-й и 12-й судучастки (Андреевская, Каратабанская, Еманжелинская, Еткульская, Селезянская, Белоусовская, Жадаевская, Чебаркульская, Травниковская), камера в ст. Еткульской; 7-й — станицы: Долгодеревенская, Есаульская, Сосновская и Полтавская, камера — в ст. Челябинской. Нами установлен только один уездный следователь, обслуживавший 1-й и 2-й следственные участки — В. А. 3орин. Сам губернский центр был поделен на два следственных участка: в 1-й (следователь С. С. Шатилов) вошли 1-4-й городские милицейские районы, а также 1-й и 2-й горсудучастки; во 2-й (Е. И. Шипулин) — 3-й судучасток, 5-й милицейский район, вокзал и ст. Никольская.

В конце января 1920 года была получена инструкция Сибревкома «Об организации народных судов в освобождаемых местностях Сибири». Устанавливались правила организации правосудия именно в период действия чрезвычайных органов советской власти.

После установления необходимого числа судебных участков определялись судьи. Кандидаты в народные судьи выдвигались фабричнозаводскими комитетами, функционировавшими на территории данного судебного участка. В сельской местности будущих судей определяли волостные ревкомы. Окончательный состав всех судебных работников утверждал губернский революционный комитет. Высшая региональная судебная инстанция — губернский совет народных судей — также назначался губревкомом «на первое время в составе не более трех лиц, по представлению ответственных организаторов

народного суда в губернии». Ранее функционировавшие следственные комиссии заменялись «отдельными следователями из лиц, имеющих практическую или теоретическую подготовку для должности советских следователей и не лишенных по Советской Конституции права избирать в советы». По-прежнему в качестве основного принципа оценки доказательств и вынесения законного решения провозглашалось: «Народный суд руководится декретами Советской власти, а за отсутствием соответственных постановлений или в случае неимения декретов руководится социалистическим правосознанием» [5].

«Положение о местных органах юстиции» 1920 года окончательно устанавливало механизм создания нижнего звена судебной системы. «Народные судьи, избираемые уисполкомами и утверждаемые губисполкомом... несут ответственность за общее направление работы народного суда и правильное его функционирование», — гласил раздел «Г» данного документа [6].

К концу апреля 1920 года в губернии было организовано уже 67 судебных участков, в том числе в Челябинске — 3, из них «не замещен один участок», в Челябинском уезде — 10/1, в Миассе и его районе — 4/3, в Кургане и уезде — 13/1, в Троицке и уезде — 7/4, в Кустанае и уезде — 2.

Таким образом, как отмечал в своем отчете отдел юстиции губревкома, «постоянное отправление суда происходит в 40 участках, из остальных 27 большую половину в уездах Кустанайском и Верхнеуральском следует считать начатой, и лишь в 10—12 участках нет народных судей, избрание которых зависит от горуездисполкомов. В этом отношении горуездкомы жалуются на отсутствие подходящих кандидатов» [7].

Средняя площадь судебных участков того времени по РСФСР составляла 1462 кв. версты. В этом отношении Челябинская губерния была отнесена к группе выше среднего уровня, так как территория судебных участков занимала от 2000 до 3000 кв. верст [8].

За первые 6 месяцев загруженность нарсудов была довольно высокой. За этот период в них поступило 6029 «гражданских, уголовных и бракоразводных дел» [9]. Доля аналогичных дел, например, в Москве и Московской области, была следующей: уголовных — 83,0 %, граж-

данских — 17,0 %, в том числе — 6,0 % бракоразводных [10]. В Челябинской губернии за 1919—1921 гг. в судах был произведен 2131 развод, наибольшее число таких дел рассмотрено в Троицком уезде — 918 [11].

Эффективность работы судов в целом в Челябинской губернии была невысокой, в процессе было рассмотрено только 45,8 % дел, т. е. остались неразрешенными более половины дел (54,2 %). Основных причин такого негативного явления было несколько. Во-первых, хроническое «отсутствие кандидатов в нарсудьи, удовлетворяющих вполне требованиям предстоящей им деятельности». Этот дефицит усугублялся «частыми отстранениями и арестами их <судей и следователей> часто без ведома отдела юстиции». Судебный кадровый голод налагался на «недостаток (вообще) в уездных учреждениях юстиции, секретарей и делопроизводителей у судей и следователей» [12]. Нехватка минимального числа юристов усугублялась, как отмечал губюст юстиции, «отсутствием технического персонала для обслуживания народных судов» [13].

Второй причиной являлась эпидемия тифа в регионе, в ходе которой один судья умер и «многие перенесли тиф, чем на довольно значительный период времени остановилась работа на участках» [14]. Кроме того, на съезде судейских работников в 1920 году исполняющий обязанности председателя губсовнарсудей В. И. Планков сетовал на «неподготовленность Рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска, отсутствие самых примитивных знаний по составлению актов дознания» [15]. «Дознания милиции в большинстве случаев никуда не годятся», — констатировалось в одном из советских докладов [16].

Таким образом, несмотря на кадровый голод, Челябинский губернский совет народных судей пытался бороться за так называемую социалистическую законность в деятельности правоохранительных структур и вежливое и внимательное отношение к гражданам. В одном из своих первых циркуляров высшая региональная судебная власть требовала: «обращение с посетителями должно быть в высшей степени корректным и вежливым». И далее утверждалось, что в отношении «лиц, замеченных в халатном отношении к обязанностям службы... и манкирующих службой, будут приняты меры вплоть до предания суду» [17].

Литература

- 1. Государственное учреждение Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ГУ ОГАЧО). Ф. 271. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 156.
- 2. ГУ ОГАЧО. Ф. 271. Оп. 1. Д. 12. Л. 100.
- 3. ГУ ОГАЧО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 27. Л. 11.
- 4. ГУ ОГАЧО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 24. Л. 12—13.
- 5. ГУ ОГАЧО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 21. Л. 31.
- 6. Там же. Л. 158.
- 7. Кобзов В. С. Правоохранительные органы Урала в годы Гражданской войны / В. С. Кобзов, А. И. Семенов. Челя-
- 8. Камалова Г. Т. Правоохранительные органы в механизме советского государства (на примере Урала 1921—1929 гг.) / Г. Т. Камалова. — Челябинск, 2007. — С. 49.
- 9. Челябинская губерния в период военного коммунизма (июль 1919 декабрь 1920 гг.). Документы и материалы. Челябинск : Челябинское кн. изд-во, 1960. - C. 163.
- 10. Кожевников М. В. История советского суда. 1917—1956 / М. В. Кожевников. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1957. C. 137.
- 11. ГУ ОГАЧО. Ф. 271. Оп. 1. Д. 4. Л. 15.
- 12. Там же. Л. 13.
- 13. ГУ ОГАЧО. Ф. 271. Оп. 1. Д. 12. Л. 156.
- 14. Челябинская губерния в период военного коммунизма (июль 1919 декабрь 1920 гг.). Документы и материалы. Челябинск : Челябинское кн. изд-во, 1960. — С. 163.
- 15. Абрамовский А. П. Челябинский областной суд. 70 лет. Исторический очерк / А. П. Абрамовский, В. С. Кобзов, Е. А. Вериго. — Челябинск : Творческое объединение «Каменный пояс», 2004. — С. 10.
- 16. ГУ ОГАЧО. Ф. 271. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.
- 17. ГУ ОГАЧО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 22. Л. 4.

FIRST LEGAL ACTION TO RESTORE LOCAL PEOPLE'S COURTS IN THE CHELYABINSK REGION AFTER THE CIVIL WAR

O. A. Babkin

3949 military representation of the Ministry of defence of the Russian Federation (Kurgan, Russia) babkin 74@mail.ru

In this article the author reveals little-known pages on the organizational and legal measures in the Chelyabinsk region to restore local people's courts after the Civil war. Organization and management of General courts activities as well as tribunals were carried out by the Department of justice of the Chelyabinsk provincial revolutionary Committee. Department of justice and the Siberia Council of people's judges sent a circular "On civil and criminal cases, made in abolished judicial institutions". All civil pending proceedings were declared as finished, all the finished cases were proclaimed null and void. Criminal proceedings were estimated in a different way. On the one hand, there was one general rule that stopped all proceedings, and all resolutions, definitions and sentences were declared invalid. All this facts are valid on paper. Because, on the other hand, defendants could be re-prosecuted if they "are subject to liability according to the established decisions of the Soviet government." The Soviet court and the investigating authorities could use evidence obtained by law enforcement of the white local governments in the production of these proceedings, for example, "interviewing witnesses, search or inspection".

Key words: Chelyabinsk Province, People's Court, Provincial Council, Judicial Power.

References

- 1. State Institution of The United State Archive Of The Chelyabinsk Region. F. 271. Op. 1. D. 12. L. 156.
- 2. State Institution of The United State Archive Of The Chelyabinsk Region. F. 271. Op. 1. D. 12. L. 100.
- 3. State Institution of The United State Archive Of The Chelyabinsk Region. F. R-93. Op. 1. D. 27. L. 11.
- 4. State Institution of The United State Archive Of The Chelyabinsk Region. F. R-93. Op. 1. D. 24. L. 12—13.
- 5. State Institution of The United State Archive Of The Chelyabinsk Region. F. R-93. Op. 1. D. 21. L. 31.
- 6. State Institution of The United State Archive Of The Chelyabinsk Region. F. R-93. Op. 1. D. 21. L. 158.
- 7. Kobzov V. S., Semenov A. I. (2002) Pravoohranitelnye organy Urala v gody Grazhdanskoy voyny [Law Enforcement agencies of the Urals in the years of the Civil war]. Chelyabinsk, p. 100.
- Kamalova G. T. (2007) Pravoohranitelnye organy v mekhanizme sovetskogo gosudarstva [Law Enforcement authorities in the mechanism of the Soviet state] (on the example of the Urals 1921—1929 gg.). Chelyabinsk, p. 49.

- 9. Chelyabinsk province in the period of war communism. July 1919 December 1920 (1960) Documents and materials. Chelyabinsk: Chelyabinsk publishing house, 1960, p. 163.
- 10. Kozhevnikov M. V. (1957) Istoriya sovetskogo suda. 1917—1956 [History of the Soviet court. 1917—1956]. Moscow: State publishing house of legal literature, p. 137.
- 11. State Institution of The United State Archive Of The Chelyabinsk Region. F. 271. Op. 1. D. 4. L. 15.
- 12. State Institution of The United State Archive Of The Chelyabinsk Region. F. 271. Op. 1. D. 4. L. 13.
- 13. State Institution of The United State Archive Of The Chelyabinsk Region. F. 271. Op. 1. D. 12. L. 156.
- 14. Chelyabinsk province in the period of war communism. July 1919 December 1920 (1960) Documents and materials. Chelyabinsk: Chelyabinsk publishing house, p. 163.
- 15. Abramovskiy A. P., Kobzov V. S., Verigo E. A. (2004) Chelyabinskiy oblastnoy sud. 70 let. Istoricheskiy ocherk [Chelyabinsk regional court. 70 years old. Historical sketch]. Chelyabinsk: Creative Association "Kamennyy poyas", p. 10.
- 16. State Institution of The United State Archive Of The Chelyabinsk Region. F. 271. Op. 1. D. 4. L. 13.
- 17. State Institution of The United State Archive Of The Chelyabinsk Region. F. R-93. Op. 1. D. 22. L. 4.

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

Е. С. Антонова Ульяновский государственный университет (г. Ульяновск, Россия) ant.helen.22@gmail.com

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ СЧЕТА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В современных условиях в России возникает проблема снижения процентных ставок по депозитам в банках для населения, что приводит к снижению объемов инвестируемых средств в экономику страны. В связи с этим появляется потребность применения дополнительных способов привлечения денежных средств граждан. Альтернативой банковскому вкладу является индивидуальный инвестиционный счет (ИИС), который начал действовать с 2015 года и предполагает получение либо налогового вычета владельцем счета, либо освобождение от НДФЛ при получении дохода от участия в операциях на фондовом рынке. Выбор из двух типов инвестиционных счетов осуществляет непосредственно владелец ИИС. Данные льготы введены в качестве средств стимулирования граждан для открытия ими индивидуальных инвестиционных счетов и привлечения дополнительных инвестиций. В статье приведена статистика количества открываемых в России ИИС, рассмотрены и проанализированы различные точки зрения авторов на причины невысокого спроса населения на инвестиционные счета, выявлены существующие проблемы применения налоговых вычетов по индивидуальным инвестиционным счетам для государства, а также определены возможные способы устранения названных несовершенств механизма действия индивидуальных инвестиционных счетов.

Ключевые слова: индивидуальный инвестиционный счет, налог, вычет, НДФЛ, инвестиции, процент.

В настоящее время в России на фоне роста банковской ликвидности среди отечественных банков, понижения уровня ключевой ставки, повышенных рисков невозврата кредитов происходит снижение процентных ставок по вкладам [10]. Еще в 2014 году ставка по банковским депозитам достигала 20 %, а в настоящее время максимальный процент, доступный по вкладам для физических лиц, составляет всего 9 %. Инвестиции являются важным инструментом для России в условиях ухудшения макроэкономической конъюнктуры в стране, что приводит к поиску и созданию новых способов привлечения сбережений населения в средне- и долгосрочные инвестиции. В связи с этим появился новый инструмент — индивидуальный инвестиционный счет (ИИС), который мог бы составить конкуренцию банковским вкладам.

В соответствии с Федеральным законом от 21.12.2013 № 39-ФЗ понятие индивидуального инвестиционного счета предполагает аналог брокерского счета или счета доверительного управления, который предусматривает открытие и ведение индивидуального инвестиционного счета [8, 9]. Данная мера действует с 1 января 2015 года, основной целью которой является повышение привлекательности инвестиций, активизация фондового рынка, привлечение новых игроков, которые ранее не работали на нем, но обладают определенным уровнем дохода для такой деятельности. Как отмечает О. А. Жданова, в настоящее время степень вовлечения мелких инвесторов (физических лиц) в инвестиционный процесс в России находится на низком уровне, а введение ИИС рассчитано на повышение привлекательности инвестиционного рынка для таких инвесторов за счет налоговых льгот и налоговых вычетов.

Механизм действия данного новшества следующий: инвестор при открытии выбирает один из двух типов ИИС. Первый тип предполагает возможность открытия и пополнения счета до 400 тысяч рублей и получения налогового вычета в размере 13 % при условии наличия открытого счета в течение трех лет. Второй тип предназначен для активных игроков, так как предполагает, в отличие от первого типа, участие в операциях с ценными бумагами и получение дохода без уплаты НДФЛ. Условие открытия счета в течение трех лет также сохраняется.

Динамика количества открываемых ИИС в месяц всеми брокерами в 2016 году являлась относительно стабильной, хотя к концу года отмечалось увеличение количество открываемых ИИС (рис. 1).

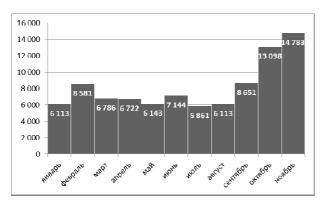

Рис. 1. **Количество ИИС, открываемых всеми брокерами в 2016 году** [3]

По мнению Я. П. Новожилова, существует ряд недостатков ИИС, которые, на наш взгляд, являются причинами низкого спроса населения на ИИС [7]. Во-первых, ИИС не застрахованы, тогда как банковские вклады страхуются на сумму до 1,4 миллионов рублей. Разумеется, что вкладывать денежные средства население (особенно «консервативные» инвесторы) опасается, так как появляется риск устойчивости управляющей компании или брокера, у которого открыт счет. По данным на 2015 год, большую часть ИИС открывали граждане, которые ранее имели брокерские счета [5]. Во-вторых, сумма ежегодного взноса в размере не более 400 тысяч рублей для активных игроков фондового рынка невелика, что не вызывает особого интереса со стороны «рискованных» инвесторов. В-третьих, макроэкономическая ситуация в стране приводит к снижению склонности к сбережению и падению доверия к финансовому рынку со сторо-

ны населения в связи с ростом волатильности в 2014 году. Кроме названных, автор О. А. Жданова выделяет такую причину, как низкую финансовую грамотность российских мелких инвесторов, ведь, в отличие от инвестиционных счетов, банковские вклады понятны и просты для всех [4]. К тому же отметим, что сама процедура получения налоговых вычетов по ИИС не полностью отработана. Сотрудники налоговых инспекций еще не обучены и не ознакомлены в полном объеме с новым видом вычета. Для получения вычета владельцу счета необходимо собрать ряд документов (налоговую декларацию 3-НДФЛ, справку 2-НДФЛ от работодателя, договор на брокерское обслуживание или договор доверительного управления ценными бумагами, по которому открыт и ведется ИИС, платежный документ, заявление на возврат налога), при этом срок проверки документов налоговой инспекцией занимает до четырех месяцев, что создает ряд неудобств для владельцев ИИС.

Таким образом, все эти факторы являются основными причинами низкой популяризации индивидуальных инвестиционных счетов среди населения.

Кроме существующих недостатков для владельцев ИИС при их использовании существуют и проблемы функционирования системы ИИС для самого государства.

При введении инвестиционных счетов Правительством РФ было предусмотрено применение налоговых вычетов по ИИС с целью привлечения большего количество участников. В развитых странах физические лица рассматривают фондовый рынок как эффективный инструмент сохранения и увеличения собственного капитала. Однако в России граждане предпочитают находить пути использования предлагаемых возможностей как способ быстрого заработка денег в ущерб государству [6]. Разумеется, такая возможность у населения появляется в связи с несовершенством законодательной базы в области налоговых вычетов по индивидуальным инвестиционным счетам. Законодательно в настоящий момент не обозначается, что участник должен положить на счет денежные средства в первый год начала действия счета. В соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации (ч. 2) от 05.08.2000 № 117-Ф3 «налоговый вычет предоставляется в сумме денежных средств, внесенных в налоговом периоде на индивидуальный инвестиционный счет, но не более 400 000 рублей» [1]. Это приводит к тому, что гражданин может открыть счет, положить на него минимальную сумму (устанавливается

брокером), например, 10 тысяч рублей, а остальные средства в размере 390 тысяч рублей внести в последний год или даже в последний день третьего года существования данного счета, что позволит им вывести инвестированные средства и налоговый вычет уже через 1-2 месяца после зачисления. Данный факт негативно может отразиться на государственном бюджете РФ, поскольку целью введения вычетов являлось привлечение дополнительных денежных средств на фондовый рынок в качестве долгосрочного инвестирования. В случае же осуществления такого рода махинаций с получением вычетов, подобные инвестиции не способствуют достижению целей программы ИИС, и весь механизм действия ИИС является бесполезным для государства.

Для того чтобы функционирование всей системы ИИС стало наиболее эффективным, необходимо разрешение вышеназванных проблем.

В первую очередь, необходимо ввести страхование денежных средств, которые находятся на инвестиционном счете, по типу банковских вкладов. Это повысит надежность ИИС в глазах владельцев счетов.

Во-вторых, предлагаем повысить возможную сумму для пополнения счета с 400 тысяч до 1 миллиона рубей. Таким способом, активные игроки станут наиболее склонны использовать такие счета. В этом случае размер налогового вычета будет больше, что также выгодно владельцам счетов.

В-третьих, необходимо отработать систему открытия ИИС и осуществления налоговых вычетов, обучить сотрудников налоговых инспекций, чтобы вся процедура являлась менее затруднительной и для владельцев счетов, и для государственных налоговых органов.

Также повышение привлекательности инвестиционных счетов можно достигнуть при помощи образовательных программ, направленных на разъяснение механизма действия финансового рынка, определение надежности использования ИИС для населения, что может способствовать формированию инвестиционной куль-

туры населения и повышению финансовой грамотности граждан страны.

Для решения проблемы, с которой сталкивается государство, предлагаем внесение поправок к Налоговому кодексу в части изменения условий получения налоговых вычетов. Как считает А. И. Вильданов, необходимо запретить открытие пустых счетов, то есть сделать внесение определенной суммы денежных средств на счет условием для его открытия [2]. На наш взгляд, такая крайняя мера может оказаться не совсем эффективной по причине ее жесткости и строгости, поэтому предлагаем введение более лояльного для населения условия: возможность получения налогового вычета только в случае пополнения счета не позднее первого года его открытия. Хотя для максимального получения эффекта от введения ИИС и налоговых вычетов этот срок может быть уменьшен, к примеру, до трех месяцев. При этом необходимо определить, какую минимальную сумму должен вносить инвестор. А. И. Вильданов предлагает сделать обязательным условие внесения 50 тысяч рублей с учетом того, что у некоторых брокеров инвестиции в фонды доступны именно от этой суммы, так как не все инвесторы способны самостоятельно управлять портфелем [2]. По нашему мнению, такая сумма станет наиболее оптимальной. Учитывая уменьшение налоговых поступлений в бюджет, связанных с налоговыми вычетами по ИИС, механизм действия ИИС приведет к повышению его эффективности, поскольку прямые инвестиции граждан более значимы для российской экономики, так как приток частного капитала позволяет напрямую финансировать российские компании, что, соответственно, стимулирует экономику.

Несмотря на увеличение количества открываемых индивидуальных инвестиционных счетов брокерами в конце 2016 года, существующий механизм действия ИИС и осуществления налоговых выплат не полностью отработан и имеет ряд недостатков, не приводящих к достижению запланированной цели программы, которые возможно нейтрализовать при рациональном выполнении определенных мер.

Литература

- 1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 03.07.2016).
- 2. Вильданов А. И. Индивидуальный инвестиционный счет: тенденции и перспективы развития / А. И. Вильданов // Глобальные рынки и финансовый инжиниринг. 2016. № 2. С. 153—164.
- 3. Данные по брокерам и открытым ИИС. URL: http://iis24.ru/dannie-po-brokeram-iis-september-2016.
- 4. Жданова О. А. Социально-экономическая роль индивидуальных инвестиционных счетов / О. А. Жданова // Инновации в науке. Новосибирск : СибАК, 2015. № 5(42). URL: https://sibac.info/conf/ innovation/xlv/42239.
- 5. Лаврова И. Инвестиции на личном счете / И. Лаврова // Ежедневная деловая газета РБК. $2016. N^{\circ}$ 092. С. 5.

- ВЕСТНИК
- 6. Лазарева Е. А. Возможности и ограничения механизма инвестирования посредством индивидуального инвестиционного счета / Е. А. Лазарева, Н. А. Тюленева // Общественные и экономические науки. 2015. № 10(29). С. 202—208.
- 7. Новожилов Я. П. Перспективы и проблемы введения индивидуальных инвестиционных счетов в России / Я. П. Новожилов // Проблемы современной экономики. 2015. № 2(54). С. 179—181.
- 8. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-Ф3 (ред. от 03.07.2016) «О рынке ценных бумаг».
- 9. Федеральный закон от 21.12.2013 № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
- 10. Хван А. А. Налогообложение частных инвесторов при торговле финансовыми инструментами / А. А. Хван // Economics. 2016. N^9 9(18). C. 40.

PERSONAL INVESTMENT ACCOUNTS: PROBLEMS AND WAYS OF IMPROVING

E. S. Antonova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia) ant.helen.22@gmail.com

There is a problem of declining interest rates on bank deposits for the population in modern conditions in Russia, which leads to lower amounts of funds invested in the country's economy. In this regard, there is a need for any additional ways to attract citizens' funds. As an alternative to bank deposit is an individual investment account (IMS), which began operating in 2015. In this case IMS assumes the tax deduction by the owner of the account, or the exemption from income tax when receiving income from participation in market transactions. The choice of two types of investment accounts are carried out directly by the owner of the IMS. These benefits were introduced as the means of stimulating citizens for the opening their individual investment accounts, and to attract more investment. The article provides statistics on the amount of IMS in Russia, reviews and analyzes the different points of view of the authors on the reasons for low public demand for investment accounts. This article identifies existing problems of tax deductions for individual investment accounts of the state. It also identifies the possible ways to eliminate these imperfections of the mechanisms of individual investment accounts.

Key words: individual investment account, tax, deduction, personal income tax, investment, percentage.

References

- 1. Tax Code of the Russian Federation (Part Two) from 05.08.2000 N 117-FZ (ed. By 07.03.2016).
- 2. Vildanov A. I. (2016) Individualnyy investitsionnyy schet: tendetsii i perspektivy razvitiya [The individual investment account: Trends and Prospects]. Globalnye rynki i finansovyy inzhiniring, (2), pp. 153—164.
- 3. Data on brokers and open IMS. Access: http://iis24.ru/dannie-po-brokeram-iis-september-2016.
- Zhdanova O. A. (2015) Sotsialno-ekonomicheskaya rol individualnyh investitsionnyh schetov [The socio-economic role of individual investment accounts]. Innovatsii v nauke, 5(42), Novosibirsk: Sibak. Access: https://sibac.info/conf/innovation/ xlv/42239.
- 5. Lavrov I. (2016) Investitsii na lichnom schete [Investments in the personal account]. Ezhednevnaya delovaya gazeta, (092), p. 5.
- 6. Lazareva E. A., Tuleneva N. A. (2015) Vozmozhnosti i ogranicheniya mekhanizma investirovaniya posredstvom individualnogo investitsionnogo scheta [Possibilities and limits of investment mechanism through individual investment accounts]. Obschestvennye i ekonomicheskie nauki, 10(29), pp. 202—208.
- 7. Novozhilov Ya. P. (2015) Perspektivy I problemy vvedeniya individualnyh investitsionnyh schetov v Rossii [Prospects and problems of the introduction of individual investment accounts in Russia]. Problemy sovremennoy ekonomiki, 2(54), pp. 179—181.
- 8. The federal law from 22.04.1996 N 39-FZ (ed. From 07.03.2016) "On the Securities Market".
- $9. \quad \text{The Federal Law of 21.12.2013 N 379-FZ "On Amendments to the Russian Federation some legislative acts"}.$
- 10. Hvan A. A. (2016) Nalogooblozhenie chastnyh investorov pri torgovle finansovymi instrumentami [Taxation of private investors during the trade of financial instruments]. Ekonomika, 9(18), p. 40.

В. В. Баклушинский Ульяновский

государственный университет (г. Ульяновск, Россия) vbaklushinskiy@mail.ru

ОБЗОР НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ В ВОПРОСАХ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ ПРЕДПРИЯТИЙ

Любая система, в том числе экономическая, подвергается воздействию внешних и внутренних факторов, которые вызывают в ней изменения. Для экономической системы такими факторами могут быть колебания цен на ресурсы, объемы продаж, курсы валют, действия государства, оппортунистическое поведение собственных сотрудников и т. п. Воздействие этих сил, с одной стороны, способно нанести системе ущерб, но, с другой стороны, может дать ей благоприятные возможности для развития. Одними из подобных факторов являются процессы роста и развития предприятия. Экономический рост предприятия, выраженный в увеличении объемов производства, выручки и прибыли, необратимо приводит к качественным изменениям в его деятельности. Необходимое для роста бизнеса расширение ассортимента продукции, географии производства и сбыта требует усложнения организационной структуры компании, создания новых подразделений и изменения механизмов управления там, где предусмотрено стратегией развития. Таким образом, проблема экономического роста предприятия тесно связана с вопросами развития организационных форм и стратегического управления предприятием. В данной статье рассматриваются описания, классификации и особенности развития организационных форм предприятий с точки зрения различных ученых.

Ключевые слова: организационная структура, трансакционные издержки, М-форма.

Несмотря на то, что теория стратегического управления начала формироваться еще в древности, первые научные исследования стратегического менеджмента в организациях появились только в начале XX века. Предположительно, столь позднее развитие стратегического управления в экономической теории связано с началом концентрации производства в конце XIX века и возникновением необходимости знания о методах управления крупными интегрированными структурами. С развитием теории стратегического управления бизнесом стала очевидна взаимозависимость стратегии (как целей и методов их достижения) и внутренней среды фирмы.

В 1938 году вышла книга Честера Барнарда «Функции руководителя. Власть, стимулы и ценности в организации», в которой были описаны различия между усилиями менеджмента для увеличения экономической эффективности работы организации (как соотношения финансовых результатов деятельности организации и затраченных ею ресурсов) и работой руководства по повышению эффективности кооперации, под которой понимается степень достижения заявленных целей кооперативной деятельности организации. Ч. Барнард рассматривал постановку целей для организации как один из

методов мотивации работников к совместной деятельности, дополняющий удовлетворение их личных интересов в виде получения материального вознаграждения за труд или некоторых социальных преимуществ [8].

Теория стратегического управления получила значительное развитие в 1960-е годы, с выходом книги «Стратегия и структура» Альфреда Чандлера (1962) и работы Игоря Ансоффа «Корпоративная стратегия» (1965). Взгляды на стратегическое управление, изложенные А. Чандлером, учеными Гарвардского университета и И. Ансоффом, акцентируются непосредственно на самой фирме: ее организационной структуре, внутренних взаимоотношениях, процессах и целях.

Альфред Чандлер определил стратегию как «постановку базовых долгосрочных целей и задач предприятия, а также принятие направления действий и распределения ресурсов, необходимых для достижения данных целей» [9, с. 13]. Термин «стратегия» начал использоваться данным автором вместо принятого в экономической науке того времени понятия «политика бизнеса». А. Чандлер обратил внимание на зависимость организационной структуры фирмы от её стратегии. Он полагал, что выбор вида организационной структуры фирмы зависит от направления, в котором происходит её рост: создание новых заводов, переход на производство новых продуктов или слияние с другими предприятиями и т. д.

По мнению А. Чандлера, изменения в стратегии сопровождаются трансформацией организационной структуры. При этом наиболее сложные формы организационной структуры создаются при сочетании нескольких стратегий развития в рамках одной фирмы. Например, простое расширение объемов производства предприятия приводит к созданию административного офиса, контролирующего выполнение одной функции в конкретном регионе. Географическое расширение вызывает потребность в создании уже нескольких подразделений, управляющих производством в ряде регионов. Диверсификация выпускаемой продукции делает необходимым создание главного офиса, контролирующего деятельность подразделений, занятых производством различных продуктовых линий. Таким образом, изменения организационной структуры происходят при изменениях в стратегиях фирмы.

Одной из теорий относительно организационной структуры фирмы и ее способности адаптироваться к стратегии стала концепция экологии организационных популяций, введенная Майклом Ханнаном и Джоном Фриманом в публикации 1977 года «Популяционная экология организаций». Авторы провели сопоставление между существующими в экономической науке взглядами на стратегическое управление и социологическим представлением об ограниченной гибкости организаций. Они отмечают, что в литературе по стратегическому управлению распространена точка зрения, говорящая о способности организаций к неограниченной адаптации к изменениям внешней среды [10]. Это означает, что высшее управление организации имеет полную информацию о внешней среде и способно проводить изменения в организационной структуре адекватно ситуации.

Ханнан М. и Дж. Фриман указывают на необходимость пересмотра данных взглядов на управление организацией, поскольку существует ряд ограничений способности к адаптации, делающих организацию более инертной. Данные ограничения могут быть внутренними и внешними. К внутренним ограничениям они относят:

- невозможность производства новой продукции на существующих у фирмы машинах и оборудовании;
- существование ограничений при передаче информации от структурных единиц организации к высшему руководству;

- перераспределение ресурсов внутри организации в результате изменения структуры, которое может привести к сопротивлению со стороны ее структурных единиц;
- ограничения, накладываемые нормативной документацией организации, которые могут быть использованы ее структурными единицами для сопротивления невыгодным им изменениям.

К внешним ограничениям относятся:

- правовые и фискальные барьеры для входа и выхода фирмы из отрасли;
- внешние ограничения в получении релевантной информации организацией.

Таким образом, фирма может быть неспособна к радикальным изменениям в целях адаптации к рынку по причине своей инертности. К модели зависимости структуры фирмы от стратегии, описанной А. Чандлером, добавлены ограничения в виде инертности организации.

Схожую с данными авторами позицию относительно зависимости структуры организации и ее стратегии имеет Оливер Уильямсон. По его мнению, организационная структура фирмы зависит от стратегии, однако ее изменения могут проводиться недостаточно гибко в силу объективных причин.

Уильямсон О. в своем труде «Экономические институты капитализма» затрагивает факторы, создающие препятствия для выполнения фирмой заданной ее руководством стратегии, например, проблему дискреционного управления — действий отдельных управляющих, направленных на удовлетворение личных интересов в ущерб организации [7]. Данный автор представляет фирму не как механизм, существующий для достижения единой цели — максимизации прибыли, а как систему, построенную на контрактных отношениях между собственниками, управляющими и другими наемными работниками. Поэтому на эффективность ее управления оказывает значительное влияние политический аспект во взаимоотношениях между перечисленными выше лицами.

В его интерпретации изменения организационной структуры фирмы являются эволюционным процессом, в течение которого, с расширением географии и отраслевой структуры бизнеса, происходит трансформация организации из унитарной формы в дивизиональную.

Уильямсон О. приводит классификацию форм коммерческих организаций [7]. Данное разделение корпоративных структур на разновидности ведется с точки зрения теории транзакционных издержек. Виды объединений разделяются на унитарные (так называемая У-форма),

холдинговые (Х-форма), мультидивизиональные (М-форма). Данное деление проводится в разрезе принципов управления подразделениями корпорации.

1) Унитарная форма — традиционная форма организации компании с разделением управления по функциям. Имеет высокую степень централизации управления. Впервые подобная форма организации была описана Оливером Уильямсоном. Унитарная форма преобладала в организации бизнес-структур с 40-х до 70-х годов XX века в странах Западной Европы и США.

Централизм организационной структуры в таких компаниях в первую очередь определяется вертикальным направлением передачи и обработки управленческой информации. При этом информация не разделяется на оперативную (связанную с управлением производства и сбытом продукции) и стратегическую (направленную на оценку внешней среды и связанную с долгосрочными перспективами развития). Таким образом, при увеличении числа административных задач высшее руководство компании теряет возможность полного исполнения управленческих функций.

Деятельность подразделений такой компании не оценивается с позиций вклада в общую прибыль. Преимущество в распределении ресурсов компании получают подразделения с наибольшей численностью персонала, что ориентирует руководство на расширение объема выполняемых работ, а не увеличение эффективности и производительности труда. Несмотря на очевидные недостатки, которые выражаются в риске оппортунистического поведения руководства подразделений, данная форма организации компании может быть весьма эффективной в условиях малого или среднего предприятия, производящего один продукт.

Данная форма организации идеальна для работы на рынках со стабильными темпами роста и низкой неопределенностью. Унитарная форма проста и потому требует невысоких административных издержек. Однако, при необходимости диверсификации производства, требуется смена формы управления компанией.

2) Холдинговые формы — формы объединения предприятий, существующие на основе централизации капитала. Используя контрольные пакеты ценных бумаг, головная компания холдинга получает возможность проводить единую политику управления входящими в него компаниями. Основная цель существования холдинга — контроль входящих в него предприятий, которые могут не иметь между собой

функциональных связей. Таким образом, в данной классификации к холдинговым формам могут относиться не только непосредственно холдинги, но и тресты.

Управляющая компания в холдинговых структурах принимает на себя функции определения стратегических целей всей корпорации, а также координации связей между компаниями. Полномочия по управлению текущей деятельностью делегируются на уровень предприятий, входящих в холдинг.

Холдинговым структурам свойственна проблема оппортунизма входящих в нее предприятий. Ввиду того, что компании в холдинге имеют разный уровень рентабельности и управляющая компания может считать приоритетным развитие отдельных предприятий и видов бизнеса, происходят централизация финансового контроля и перераспределение прибыли между предприятиями, входящими в холдинговую структуру. Данная ситуация может привести к претензиям со стороны компаний, входящих в холдинг, на право распоряжаться своими финансовыми результатами. Такая проблема может вызвать существенный рост затрат на управление и контроль.

Несмотря на существующие недостатки холдинговых структур, они используются с конца XIX века по наши дни.

3) Мультидивизиональные формы объединений — фирмы, состоящие из нескольких подразделений и выпускающие большую номенклатуру продуктов. Особенность структуры управления М-формы состоит в том, что выделяются несколько автономных центров прибыли. Данные центры прибыли существуют на принципах самоокупаемости, их эффективность оценивается на основе вклада каждого подразделения в общую прибыль корпорации. В связи с возможностью оценки деятельности подразделений между ними открывается конкуренция за капитальные вложения. Таким образом, внутри М-структуры появляется микрорынок капитала.

Так же как и в холдинговой форме, в мультидивизиональной структуре функции управления текущей деятельностью передаются в структурные подразделения. Помимо этого, в структурные подразделения переходят функции долгосрочного планирования. К мультидивизиональным структурам можно отнести финансовопромышленные группы и конгломераты, однако другие корпоративные формы, связанные акционерной собственностью (например, тресты), также могут выделять в своей деятельности несколько центров прибыли.

4) Сетевая структура (V-форма) — объединение организаций, представляющее собой сеть равноправных и независимых партнеров. Данная форма корпоративного устройства не была выделена О. Уильямсоном, однако признается некоторыми авторами, например, Е. В. Николаевой [6].

Сеть связывает организации при помощи контрактов. В связи с необходимостью координации производства и поставок продукции между предприятиями, входящими в сеть, в ней присутствует головное предприятие — «ядро сети», которое выполняет данные функции.

Поскольку компании в такой структуре не связаны между собой акционерной собственностью, высоки риски оппортунистического поведения у входящих в сеть предприятий. Головное предприятие в таких структурах применяет иные способы мотивации связанных с ним компаний, нежели X-структура и M-структура.

Для участников сети используются два основных мотива: процедура мотивации и процедура распределения ресурсов сети. Предприятия, претендующие на участие в сети, проходят отбор на условиях сильной конкуренции. Вошедшие в сеть предприятия получают доступ к ресурсам (заказам или поставкам продукции) ядра сети на долгосрочной основе. Основными условиями участия в сети становятся высокая деловая репутация и доверие ее участников.

Предприятия в сетевых структурах имеют высокую степень свободы в принятии решений. Как результат отсутствия контроля над действиями организаций, входящих в сетевую структуру, со стороны головной компании в сетевой структуре возникает экономия на административных расходах: командировочных, издержках на содержание дополнительного руководящего

состава, минимизируются издержки на содержание офисов и поддержание корпоративной культуры. С другой стороны, гибкость взаимоотношений между предприятиями, входящими в сетевую структуру, а также отсутствие контроля и функционального подчинения организаций приводят к высокому уровню неопределенности, которая возникает не только во внешней среде, но и внутри самой структуры. Поэтому сетевая структура имеет высокую зависимость от кадров, обеспечивающих взаимодействие между предприятиями, входящими в сеть, и гибкое реагирование на изменения окружающей среды.

Хотя сетевые структуры несут высокие риски, связанные с неопределенностью внутренней среды, они могут быть эффективны при работе на рынках с высокой изменчивостью условий спроса. В отличие от других типов корпоративных структур, разрабатывающих единую стратегию развития бизнеса, предприятия в сетевых структурах свободны в принятии решений относительно производимых продуктов и рынков сбыта. Таким образом, сетевые структуры способны реагировать на изменения внешней среды значительно быстрее, нежели другие виды корпораций. К сетевым структурам можно отнести консорциумы, ассоциации и пулы.

Между приведенными выше формами организации бизнеса можно провести четкую границу по нескольким признакам (см. табл. 1).

Выбор формы, в которой будет работать коммерческая организация, может зависеть от рынков, на которые она нацелена, потребности в привлечении капитала, величины организации и многих других факторов. По нашему мнению, каждая из приведенных форм является подходящей для определенной ситуации.

Характеристики видов корпоративных структур

Таблица 1

Характеристика	Унитарная форма	Холдинговая форма	Мультидивизио- нальная форма	Сетевая форма
1. Организационная форма	Юридически самостоятельные предприятия	Предприятия связаны через акционерную собственность	Предприятия связаны через акционерную собственность	Юридически самостоятельные предприятия
2. Форма управления	Централизованная	Централизованная	Децентрализованная	Децентрализованная
3. Уровень административных расходов	Относительно низкий	Относительно высокий	Относительно высокий	Относительно низкий
4. Уровень мобильности	Низкий	Низкий	Высокий	Высокий
5. Отраслевые особенно- сти		Работа в нескольких отраслях	Работа в нескольких отраслях	Работа в одной отрасли

Унитарная и холдинговая формы эффективны в условиях производства однородной продукции для одного рынка, в то время как сетевая и мультидивизиональная формы применимы в условиях производства нескольких продуктов, с возможной продажей промежуточных продуктов вне интегрированной структуры.

Поскольку современные условия ведения бизнеса требуют быстрого принятия решений, по нашему мнению, наиболее эффективными видами корпоративных структур являются мультидивизиональная и сетевая формы в силу их мобильности и гибкости. Данные формы корпоративных структур имеют более прозрачное управление, поскольку под контролем находятся результаты деятельности каждого существующего в их рамках направления бизнеса.

Сетевые организации не требуют объединения на основе капитала или создания единого органа управления в лице управляющей компании и поэтому могут позволить скорейшую интеграцию предприятий для взаимовыгодного сотрудничества и достижения целей, предполагаемых стратегиями каждого из них. В силу данных обстоятельств сетевая форма корпоративных структур имеет перспективы широкого распространения в бизнесе в течение ближайших лет.

Литература

- 1. Алешин М. Интеграция фиктивного и реального капитала в финансово-промышленных группах и холдингах / М. Алешин // Маркетинг. — 2004. — № 3(76). — С. 17—27.
- 2. Афоничкин А. И. Процессы интегрированного управления в корпоративных системах / А. И. Афоничкин, Е. В. Пустынникова ; под ред. д.э.н., проф. А. И. Афоничкина. — Ульяновск : УлГУ, 2010. — 348 с.
- 3. Бабкин А. В. Интегрированные промышленные структуры как субъект рынка: сущность, принципы, классификация / А. В. Бабкин // Вестн. Астраханского гос. технич. ун-та. Сер. Экономика. — 2014. — № 4. — С. 7—23.
- 4. Исакова Н. Ю. Интерактивная парадигма объединения предприятий в условиях глобализации экономики и интеграции капитала / Н. Ю. Исакова // Фундаментальные исследования. — 2013. — № 10. — С. 163—167.
- 5. Николаева Е. В. Влияние структуры корпорации на уровень её трансакционных издержек / Е. В. Николаева // Вестн. Челябинского гос. ун-та. — 2010. — № 5. — С. 135—140.
- 6. Николаева Е. В. Институциональные факторы, определяющие размер и структуру современной корпорации / Е. В. Николаева // Вестн. Челябинского гос. ун-та. — 2013. — № 32. — С. 88—93.
- 7. Уильямсон Оливер И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, отношенческая контрактация: пер. с англ. / О. И. Уильямсон, В. С. Катькало. — СПб. : Лениздат, 1996. — 702 с.
- 8. Барнард Честер. Функции руководителя. Власть, стимулы и ценности в организации / Ч. Барнард. М.: Социум, ИРИСЭН, 2009. — 336 c.
- 9. Chandler A. D. Jr. Strategy and Structure: Chapters in the History of the American Industrial Enterprise / A. D. Chandler. Cambridge, MA: MITPress, 1990. — 490 p.
- 10. Hannan M. The Population Ecology of Organizations / M. Hannan, J. Freeman // American Journal of Sociology. 1977. Vol. 82, N 5. — P. 929—964.

REVIEW OF SCIENTIFIC APPROACHES TO THE DEVELOPMENT OF ORGANIZATIONAL FORMS OF ENTERPRISES

V. V. Baklushinskiy

Ulianovsk State University (Ulyanovsk, Russia) vbaklushinskiy@mail.ru

Any system, including economic systems, is exposed to external and internal factors that cause changes in it. For an economic system such factors may be fluctuations in resource prices, sales volumes, currency exchange rates, actions of the government, opportunistic behavior of its own employees, etc. On the one hand, these forces can cause damage to a system. On the other hand, they can provide opportunities for the system development. Such factors can be the processes of growth and development of an enterprise. Company economic growth, expressed in the increase of production volumes, revenues and profits surely lead to qualitative changes in its activities. Expansion of a product range required the business growth, geography of production and marketing needs the complication of the organizational structure of the company, the creation of new units and change of management mechanisms in the directions provided by the strategy of development. Thus, the problem of economic growth of a company is closely linked with the development of organizational forms and strategic management of an enterprise. This article provides the study of classifications and features of enterprises organizational forms from various scientists' points of view.

Key words: organizational structure, transaction costs, M-form.

2017

References

- 1. Aleshin M. (2004) Integratsiya fiktivnogo i realnogo kapitala v finansovo-promyshlennyh gruppah i holdingah [Integration of fictitious and real capital in the financial-industrial groups and holding companies]. Marketing, 3(76), pp. 17—27.
- 2. Afonichkin A. I., Pustynnikova E. V. (2010) Protsessy integrirovannogo upravleniya v korporativnyh sistemah [Processes of integrated management in corporate systems]. Ulyanovsk: UISU, 348 p.
- 3. Babkin A. V. (2014) Integrirovannye promyshlennye struktury kak subyekt rynka: suschnost, printsipy, klassifikatsiya [Integrated industrial structure as a subject of the market: the essence, principles, classification]. Vestnik Astrakhanskogo Gos. tehnich. un-ta Ser. Ekonomika, (4), pp. 7—23.
- 4. Isakova N. Y. (2013) Interaktivnaya paradigm obyedineniya predpriyatiy v usloviyah globalizatsii ekonomiki i integratsii kapitala [Interactive paradigm of a business combination in the context of economic globalization and the integration of capital]. Fundamentalnye issledovaniya, (10), pp. 163—167.
- 5. Nikolaeva E. V. (2010) Vliyanie struktury korporatsii na uroven ee transaktsionnyh izderzhek [Influence of corporation's structure to the level of its transaction costs]. Vestn. Chelyabinskogo gos. un-ta, (5), pp. 135—140.
- 6. Nikolaeva E. V. (2013) Institutsionnye factory, opredelyayuschie razmer i strukturu sovremennoy korporatsii [Institutional factors that determine the size and structure of the modern corporation]. Vestn. Chelyabinskogo gos. un-ta, (32), pp. 88—93.
- 7. Oliver E. Williamson, Katkalo V. S. (1996) Ekonomicheskie instituty kapitalizma [Economic Institutions of Capitalism]. St. Petersburg: Lenizdat, 702 p.
- 8. Chester Barnard (2009) Funktsii rukovoditelya. Vlast, stimuly i tsennosti v organizatsii [The functions of the Executive. Power, motivation and values in an organization]. Moscow: Sotsium, IRISEN, 336 p.
- Chandler A. D. Jr. (1990) Strategy and Structure: Chapters in the History of the American Industrial Enterprise. Cambridge, MA: MITPress, 490 p.
- 10. Hannan M., Freeman J. (1997) The Population Ecology of Organizations. American Journal of Sociology. Vol. 82, (5), pp. 929—964.

А. В. Романова Ульяновский государственный университет (г. Ульяновск, Россия) a_romanova@bk.ru

Н. Е. Марушкина Ульяновский государственный университет (г. Ульяновск, Россия) 89272734091@mail.ru

ФИНАНСОВОЕ ОЗДОРОВЛЕНИЕ КАК КОНСТРУКТИВНЫЙ ЭТАП БАНКРОТСТВА

Любое предприятие в ходе своей деятельности не может быть застраховано от непредвиденных ситуаций, связанных с финансовыми затруднениями. Если не предпринять своевременно мер по финансовому оздоровлению, то результатом подобной беспечности может стать банкротство. Несмотря на снижение количества зарегистрированных в 2016 году банкротств (на 2,6 % по сравнению с 2015 годом), достичь по показателю докризисного уровня в силу действия ограничивающих драйверов (снижение реального покупательского спроса, инвестиционной активности и пр.) в ближайший период не представляется возможным. Однако политика Центрального банка РФ (снижение ключевой ставки осенью 2016 года до 10 %) и, как следствие, смягчающая политика коммерческих банков, а также направленная бюджетная политика Ульяновской области позволили региону обеспечить сравнительно низкий уровень банкротств (по сравнению со средним по России). Поддержка финансово сложных предприятий со стороны организаций микрофинансирования, функционирующих в регионе, предполагает возможность получения кредитных ресурсов, субсидируемых из бюджетов разных уровней. Таким образом, необходимо воспользоваться в настоящий момент наметившимся смягчением в условиях финансирования экономики со стороны банковской системы, удерживающимся уровнем прибыль — убытки на протяжении 2016 года, сравнительно благоприятным положением Ульяновской области и проводить политику финансового оздоровления как конструктивный этап банкротства в условиях кризиса.

Ключевые слова: банкротство, финансовое оздоровление, политика, финансовый анализ, юридические лица.

Любая деятельность предприятия, связанная с финансами, в кризисный период проявляется в финансовой дестабилизации, частью которой является неплатежеспособность, а причиной может служить неверно выбранная политика организации. Актуальность темы заключается в том, что для восстановления финансовой стабильности необходимо применять процедуру финансового оздоровления.

В 2015 году аналитики [5] предсказывали увеличение количества банкротств в связи с ослаблением курса национальной валюты и падением цен на нефть. Действительно, по статистике судов, в 2014 году в производстве было 37,8 тыс. дел по банкротству, а в 2015-м — уже 49,2 тыс. [4]. В июне 2016 года число банкротств юрлиц в РФ превысило 1,1 тысячи, что на 2,6 % ниже марта 2015 года¹ (рис. 1).

(рис. 2, 3).

Предположения не получили подтверждения в том числе из-за снижения ключевой ставки ЦБ осенью 2016 года и, как результат, смягчения условий кредитования коммерческими банками. Однако указанная тенденция не является причиной оптимизма, так как значения не менее чем на 5 % выше аналогичного периода докризисного 2013 года. К тому же в целом по экономике за период январь — август 2016 года просроченная задолженность по полученным кредитам и займам крупных и средних организаций оказалась почти на 14 % выше, чем в аналогичный период 2015 года, и на 70 % выше, чем в 2014 году.

Существенной проблемой современного этапа является банкротство малых организаций, функционирующих на рынке не более 10 лет

¹ По данным Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП). — URL: http://www.forecast.ru/default.aspx.

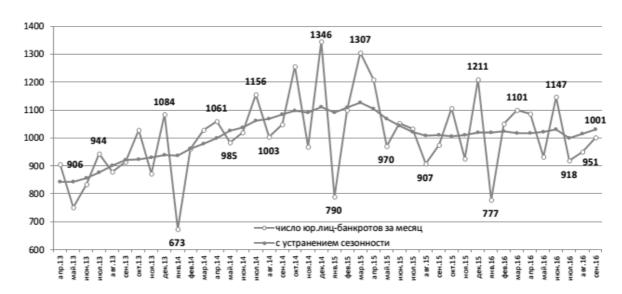

Рис. 1. Динамика количества банкротств в экономике России [3]

Рис. 2. Структура банкротов по масштабам деятельности [3]

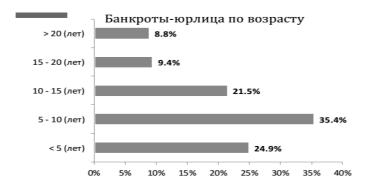

Рис. 3. Структура банкротов по длительности функционирования на рынке [3]

Наибольшая интенсивность банкротств была зафиксирована в Приволжском федеральном округе (ПФО) — почти в 1,2 раза выше, чем в среднем по стране. Также обращает на себя внимание тот факт, что в том же федеральном округе рост банкротств за 3 квартал 2016 года происходил в 1,2 раза быстрее, чем в среднем по стране². Хотя Ульяновская область относится к регионам с наименьшим удельным весом юрлицбанкротов по сравнению со средним по стране, за 3 квартала 2016 года показатель увеличился почти вдвое: 12, 13 и 25 соответственно.

Таким образом, учитывая сформировавшиеся драйверы интенсивности банкротств в экономике к 2017 году, основанные на затяжном характере падения реальных располагаемых доходов при одновременной стагнации инвестиций в основной капитал, необходимо воспользоваться наметившимся смягчением в условиях финансирования экономики со стороны банковской системы, удерживающимся уровнем прибыль — убытки на протяжении 2016 года, сравнительно благоприятным положением Ульяновской области и проводить политику финансового оздоровления как процедуру банкротства.

Одним из важных направлений финансового оздоровления в Ульяновской области является бюджетная поддержка. Так, в соответствии со статьей 13 Закона о бюджете Ульяновской области на 2016 год предоставляется право на списание в 2016 году задолженности юридических лиц по денежным обязательствам перед областным бюджетом Ульяновской области в случае прекращения обязательства по основаниям, установленным законодательством Российской Федерации, или наличия вступившего в законную силу решения суда о признании обязательства недействительным или исполненным.

Еще одним источником, который может быть использован при финансовом оздоровлении, являются субсидированные займы Корпорации по развитию предпринимательства Ульяновской области. Деятельность фонда направлена на повышение доступности для субъектов малого и среднего бизнеса к заемным средствам. На реализацию финансовой меры поддержки предпринимательства за 2010—2016 гг. выделено 206 900 млн руб. 3 (табл. 1).

 ^{2} По данным Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП). — URL: http://www.forecast.ru/default.aspx.

Бюджетные средства, выделенные в 2010—2015 гг. на выдачу займов, освоены полностью, средства, выделенные в 2016 году, в данный момент использованы не в полном объеме (табл. 2).

Самое главное достижение — организациями — участниками программы поддержки субъектов МСП за период работы фонда сохранено 11 879 и создано 1 749 рабочих мест.

Финансовое оздоровление представляет собой программу по реализации мероприятий, целью которых является восстановление платежеспособности и финансовой устойчивости предприятия [10]. По законодательству финансовое оздоровление — процедура, применяемая в деле о банкротстве к должнику в целях восстановления его платежеспособности и погашения задолженности в соответствии с графиком погашения задолженности. Перед проведением данной процедуры оценивается финансовое состояние предприятия. Проводится оценка платежеспособности предприятия, ликвидности, анализ финансовой устойчивости, который основывается на абсолютных и относительных показателях баланса. Финансовый анализ — это глубокое исследование экономических явлений на предприятии, выявление тенденций и причин отклонения от плана таких финансовых показателей, как прибыль, объем продаж, рентабельность, себестоимость, оборотный капитал и пр. [9]. Если в ходе проведения анализа данные показатели продемонстрировали достаточное отклонение от нормы — проводится процедура оздоровления предприятия.

Основной целью реализации процедуры финансового оздоровления является необходимость приведения производственной структуры организации/предприятия в соответствие рыночному платежеспособному спросу с условием достижения рентабельности деятельности, осуществляемой предприятием.

Процесс финансового оздоровления является целой системой, которая должна решать следующие задачи: проведение мониторинга предприятий в целях диагностики их финансового состояния, выявление нестабильных предприятий, определение их к категории проблемных предприятий в соответствии с установленной системой критериев, разработка мероприятий по проведению финансового оздоровления, осуществление контроля их реализации, внедрение инвестиционных процессов в деятельность проблемных предприятий как мера антикризисного управления. Также одной из главных и важных задач является создание таких механизмов финансового оздоровления, при которых будут защищены интересы всех участников данного процесса.

³ Отчёт о работе Корпорации по развитию предпринимательства Ульяновской области за 9 месяцев 2016 г. по направлению микрофинансирования. — URL: http://fond73.ru/otchety.

ВЕСТНИК

Таблица 1

Субсидии, предоставленные на выдачу займов (тыс. руб.)

Бюджет	Всего	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2015 г.	2016 г.
Всего, в том числе:	206 900	42 500	55 000	50 000	10 000	43 800	5 600
Федеральный бюджет	162 000	34 000	44 000	40 000	8 000	36 000	0,00
Региональный бюджет	44 900	8 500	11 000	10 000	2 000	7 800	5 600

Таблица 2 Сумма выданных займов за 2010 год — 9 месяцев 2016 года (тыс. руб.)

Источники	Всего	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	3 кв. 2016 г.
Всего, в том числе:	944 597	4 810	25 641	92 330	140 094	200 536	224 144	257 042
Федеральный бюджет	674 033	0	18 061	75 220	113 884	140 456	168 204	158 208
Региональный бюджет [2]	142 570	4 810	7 580	17 110	26 210	28 380	26 760	31 720
Кредит МСП банка	127 994	0	0	0	0	31 700	29 180	67 114

Финансовое оздоровление вводится арбитражным судом, который также назначает административного управляющего. Срок финансового оздоровления составляет не более двух лет, в определении о введении финансового оздоровления указывается его срок и график погашения задолженности, а также план, по которому будет осуществляться данный процесс [6].

По определению, план финансового оздоровления — это эффективный инструмент планирования финансово-экономических, технических и управленческих мероприятий по реформированию несостоятельного предприятия в соответствии с потребностями рынка, основные цели которых — восстановление платежеспособности и повышение конкурентных преимуществ предприятия-должника [8].

План финансового оздоровления выполняет ряд функций:

- разработка и реализация восстановления платежеспособности и конкурентных преимуществ на рынке;
- оценка текущего и перспективного финансового состояния предприятия;
- основной документ, необходимый для привлечения инвестиций в производство;
- мощный рекламный материал, который позволяет создать основу для проведения мероприятий;

- реализация плана финансового оздоровления, обеспечивающая вовлечение всего персонала предприятия в согласованные действия по реформированию предприятия.

План финансового оздоровления включает в себя следующие разделы [7]:

Производственный раздел. Дается описание продукции/услуги, раскрывается ее использование и привлекательность для потребителя. Дается характеристика программе разработки и развития продукции, приводится расчет ее бюджета.

Маркетинговый план. Проводится анализ целевой рыночной единицы, стратегии маркетинга, дается прогноз объемам продаж.

План производства. Включает в себя целевой производственный потенциал, производственную стратегию, прогноз формирования и использования материальных факторов производства.

Кадровый план. Дается описание целевого потенциала, стратегии управления и кадровой политики, приводится проектировка расходов на кадровые нужды.

Финансовый план. Результирующий раздел плана. Объединяет данные по всем прогнозам и проектировкам, включает все специальные бюджеты антикризисных функциональных программ, раскрывает прогнозную финансовую картину в форматах отчетов о доходах и расходах, движении денежных средств, расчетного баланса.

По представленному плану производится процесс финансового оздоровления предприятия, который приведет к восстановлению платежеспособности предприятия, а также к финансовой стабильности предприятия в указанные сроки.

Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» № 127-Ф3 от 26.10.2002 [1]

предусмотрено и досрочное прекращение финансового оздоровления предприятия. По окончании данного процесса составляется отчет о проведении процесса, который включает в себя баланс на последнюю отчетную дату, отчет о прибылях и убытках, документы, подтверждающие погашение задолженности.

Литература

- 1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-Ф3 (ред. от 03.07.2016) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017).
- 2. Закон Ульяновской области № 197-30 от 11.12.2015 «Об областном бюджете Ульяновской области на 2016 год».
- 3. Банкротства юридических лиц в России: основные тенденции. III квартал 2016. URL: http://www.forecast.ru/_ ARCHIVE/Analitics/PROM/2016/Bnkrpc-3-16.pdf (дата обращения: 02.12.2016).
- 4. В 2016 году количество дел по банкротству предприятий в России вырастет в полтора раза. Однако процедуры по банкротству будет вести некому. URL: http://bankrotstvoplus.ru/news/V-2016-godu-kolichestvo-del-po-bankrotstvu-predpriyatiy-v-Rossii-vyrastet-v-poltora-raza-Odnako-prots.html (дата обращения: 22.01.2016).
- 5. В России растет число банкротств юридических лиц. Москва, 12 сент. РИА Новости/Прайм. URL: https://ria.ru/economy/20160912/1476648572.html (дата обращения: 12.09.2016).
- 6. Грачёв В. В. Конкурсное право : учеб.-методическое пособие / В. В. Грачёв, В. Б. Чуваков ; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль : ЯрГУ, 2015. 48 с.
- 7. Преодолевая финансовый кризис. URL: http://www.cfin.ru/business-plan/fin_crisis.shtml.
- 8. Процедура финансового оздоровления. URL: http://www.buhgalteria.ru/article/n153082 (дата обращения: 25.10.2016).
- 9. Ромашова И. Б. Финансовый менеджмент. Основные темы. Деловые игры : учеб. пособие / И. Б. Ромашова. 3-е изд., стер. М. : КноРус, 2012. 328 с.
- 10. Энциклопедия финансового риска менеджмента / под ред. к. э. н. А. А. Лобанова, А. В. Чугунова. 4-е изд., испр. и доп. M. : Альпина Паблишер, 2009. 786 с.

FINANCIAL RESTRUCTURING AS A CONSTRUCTIVE STAGE OF BANKRUPTCY

A. V. Romanova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia) a_romanova@bk.ru

N. E. Marushkina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia) 89272734091@mail.ru

While operating any enterprise can face unforeseen situations involving financial difficulties. If no timely measures for financial restructuring are taken, such unconcern will result in bankruptcy. Though in 2016 it was a decline in registered bankruptcies, the upcoming period is not going to reach the pre-crisis level due to some restrictive drivers (drop in actual consumer demand, investment activity and etc.) Nevertheless, the Central bank policy accompanied by mild policy of commercial banks together with the targeted budgetary policy of Ulyanovsk region enabled the region to maintain a relatively low bankruptcy rate compared to the national average level. Regional microfinancing institutions rendering support to financially squeezed enterprises provide for acquiring credit resources subsidized by different level budgets. Consequently, financial restructuring of the enterprises in Ulyanovsk region proves to be a constructive stage of bankruptcy during the crisis period.

Key words: bankruptcy, financial restructuring, policy, financial analysis, legal entities.

References

- 1. Federalnyy zakon N127 [Federal law N 127-FedLaw dated 26.10.2002] (ed. 03.07.2016) "On insolvency (bankruptcy)" (amended and revised, effective since 01.01.2017).
- 2. Zakon Ulyanovskoy oblasti N 197 [Ulyanovsk region law N 197-Regional law dated 11.12.2015 On regional budget of Ulyanovsk region for the year 2016.
- 3. Bankrotstva yuridicheskih lits v Rossii: osnovnye tendentsii III kvartal, 2016 [Bankruptcies of legal entities in Russia: major tendencies, quarter III, 2016]. Available at http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analitics/PROM/2016/Bnkrpc-3-16.pdf (Assessed 02.12.2016).

- 4. V 2016 godu kolichestvo del po bankrotstvu predpriyatiy v Rossii vyrastet v poltora raza. Odnako protsedury po bankrotstvu budet vesti nekomu [The year 2016 will face one and a half increase in bankruptcy cases in Russia. Though there is going to be nobody to carry on bankruptcy proceedings]. Available at http://bankrotstvoplus.ru/news/V-2016-godu-kolichestvo-del-po-bankrotstvu-predpriyatiy-v-Rossii-vyrastet-v-poltora-raza-Odnako-prots.html (22.01.2016).
- V Rossii rastet chislo bankrotstv yuridicheskih lits [Bankruptcies of legal entities are increasing in Russia]. Moscow, September 12 — RIA Novosti/Prime. Available at https://ria.ru/economy/20160912/1476648572.html (Assessed 12.09.2016).
- 6. Grachev V. V., Chuvakov V. B. (2015) Konkursnoe pravo [Bankrupt law]. Yaroslavl State University, 48 p.
- 7. Preodolevaya finansovyy krizis [Overcoming the financial crisis]. Available at http://www.cfin.ru/business-plan/fin_crisis.shtml.
- 8. Protsedura finansovogo ozdorovleniya [Financial restructuring proceedings]. Available at http://www.buhgalteria.ru/article /n153082 (Accessed 25.10.2016).
- 9. Romashova I. B. (2012) Finansovyy menedzhment. Osnovnye temy. Delovye igry [Financial management. Main topics. Business role playing games]. Moscow: KnoRus, 328 p.
- 10. Entsiklopediya finansovogo risk menedzhmenta. Pod red. k.e.n A. A. Lobanova i A. V. Chugunova (2009) [The encyclopedia of financial risk management edited by A. A. Lobanov, PhD, A. V. Chugunov]. Moscow: Alpina Publisher, 786 p.

А. О. Синицын **Ульяновский** государственный университет (г. Ульяновск, Россия) antonsinitsyn@mail.ru

А. В. Цыганцов Ульяновский государственный университет (г. Ульяновск, Россия) ats2412@ya.ru

РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ КЛАСТЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ АСИММЕТРИИ ИНФОРМАЦИИ*

Важным вопросом сегодня является разработка модели взаимодействия органов государственной власти и бизнес-единиц в рамках кластерной политики. Это выступает ключевым инструментом планирования и выстраивания промышленной политики в условиях задачи увеличения положительного социально-экономического эффекта от вкладываемых в поддержку ресурсов. В работе рассмотрена модель совершения кооперационной сделки между правительством и бизнес-сообществом, представляющим единую отрасль и объединенным в кластер. При этом важным является утверждение о том, что промышленные игроки, относящиеся к определенной отрасли экономики, обладают большей информацией о потенциале данной отрасли, об уровне материального оборота и о существующих связях между агентами внутри данной отрасли, чем государство. Такого рода модели должны строиться с учетом влияния информационной асимметрии. Описанный в данной работе контракт государства и бизнеса является Парето-оптимальным, а также оптимальным для государства среди всех возможных вариантов контрактов по поддержке кластеров. При этом отметим, что факт ненаблюдаемости усилий в данном случае не имеет существенного значения, поскольку этот контракт решает задачу максимизации ожидаемой прибыли государства, т. е. максимизации благосостояния.

Ключевые слова: экономический кластер, кооперационные и некооперационные игры, информационная асимметрия.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 16-02-00674, президентского гранта МК-5140.2015.6.

Модели с неполной информированностью различных субъектов о характере и параметрах взаимодействия, свойствах обмениваемых ресурсов и т. д. довольно многообразны.

Если предположить, что промышленные игроки, относящиеся к определенной отрасли экономики, обладают большей информацией о потенциале данной отрасли, об уровне материального оборота и о существующих связях между агентами внутри данной отрасли, чем государство, то возникает вопрос: какую стратегию торгово-промышленной политики выбрать в таких условиях, чтобы максимизировать положительный социально-экономический эффект от вкладываемых в поддержку ресурсов? В работе [1] разрабатывалась модель оптимизации инвестиций с учетом масштаба результатов в рамках определенного сектора экономики. При этом мы полагаем, что в настоящее время недостаточно изучен вопрос взаимодействия субъектов кластера в объективных условиях асимметричности

информации. Особенно важно изучить вышеуказанную проблему при моделировании взаимодействия органов государственной власти и бизнес-единиц [2, 3]. Это является важным инструментом планирования и выстраивания промышленной политики. С целью выявления и максимизации эффекта от усилий государственных институтов в различных отраслевых кластерах возникает необходимость построения модели взаимодействия в рамках кластера между бизнесом и государством с учетом влияния информационной асимметрии. Относительно новыми в литературе являются модели с асимметричной информацией. При этом главным образом они описываются разновидностями модели оптимальных экспортных субсидий Brander-Spencer [4].

Рассмотрим модель совершения кооперационной сделки между правительством и бизнес-сообществом, представляющим единую отрасль и объединенным в кластер.

Для начала проведем определение формата поведения бизнес-сообщества кластера. Следует отметить, что в неоклассической микро-экономике исходной признается модель рационального поведения фирмы, соответственно, главным является максимизация прибыли/полезности. При этом прогнозы, полученные в рамках моделей, впоследствии сопоставляются с реальным поведением агентов [5, 6].

В бихевиористской теории предположение об экономической рациональности обычно не является ключевым. Задача исследователя понять, каким образом в домохозяйствах и фирмах осуществляется реальный процесс принятия решений, и выяснить его закономерности. Поскольку этот процесс характеризуется значительной сложностью, то, по мнению представителей поведенческой теории, господствует в нем не рациональное, а конвенциональное поведение (т. е. подчиняющееся принятым правилам и условностям). В связи с этим необходимо заменить предпосылки максимизации полезности или прибыли на их более реалистичные поведенческие допущения. Данные дефиниции мы будем учитывать при последующей разработке модели, целью которой является выбор оптимального набора кластерной политики.

В рамках модели также будем учитывать, что правительство владеет некими ресурсами, которые могут быть направлены на использование оптимального набора инструментов влияния на бизнес. Такими инструментами являются квоты, тарифы, прямое или скрытое субсидирование и т. д. Будем считать, что данные инструменты могут позволить получить добавленную стоимость, т. е. улучшить общественное благосостояние на величину y=y(x), если уровень усилий бизнес-сообщества данного кластера составляет $x \in X$, где X — множество возможных усилий или действий, которые могут быть выражены количественно в объеме инвестиций в развитие производственных проектов или повышении оборота между участниками кластера.

Предположим, что функция y(x) возрастающая, но при этом вогнутая; это значит, что совокупный доход увеличивается с увеличением степени усилий, но с «убывающей отдачей». При дифференцируемости функции y(x) это означает, что y'(x) > 0 и y'(x) убывает.

Для стимулирования усилий бизнеса правительство выбирает схему применения инструментов влияния w(x) в зависимости от некоторого наблюдаемого им сигнала о величине таких усилий. Схема применения государственных ин-

струментов w(x) описывается государственными программами и законодательными актами.

При этом, создавая программу поддержки, правительство пытается максимизировать разность между создаваемым бизнесом добавочной стоимости и расходами на инструменты поддержки w. Назовем эту величину общественной прибылью:

$$\Pi = y(x) - w. \tag{1}$$

Естественно предположить, что полезность бизнеса для национального благосостояния зависит от уровня его собственных усилий и от степени применения инструментов государственного влияния, т. е.

$$u=u(x, w). (2)$$

Для упрощения анализа будем предполагать, что эта функция является сепарабельной:

$$u(x, w) = v(w) - c(x),$$
 (3)

где v(w) — полезность государственных мер поддержки соответствующего кластера, а c(x) — совокупные усилия бизнес-сообщества кластера. Будем предполагать, что v(w) — возрастающая вогнутая функция, c(x) — возрастающая выпуклая функция.

Качественный результат анализа во многом подвержен влиянию типа правительства (задача которого максимизировать национальное благосостояние), структур рынка, издержек бизнеса в различных отраслях и пр. [7].

Существенным замечанием в адрес кластерной политики государства является то, что она предполагает наличие излишнего количества информации у правительства. Для ведения оптимальной фискальной, торговой, кластерной, субсидиарной и бюджетной политики правительству требуется иметь ясное представление о спросе и предложении, о структуре издержек, природе управления в различных отраслях промышленности [8]. При этом логично предположить, что правительство, как правило, менее информировано о вышеперечисленных факторах, чем бизнес-агенты. Поэтому необходимым является изучение роли асимметричности информации в моделях стратегической кластерной политики.

Выражая в (3) w из ограничения участия, получаем следующую задачу:

$$E_{x}\widehat{y} - v^{-1}(c(x) + u_{0}) \rightarrow max_{x}. \tag{4}$$

Обозначим $(\widetilde{x},\widetilde{w})$ как соответствующую «идеальную» ситуацию.

Фактически анализ в данном случае может быть эквивалентен анализу с заменой y(x) на

 E_{∞} при условии однозначности результата. Указанную таким образом идеальную ситуацию можно реализовать бесконечным числом способов в виде w(x), зависящего от усилий фирм x. Например, мы вправе использовать модель так называемого пакетного контракта [6].

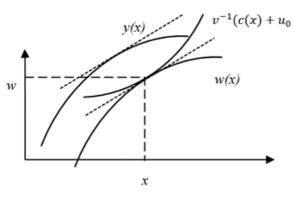

Рис. 1

Кривая w(x) должна лежать под кривой $v^{\mathsf{T}}(-1)$ ($\varepsilon(x) + u_{\mathsf{I}}0$ и касаться ее в точке $(\tilde{x}, \tilde{w})$. В данном случае с точки зрения соответствующих целевых функций достигается Паретооптимум ожидаемого увеличения благосостояния $E_x(\widehat{y} - \widehat{w})$ и ожидаемой полезности $E_xv(\widehat{w}) - c(x)$. Данное условие также предполагает ненаблюдаемость усилий. Таким образом, из рассмотренных выше элементов государственной поддержки (для модели с наблюдаемыми действиями) можно реализовать только линейный по результатам контракт w(y)=a+by, который является оптимальным по Парето в случае, если это контракт с полной ответственностью: w(y)=y-A.

Покажем, что наилучший для государства контракт вида w(y) является оптимальным по Парето лишь при ограничительных предположениях относительно отношения к действиям агентов кластера. Об этом свидетельствует следующее утверждение.

Если участники кластера нейтральны к риску от участия [9, 10], то наилучший для государства контракт с полной ответственностью является Парето-оптимальным и эквивалентен с точки зрения ожидаемой полезности и повышения благосостояния идеальному контракту $(\widetilde{x},\widetilde{w})$. Покажем, что ожидаемый эффект для благосостояния в данной ситуации равен $E_{x}(\mathbf{\hat{y}} - A) = A$, ожидаемая полезность равна $E_x(\mathfrak{Y}-A)-c(x)=E_x(\mathfrak{Y})-A-c(x)$. Задача максимизации ожидаемой полезности по x имеет вид:

$$E_x \hat{y} - A - c(x) \rightarrow max_{x \in X}$$
 (5)

Таким образом, бизнес-структуры, являющиеся агентами экономического кластера, выберут эффективные усилия (3). Параметр A наилучшего для государства контракта в рамках кластера находится из условия участия: $A = E_{\widehat{x}}\widehat{y} - c(\widehat{x}) - u_{\mathbf{p}}$. При этом ожидаемый совокупный эффект будет равен $E_{\overline{x}}\hat{y} = \varepsilon(x)$ u_0 .

Очевидно, что описанный в данной работе контракт является Парето-оптимальным, а также оптимальным для государства среди всех возможных вариантов контрактов по поддержке кластеров. При этом отметим, что факт ненаблюдаемости усилий в данном случае не имеет существенного значения, поскольку этот контракт решает задачу максимизации ожидаемой прибыли государства, т. е. максимизации благосостояния.

Литература

- 1. Norman V. D. and Venables A. J. Industrial clusters: equilibrium, welfare and policy // Discussion paper, Norwegian School of Economics and Business Administration. — 2004. — C. 543—558.
- 2. Redding S. J. and Venables A. J. 2001. Economic Geography and International Inequality.
- 3. Linda Orvedal. Industrial clusters, asymmetric information and policy design. Discussion paper, Norwegian School of Economics and Business Administration. — 2004. — 30 - C.7.
- 4. Brainard S. L., Martimort D. Strategic trade policy with incompletely informed policymakers // Journal of International Economics. -1997. - V.42(1-2). - P.33-65.
- 5. Субботина Е. В. Анализ взаимодействия участников кластера на основе инструментария теории игр: кооперация или конкуренция? / Е. В. Субботина // Конкурентоспособность компаний и территорий: кластерные технологии. — Пенза, 2012.
- 6. Рубинштейн Е. И. Этархическая система управления в межотраслевом кластере / Е. И. Рубинштейн, В. А. Наумов // Региональная экономика: теория и практика. — 2007. — N° 2(41). — С. 28—33.
- 7. Булярский С. В. Кластерные структуры: моногр. / С. В. Булярский, А. О. Синицын, А. В. Цыганцов. Ульяновск: Колор-Принт, 2014. — 116 с.
- 8. Grossman S. J. and Hart O. D.: An Analysis of the Principal-Agent Problem, Econometrica 51 (1983): 7—46.
- 9. Fabozzi F., Rachev S. T., Hsu J. S., Bagasheva B. S., Bayesian methods in finance, John Wiley and Sons, 2008.
- 10. Solvell O. The Cluster Initiative Greenbook. The Competitiveness Institute / O. Solvell, G. Lindqvist, Ch. Ketels. Vinnova. — Gothenburg, 2003. — 94 p.

DEVELOPMENT OF CLUSTER POLICIES MODEL IN THE CONDITIONS OF INFORMATION ASYMMETRY

A. O. Sinitsyn

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia) antonsinitsyn@mail.ru

A. V. Tsygantsov

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia) ats2412@ya.ru

Now it is important to develop a model of interaction between public authorities and the business units within the cluster policy. This is a key tool for the planning and building the industrial policy to increase the positive social and economic effect of the invested resources in support. The paper considers the model of a cooperative deal between the government and the business community, represented as a single industry and a cluster. This is an important statement that industry players belonging to certain sectors of the economy have more information about the potential of this industry, the level of financial turnover and existing relationships among agents within the industry than the state. Such a model should take into account the impact of information asymmetry. Described in this paper, the contract between state and business is Pareto-optimal and optimal for the state from all possible options to support clusters. At the same time, it should be noted that the fact that effort is not observable in this case is not significant, since the contract solves the problem of maximizing the expected profit of the state, i. e., welfare maximization.

Key words: economic clusters, cooperative and noncooperative games, asymmetrical information.

* Grant-supported by Russian Humanitarian Science Foundation № 16-02-00674, the presidential grant MK-5140.2015.6.

References

- 1. Norman V. D., Venables A. J. (2004) Industrial clusters: equilibrium, welfare and policy. Discussion paper, Norwegian School of Economics and Business Administration, pp. 543—558.
- 2. Redding S. J., Venables A. J. (2001). Economic Geography and International Inequality.
- 3. Orvedal L. (2004) Industrial clusters, asymmetric information and policy design. Discussion paper, Norwegian School of Economics and Business Administration, 30, p. 7.
- 4. Brainard S. L., Martimort D. (1997) Strategic trade policy with incompletely informed policymakers // Journal of International Economics. V. 42 (1—2), pp 33—65.
- 5. Subbotina E. V. (2012) Analiz vzaimodeistviya uchastnikov klastera na osnove instrumentariya teorii igr: kooperatsiya ili konkurentsiya? [Analysis of interaction between cluster participants based on the tools of game theory: cooperation or competition?]. Konkurentosposobnost kompaniy i territoriy: klasternye tehnologii. Penza.
- 6. Rubinshtein E. I., Naumov V. A. (2007) Etarhicheskaya sistema upravleniya v mezhotraslevom klastere [Anarchic control system in an interindustry cluster]. Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika, 2(41), pp. 28—33.
- 7. Bulyarskii S. V., Sinitsyn A. O., Tsyganov A. V. (2014) Klasternye struktury: monogr. [Cluster structures: monogr.]. Ulyanovsk: Kolor-Print, 116 p.
- 8. Grossman S. J., Hart O. D. (1987) An Analysis of the Principal-Agent Problem, Econometrica 51: 7, p. 46.
- 9. Fabozzi F., Rachev S. T., Hsu J. S., Bagasheva B. S. (2008) Bayesian methods in finance, John Wiley and Sons.
- 10. Solvell O., Lindqvist G., Ketels Ch. (2003) The Cluster Initiative Greenbook. The Competitiveness Institute. Vinnova: Gothenburg, 94 p.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Е. В. Кудряшова Ульяновский государственный *УНИВЕРСИТЕТ* (г. Ульяновск, Россия) helezzya@gmail.com

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНВЕНЦИИ В ФИЗИКЕ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ*

В статье охарактеризовано конвенциональное свойство научного познания. Показано, что конвенцией можно назвать все, что принято по соглашению между несколькими учеными, в том числе методы, системы символов, гипотезы, теории, а также «этос» науки, система принятых ценностей, функций научного познания, представление о научных авторитетах. Предложен анализ конвенции, основанный на выделении субъекта и предмета соглашения, классификация научных конвенций. Субъектом конвенции названа совокупность ученых, которые участвовали в соглашении по поводу некоторого предмета или приняли его результат как данность. Предметом конвенции является тот фрагмент научного знания и процедуры его получения или явление, связанное с деятельностью науки как социального института, в отношении которого действовала процедура согласия. С точки зрения предложенного анализа рассмотрена одна из методологических конвенций в физике. Убеждение научного сообщества физиков в том, что математический аппарат и физический опыт — ведущие методы физического познания, является конвенциональным и потому может быть названо методологической конвенцией. Данная методологическая конвенция имела значение в ходе революционных преобразований в физике в начале XX века, поскольку сохранение методологических оснований естествознания позволило осуществить переход от одной физической парадигмы к другой. Основная функция данной конвенции — методологическое единообразие в поиске и оценке нового знания. В ходе революционных преобразований в физике методологическая конвенция определила возможность четкой демаркации нового научного и псевдонаучного знания.

Ключевые слова: конвенция, субъект и предмет конвенции, метод, методологическая конвенция, идеология.

* Статья публикуется при поддержке гранта РГНФ № 15-33-01249.

Общепринятым является мнение о том, что научное знание, научное познание и наука в целом имеют конвенциональный характер. И вместе с тем, однако, не существует общей философской интерпретации конвенционального свойства науки, как и не существует общего определения понятия «конвенция». Более того, не существует согласия между эпистемологами в решении вопроса о том, в какой мере процедура согласия определяет аппарат науки и результаты научного творчества.

Понятие конвенции формируется в процессе осмысления конвенциональности как свойства любой коллективной формы познания (науки, философии, мифологии, религии и пр.). Если результат познавательной деятельности получен совокупным коллективным субъектом, существующим объективно, необходимо согласие членов коллектива в отношении аппарата получения этого результата с формой и нормой его репрезентации. Результатом этого согласия служит конвенция, которая однозначно закрепляет общее для коллективного субъекта понимание предмета.

Этот максимально общий характер конвенционального свойства всякого коллективного познания создает определенные трудности в понимании того, что такое конвенция. Если рассуждать в пределах логики, конвенцией можно назвать буквально все, что принято по соглашению между несколькими учеными. В отношении науки, в которой всякое знание или отдельный его элемент (вместе с формами и нормами его репрезентации) и научная процедура (метод, подход и пр.) является результатом деятельности многих, конвенция становится буквально категорией понимания науки. Всякая процедура в научном познании, метод, система символов, подход, гипотеза — по сути, любой фрагмент науки — носят конвенциональный характер. Тот же характер носят «этос» науки, система принятых ценностей, функций научного познания, представление о научных авторитетах и пр.

Для того чтобы в анализе понятие конвенции имело ограниченный объем, необходимо определить субъект и предмет конвенции. В данном случае говорить о субъекте необходимо, поскольку всегда существует более или менее определенная локация соглашения. В науке, особенно на ее переднем крае, довольно трудно найти суждение, определение, с которым были бы согласны все члены научного сообщества. Особенно сильно это свойство конвенции проявляется в гуманитарных науках, в которых никогда нет однозначных, навсегда решенных вопросов и определений. Так, до сих пор не существует общего для всех членов сообщества определения философии, нет общего для всех понимания сферы ее деятельности, ее функций и ценности в культуре. Также не существует общего для всего математического сообщества определения математики, ее функций, неоднозначно определено ее соотношение с другими науками.

В отношении конвенции всегда можно указать некоторую совокупность ученых, которые участвовали в соглашении по поводу некоторого предмета или приняли его результат как данность. Именно эту совокупность можно назвать субъектом соглашения. В качестве субъекта соглашения может выступать отдельный коллектив ученых (например, сотрудники лаборатории), научная группа (в том числе в форме «невидимого колледжа»), научная школа, научное общество или научное направление сторонников понимать что-либо в науке единообразно.

Фундаментальным свойством субъекта соглашения является присущая ему тенденция постоянного расширения. Сама процедура согласия возможна лишь среди немногих ученых, затем, включаясь в обсуждение некоторой новации, к немногим присоединяются многие субъект соглашения расширяется. В идеале, видимо, пределом этого расширения является момент, когда субъект соглашения по объему совпадает с научным (или дисциплинарным) сообществом. Условием расширения субъекта соглашения выступает коммуникация: чем более крепкими являются связи между членами сообщества и сообществ друг с другом, тем быстрее распространяются сведения о новации, тем интенсивнее обсуждение ее и принятие конвенции.

Предметом конвенции является тот фрагмент научного знания и процедуры его получения или явление, связанное с деятельностью науки как социального института, в отношении которого действовала процедура согласия. Причем согласие — это не единовременный акт. Как правило, принятие некоторого положения требует четкости в формулировках, достигнуть которой на первом этапе принятия соглашения трудно.

В связи с тем, что предметом соглашения могут выступать различные фрагменты научного знания, процедуры познания и пр., можно говорить о нескольких видах конвенций. Не претендуя на полноту классификации, можно указать символические и языковые конвенции, методологические и интерпретативные конвенции, этические и аксеологические конвенции, онтологические и функциональные конвенции, конвенции относительно образа науки (парадигмы, научно-исследовательской программы), социальной структуры науки, научных авторитетов.

Поскольку рост научного знания непрерывен, соглашения постоянно принимаются и отклоняются. В отношении конкретных дисциплин могут меняться только символические конвенции или только этические, процесс изменения конвенций может быть тотальным. В зависимости от вида конвенций стимулом изменения могут быть новые научные факты, исторические и экономические условия или онтологические предположения.

В данной работе мы обратимся к анализу одной методологической конвенции в физике. Субъектом конвенции выступает научное сообщество физиков, предметом — методы получения физического знания. В данном случае метод понимается наиболее общим образом, как способ получения нового знания. Методологическая конвенция определяет нормы получения физического знания, критерии оценки полученного знания с точки зрения его принятия.

История физики показывает, что представление о методологических нормах складывалось постепенно. В период своего становления «естествознание», или «наука о природе» — к этим понятиям отсылает нас этимология слова «физика» — была связана с наблюдением за природой. Большую роль в физическом познании играла теоретическая и даже умозрительная работа. Лишь немногие выдающиеся ученые древности могли бы претендовать на звание «ученого» в современном смысле слова.

Кардинальные перемены в представлении о естественно-научном познании начались с XVI века, когда плеяда ученых конституировала экспериментальные и математические методы. «Однако только с конца XVIII века и в основном в XIX веке лабораторный эксперимент стал основным орудием развития естествознания, и именно он с математически сформулированной теорией превратил естественные науки, прежде всего физику, в так называемые точные опытные науки и определил бурное развитие их за последние 150 лет» [7, с. 211]. Специализация физических методов позволила отмежеваться естествознанию от других способов познания и совершенствовать методики исследования.

Несмотря на то, что представление о значении математики в физическом исследовании и о том, как понимать физический опыт, значительно изменились, методологическое нормативное требование необходимости этих процедур остается неизменным. Ученые XX века, даже в эпоху кардинальных сдвигов в физической картине мира, по-прежнему связывают методологию физики с математикой и экспериментом.

Эта устойчивость методологии физики становится особенно важной в условиях нечеткого определения объекта физического исследования. С. И. Вавилов, формулируя определение физики как науки, писал: «Многочисленные попытки, начиная с XVII века и до нашего времени, дать вполне конкретное определение физики всегда оказывались в противоречии с ее действительным содержанием или ее явными тенденциями» [1, с. 149]. Дело в том, что локализировать объект и предмет исследования не удается. Физика изучает вещество, пространство, время, отношения, и потому физическое знание универсально по отношению ко всему корпусу естествознания.

Неверным является, согласно С. И. Вавилову, считать объектом физики неорганическую материю, поскольку «физика не исключает из пределов своего ведения живого вещества точно так же, как не отказывается исследовать

формы организованной материи различной степени сложности: газы, жидкости, кристаллы, сложные молекулы и т. д.» [1, с. 149]. И посему всякое явление природы может быть исследовано физически.

Таким образом, физика как наука конституируется не объектом и предметом исследования, а методами. В силу именно этой особенности рассуждение о методологии физического исследования — это рассуждение о физике как науке. Конвенциальное единство представления о том, что есть методология физики, — это конвенциальное единство представления о физике

Убеждение научного сообщества физиков в том, что математический аппарат и физический опыт — ведущие методы физического познания, является конвенциональным, и потому может быть названо методологической конвенцией. Предметом этой конвенции является согласие в том, что любое физическое исследование должно быть математически обосновано, непротиворечиво и подтверждено в опыте вне зависимости от того, какой фрагмент мира исследуется.

Обратим внимание на то, что все иные требования, которые могут быть предъявлены физическому исследованию, имеют второстепенный характер. В этом смысле чрезвычайно показательна следующая история, описанная выдающимся отечественным физиком А. Ф. Иоффе: «Автор электронной теории Лоренц рассказал мне, что, познакомившись впервые с уравнениями Максвелла, он не мог понять их физического смысла и обратился за разъяснениями к переводчику сочинений Максвелла. Но и тот подтвердил, что никакого физического смысла эти уравнения не имеют, понять их нельзя; их следует рассматривать как чисто математическую абстракцию» [3, с. 327]. Лоренц, размышляя в традиционных для своей дисциплины понятиях, задал уместный и разумный вопрос о физическом смысле уравнений. Он не получил ответа и без указания физического смысла уравнений был вынужден принять их как часть научного знания. Этот занятный анекдот показывает: уравнения Максвелла соответствовали основным методологическим требованиям физического познания и потому были приняты в корпус научного знания. Вопрос о физическом смысле уравнений оказался вторичным.

То же мы наблюдаем в связи с историей перехода от «классической» к «новой» физике. Новые научные факты и гипотезы, их объясняющие, первоначально входили в противоречие с уже считавшимися незыблемыми теориями. Открывшийся физику микромир оказался лишенным макроскопической определенности, те теории, которые объясняли движение в макромире, оказались недостаточными для объяснения движения в микромире.

Классическая физика была более или менее наглядной, новые физические теории предлагали математический способ объяснения, как правило, лишенный четкого физического смысла. Выдающиеся ученые эпохи революционных преобразований в физике не раз обращались к проблеме потери наглядности современной науки.

Так, А. Ф. Иоффе писал: «Современную физику больше, чем классическую, принято упрекать в потере наглядности, в забвении модельных представлений и в чрезмерном преобладании математики над физикой "здравого смысла"» [3, с. 348]. В книге «Основные представления современной физики» (1949) ученый проанализировал методологию физики и показал, что потеря наглядности является естественным следствием углубления физического познания. Наглядные модели, по мнению ученого, представляют собой упрощенную схематичную картину изучаемого явления, построенную на аналогии. Может существовать несколько моделей, объясняющих явление, каждая может оказаться полезной на некотором этапе исследования, но может быть отброшена позже.

Так, «идея теплорода, электрических жидкостей, гипотеза эфира и многие другие сыграли в свое время положительную роль не потому, что тепловая энергия есть действительно теплород или что электрический заряд — жидкость, а электрическое поле — натяжение эфира. Но в этих сопоставлениях правильно подмечены были черты сходства. Подобранные по этим признакам физические модели позволяют перенести хорошо нам знакомые закономерности процессов внутри модели на новую, еще недостаточно изученную область явлений. В тех пределах, в которых аналогия действительно имеет место, удачная физическая модель позволяет предсказать результаты опытов, искать новые проявления изучаемых процессов и на их основе уточнять модель» [3, с. 349]. Но когда модель становится неспособной предсказывать и объяснять в принципе, научное сообщество постепенно отказывается от нее. А. Ф. Иоффе подчеркивает: «Модель только попутчик до одного из поворотов, где пути изучаемого явления и его модели расходятся» [3, с. 349].

По словам ученого, на современном этапе развития физики наглядную модель вытесняет математическая теория. «Ее значение опреде-

ляется охватываемой ею областью опытных фактов. Если их математическая формулировка правильна, то все, что находится внутри данного опыта, может быть предсказано с гораздо большей уверенностью и строгостью, чем могли бы дать рассуждения на моделях и наглядных образах» [3, с. 350]. Эффективность математической теории определяется тем же, чем и эффективность физической модели, — успешностью и предсказательной силой. Для «новой» физики математика выступает средством поиска нового знания.

Таким образом, А. Ф. Иоффе показал, что требование наглядности, которое классическая физика считала одним из основных, становится лишним в условиях «новой» физики. От требования наглядности физика была вынуждена отказаться в силу новых опытных данных: новые эксперименты явили природу такой, какой ее нельзя представить в наглядных моделях.

Показательно, что для ученого принять парадоксальность выводов из экспериментов легче, чем отказаться от них. Известный физик В. Гейзенберг писал: «Я вспоминаю многие дискуссии с Бором, длившиеся до ночи и приводившие нас почти в отчаяние. И когда я после таких обсуждений предпринимал прогулку в соседний парк, передо мною снова и снова возникал вопрос, действительно ли природа может быть такой абсурдной, какой она предстает перед нами в этих атомных экспериментах» [2, с. 17]. Обратим внимание на то, что в мировоззрении ученого отказ от «здравого смысла» в понимании природы труден, но и необходим. Удивление, которое двигает его к переосмыслению «природы», не дает оснований сомнений в экспериментах.

Много позднее выдающийся отечественный физик-химик Н. Н. Семенов писал: «Движения в микромире вообще противоречат тому, что мы называем (кстати, совершенно условно) здравым смыслом, который ведь есть не что иное, как привычка к тому, как двигаются обычные тела, с которыми мы повседневно имеем дело. Самое опасное при изучении действительно нового — это пользоваться только так называемым здравым смыслом, когда мы выходим за пределы привычного» [7, с. 216]. Ученый был уверен, что рассуждения в русле «здравого смысла» неуместны в отношении объяснений явлений микромира.

Таким образом, «новая» физика показала, что принцип наглядности и требование соответствия «здравому смыслу» являются вторичными по отношению к эксперименту и требованию

математической строгости. Осмыслив выводы, полученные из новых экспериментов в области изучения микромира, движимые эффективностью применения математических теорий, ученые-физики поспешили обосновать потерю наглядности.

Несомненно, третьестепенными по отношению к основной методологической конвенции являются требования идеологического и философского значения. История науки в СССР показала, что в особых политических условиях, в которых идеология предъявляет требования к научному познанию, физическую теорию можно оценивать (в том числе) с точки зрения основного вопроса философии. Официальная власть СССР требовала от ученых признания и научной демонстрации диалектико-материалистического подхода.

В 1930—40-х годах новые физические теории — теория относительности и квантовая теория поля — подвергались критике за несоответствие требованиям диалектико-материалистического подхода. Идеологи, философы и даже некоторые ученые-физики старшего поколения критиковали «новую» физику как демонстрацию идеализма.

Многие ученые-физики, сторонники новых физических теорий, были вынуждены обосновывать их с точки зрения диалектико-материалистического подхода. Именно в силу постоянных идеологических баталий всякая физическая работа сопровождалась указанием на то, что новые теории не только не опровергают, но и демонстрируют диалектико-материалистическое учение.

И вместе с тем внимательный анализ работ, написанных с данной целью, показывает, что обоснование диалектико-материалистического подхода было вторичной процедурой по отношению к собственно исследовательской деятельности. Сначала были получены новые факты, а затем они осмысливались с точки зрения диалектико-материалистического подхода.

Так, в нескольких работах С. И. Вавилов проанализировал эффективность ленинской работы «Материализм и эмпириокритицизм» в отношении оценки философского мировоззрения современного физика. Структура этих работ единообразна. В частности, статья «В. И. Ленин и физика» (1934) начинается с утверждения о том, что В. И. Ленин — величайшая историческая фигура. Автор как бы обосновал, что убеждения В. И. Ленина в области физики имели принципиальное значение, но не для науки, а для философии. Обратим внимание на следую-

щее суждение автора: «Борьба за философию диалектического материализма... с неизбежностью должна была развертываться на материале этапов новой физики» [1, с. 23]. Иными словами, «борьба за философию» стала причиной обращения к проблемам физики. Кроме того, по ходу текста ученый не раз замечал, что главные задачи публикации «Материализма и эмпириокритицизма» — политические.

Затем С. И. Вавилов охарактеризовал состояние науки в начале XX века, сообщил о наиболее значительных открытиях в области физики. Ученый показал, что существовали объективные причины отказа от наглядных моделей в изучении микромира, в переосмыслении физической картины мира в целом.

В ходе рассуждений С. И. Вавилов допустил занятный смысловой переход. А именно в один ряд ошибочных представлений о микромире он поставил «безнадежные попытки механического объяснения немеханических явлений» и идеалистические выводы из фактов «новой» физики. Автор как бы уравнял по критерию ошибочности пусть ложные, но научные гипотезы и философские суждения, которые вряд ли могут быть охарактеризованы с точки зрения истинности. Этот смысловой переход позволил ученому ввести в рассуждение о проблемах современной науки обоснование идеологическое необходимости диалектического подхода и идей В. И. Ленина.

Следующая часть статьи посвящена анализу содержания книги «Материализм и эмпириокритицизм». С. И. Вавилов объемно цитировал В. И. Ленина и старался доказать, что он решил «методологические затруднения новой физики», а именно что он сформулировал философски корректное определение материи. И здесь автор допустил еще один любопытный смысловой ход. Традиционно «методология» связана с учением о способах научного познания, а не со способом философского осмысления его результатов. В этой перспективе не вполне ясно, является ли философское определение материи главной методологической проблемой физики. Вероятно, это возможно только с учетом заметного расширения объема понятия методологии. Однако этот смысловой ход позволил автору завершить анализ «Материализма и эмпириокритицизма» тезисом о том, что книга может быть полезной для многих поколений физиков.

Внимательное прочтение явно идеологически нагруженной статьи, имеющей скорее ритуальное значение, показывает, что философские вопросы не имели для научного сообщества принципиального значения, хотя вопросы философского мировоззрения волновали многих выдающихся физиков, особенно в эпоху кардинальных изменений в физической картине мира.

Научное сообщество физиков, которое выступает субъектом охарактеризованной методологической конвенции, ретранслирует нормативные требования к физическому познанию. От поколения к поколению ученых переходит знание методологической конвенции, что обеспечивает преемственность научной традиции и цельность физики как науки. Используя эпистемологические понятия А. П. Огурцова, можно сказать, что данная методологическая конвенция есть содержательная часть «методологического сознания ученых».

Так, в отечественной школе физики ученые, занимавшиеся проблемами эпистемологии, не раз обращали внимание на незыблемость методологических норм научного познания. А. Ф. Иоффе исследовал методологию физики в условиях появления новых физических теорий — квантовой теории и теории относительности (см.: [4]). С. И. Вавилов проанализировал понятие физического опыта и функций математического аппарата в физике (см.: [1, с. 151—152, 154—157]). Еще ряд выдающихся отечественных ученых первой половины XX века — Я. И. Френкель, В. А. Фок и др. — писали об особенностях методологии физики (см.: [5; 6, с. 354—365; 8, с. 464—474; 9, с. 1070—1083; 10, с. 259—274]).

Ученые были солидарны в мнении о том, что «математический метод в сочетании с опытом — испытанное орудие физического исследования» [3, с. 353]. Так, выдающийся ученый А. И. Иоффе выразил устоявшееся в научном сообществе физиков конвенциональное представление о методах.

С функциональной точки зрения методологическая конвенция обеспечивает рост научного знания, определяет способ поиска новых научных фактов. В эпоху революционных изменений в физическом знании и научной картине мира она обеспечила незыблемость норм познания. Иными словами, основная функция методологической конвенции в физике — методологическое единообразие в поиске и оценке нового знания. В ходе революционных преобразований в физике методологическая конвенция обусловила возможность четкой демаркации нового научного и псевдонаучного знания.

Устойчивая методологическая конвенция, определяющая общее представление о способах физического познания и обоснования физического знания, обеспечивает единство физики как науки. Помимо этой основной методологической конвенции существуют и другие методологические конвенции, которые касаются частных методов или порядка их применения. Их устойчивость определяется эффективностью в получении научного результата.

Литература

- 1. Вавилов С. И. Собр. соч. Т. 3. Работы по философии и истории естествознания / С. И. Вавилов. М. : Изд-во АН СССР, 1956. 881 с.
- 2. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое / В. Гейзенберг. М.: Наука, 1989. 400 с.
- 3. Иоффе А. Ф. О физике и физиках. Статьи, выступления, письма / А. Ф. Иоффе. Л. : Наука, 1985. 544 с.
- 4. Иоффе А. Ф. Основные представления современной физики / А. Ф. Иоффе. Л. : ГИТТЛ, 1949. 368 с.
- 5. Макаров М. А. О природе физического знания / М. А. Макаров // Вопр. философии. 1947. № 1. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=28 (дата обращения: 28.02.2017).
- 6. Мандельштам Л. И. Полн. собр. тр. Т. 3 / Л. И. Мандельштам. М. : Изд-во АН СССР, 1950. 428 с.
- 7. Семенов Н. Н. Наука и общество. Статьи и речи / Н. Н. Семенов. М. : Hayкa, 1973. 482 с.
- 8. Фок В. А. Об интерпретации квантовой механики / В. А. Фок // Успехи физических наук. 1957. № 4. С. 461—474.
- 9. Фок В. А. Принципиальное значение приближенных методов в теоретической физике / В. А. Фок // Успехи физических наук. 1936. N° 5. С. 1017—1083.
- 10. Френкель Я. И. На заре новой физики / Я. И. Френкель. Л. : Наука, 1970. 384 с.

METHODOLOGICAL CONVENTION DURING THE REVOLUTIONARY TRANSFORMATIONS IN PHYSICS

E. V. Kudryashova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia) helezzya@gmail.com

The paper presents the description of the conventional property of scientific cognition. The author supposes that the convention is all that is accepted as a result of the agreement between some scientists, including methods, the system of symbols, hypotheses, theories, "ethos" of science, the system of values, functions of scientific cognition and presentation of scientific authorities. The article offers the analysis of the convention based on the demarcation of the subject and object of the agreement; the author offers the classification of the scientific conventions. The subject of the convention is a group of scientists who participate in a convention or accept its result as a given. The object of the convention is a piece of scientific knowledge and the process of its acquiring or phenomenon concerned with the science as social institute which is accepted as an agreement. The author analyses a basic methodological convention in physics from the given point of view. The phisicist community considers that mathematics and the physical experiment are the basis for physical cognition and name it the methodological convention. This methodological convention was important during the revolutionary transformations in physics at the beginning of XX century because the conservation of the methodological basis of natural science was essential for paradigm changes. The main function of the convention is a methodological uniformity in the process of search and assessing new knowledge. The methodological convention allows to differentiate a new and pseudo-scientific knowledge while scientific revolution.

Key words: convention, subject and object of convention, method, methodological convention, ideology.

* Grant-supported by Russian Humanitarian Science Foundation № 15-33-01249.

References

- 1. Vavilov S. I. (1956) Sobranie sochineniy. T. 3. Raboty po filosofii i istorii estestvoznaniya [Collected edition. Vol. 3. Philosophy and History of Science Works]. Moscow: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR, p. 881.
- 2. Geyzenberg V. (1989) Fizika i filosofiya. Chast i tseloe [Phisics and Philosophy. Part and whole]. Moscow: Nauka, p. 400.
- 3. Ioffe A. F. (1985) O fizike i fizikah. Stati, vystupleniya, pisma [About physics and physicists. Articles, speeches, letters]. Leningrad: Nauka, p. 554.
- Ioffe A. F. (1949) Osnovnye predstavleniya sovremennoy fiziki [Basic concepts of modern physics]. Leningrad, GITTL, p. 368.
- 5. Makarov M. A. (1947). O prirode fizicheskogo znaniya [On the nature of physical knowledge]. Voprosy filosofii, (1), Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=28 (accessed 28.02.2017).
- 6. Mandelshtam L. I. (1950) Polnoe sobranie trudov. T. 3 [Complete set of works. vol. 3]. Moscow: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR, p. 428.
- 7. Semenov N. N. (1973) Nauka i obschestvo. Stati i rechi [Science and Society. Articles and Speeches]. Moscow: Nauka, p. 482.
- 8. Fok V. A. (1957). Ob interpretatsii kvantovoy mekhaniki [On the the interpretation of quantum mechanics]. Uspehi fizicheskih nauk, (4), pp. 461—474.
- 9. Fok V. A. (1936). Printsipialnoe znachenie priblizhennyh metodov v teoreticheskoy fizike [The fundamental importance of approximate methods in theoretical physics]. Uspehi fizicheskih nauk, (5), pp. 1017—1083.
- 10. Frenkel Ya. I. (1970) Na zare novoy fiziki [At the dawn of the new physics]. Moscow: Nauka, p. 384.

Д. Ю. Лескин диакон храма в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» (г. Саратов, Россия) elli-m@mail.ru

РЕФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА духовных консисторий ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Гармоничное сотрудничество государства и церкви играет важную роль для упорядочения управленческих механизмов. Проблемы практики взаимодействия светских и церковных структур особенно выявлялись в переходные моменты истории России, когда реформирование государственных институтов должно было сопровождаться надлежащей духовной основой; эффективность новелл светской жизни напрямую зависела от взаимодействия с представителями духовенства. Таким временем для России была вторая половина XIX века. Этот период истории является одним из самых интересных для исследования в связи с происходившими в то время политическими, социально-экономическими, культурными и духовными преобразованиями. В это время коренным образом были реформированы практически все сферы жизни государства и общества. Преобразования коснулись и духовной жизни, и церковных институтов Российской империи. В статье рассматривается эволюция института духовных консисторий во второй половине XIX века. Автор изучает влияние судебной реформы Александра II на церковное судопроизводство.

В статье анализируются различные проекты реформирования церковных судов, выдвигавшиеся в то время, приводится реакция на эти проекты общественности. Автор отмечает основную проблему, препятствующую эффективной деятельности церковного суда рассматриваемого периода. Анализируются фактические изменения, коснувшиеся духовных консисторий, последствия и значение таких изменений.

Ключевые слова: церковный суд, духовные консистории, церковное право, судебная реформа.

В настоящее время невозможно представить себе историю нашего государства вне деятельности церкви. Русская Православная Церковь значительным образом повлияла на формирование и развитие как национальной культуры, так и государственных структур России. Вместе с тем можно констатировать недостаточность научно-исследовательской базы в области исследования церковных институтов прошлого. Это прежде всего касается духовных консисторий.

Датой создания духовных консисторий является 15 июня 1742 года. В этот день Святейший Синод издал Указ, по которому в каждой епархии учреждались органы церковного правосудия — духовные консистории [10]. Вместе с тем институт духовных консисторий реформировался на протяжении всего периода своего существования. Особый интерес в этом смысле представляет вторая половина XIX века, поскольку в этот период преобразования коснулись многих общественных, политических и государственных институтов. Как отмечают историки, Александр II уже при вступлении на пре-

стол осознавал необходимость преобразования существующей системы [5]. В итоге реформаторская деятельность императора Александра II затронула все сферы жизни государства и общества Российской империи второй половины XIX века.

Вполне закономерно, что и церковная жизнь не могла остаться в стороне от этих явлений. Эти процессы коснулись и духовных консисторий. Судебные Уставы 1864 года [18] кардинальным образом меняли существующую в государстве судебную систему. Определенные изменения появились и в сфере церковного судопроизводства.

Главной проблемой, которая препятствовала эффективной деятельности церковного суда, являлось совмещение функций управления и судопроизводства. Известно, что разделение административных полномочий с правосудием является важной гарантией беспристрастности, справедливости деятельности судов, способствует утверждению процессуальных ценностей, претворению их в жизнь [8]. Здесь хотелось бы привести интересную работу Н. К. Соколова, содержащую положения по разделению судебных и административных функций духовных консисторий. По мнению Н. К. Соколова, в административных полномочиях часто наблюдались волокита, произвол, суд становился простым средством для прикрытия такого произвола [17]. Ученый отмечал, что в духовных консисториях начальство подавляет правосудие, поскольку существует особый уклад, при котором неповиновение руководству может трактоваться как непослушание, неуважение и т. п. [17].

Соколов Н. К. говорил и о другой проблеме — беззащитности священнослужителей перед духовными консисториями. Это возникало по причине того, что наказания могли назначаться и за намерения, а признание самого факта состава правонарушения зависело от судебного усмотрения. Один и тот же проступок по-разному квалифицировался в различных ситуациях.

Причиной такого положения были, конечно, и законодательные недостатки, когда существовало множество правовых пробелов. Известно, что правовые пробелы разрешаются в основном при помощи института аналогии, однако здесь должны были применяться и основные ценности, принципы и аксиомы действующего права [6]. На основании этого Н. К. Соколов предлагал систематизировать законы в части юрисдикции духовных консисторий. Благодаря этому правоотношения в сфере церковного судопроизводства получили бы большую определенность. Эту инициативу по реформированию системы церковного правосудия поддерживали и светские правоведы. Они также говорили, что в системе духовных консисторий царит произвол и необходимо принимать срочные меры по изменению сложившейся ситуации.

В этот период создавались Комитеты по разработке принципов реформирования церковного суда. Первый такой Комитет был сформирован под началом архиепископа Тверского и Кашинского Филофея (Успенского) в 1865 году. В это время была выработана инициатива по отказу от формального доказывания. Однако фактических результатов работа Комитета не принесла. Святейший Синод выступил против предложений Комитета, вместе с тем отметил необходимость реформирования духовных судов [9].

Следующий Комитет был сформирован по инициативе обер-прокурора Святейшего Синода Д. А. Толстого в 1870 году. Он действовал под началом архиепископа Макария (Булгакова). Этот Комитет видел сущность преобразований в разделении судебной власти и администрации, в

распространении принципов деятельности светских судов (гласность, выборность) на церковный суд.

Цели данного Комитета описывались в прессе того времени следующим образом: «Применить к духовному суду основные начала Судебных уставов 1864 года, ибо исторический опыт доказывает, что Церковь всегда брала для своих учреждений формы, усвоенные гражданским обществом», но вместе с тем определением Святейшего Синода об учреждении Комитета подчеркивалось, что применение начал светских судов должно быть проведено, «насколько это окажется полезным и возможным по свойству, целям и потребностям духовного суда» [3].

Вот как писал Д. А. Толстой про необходимость преобразований: «Некоторые из действующих в нынешнем церковном суде начал не имеют канонических оснований, а приняты единственно только по применению к прежнему, отжившему уже теперь и признанному неудовлетворительным, строю светских судов, так, напротив, некоторые из начал нового судопроизводства имели место в древней Православной Церкви и отчасти в древней Русской; таковы, например, устность и гласность судебного процесса, преобладание обвинительного начала над следственным. Ввиду сего Синод пришел к убеждению в необходимости преобразования судебной части по духовному ведомству» [4].

В результате трехлетней деятельности Комитета был подготовлен проект «О преобразовании духовно-судебной части». В соответствии с данным документом компетенция духовных консисторий распространялась на духовенство и церковнослужителей по тем категориям дел, которые были предусмотрены каноническим правом, но не описывались в гражданских законах. Кроме того, в юрисдикцию органов церковного правосудия входили уголовные дела, сущность которых предполагала их разрешения церковным судом. Сюда относились такие преступления, как «кощунство, отступление и отвлечение от православной веры, нарушение благочиния во время богослужения, оскорбления чести, наносимые духовным и светским лицам, угрозы и насилие, нарушение правил о погребении и о браке, а также употребление в проповедях и духовных речах слов, оскорбительных для добрых нравов и противных благопристойности» [1].

В отношении брачных дел предлагалось архиереям оставить право вынесения итогового решения по расторжению брачных союзов, остальные же дела передать под юрисдикцию светских судов.

Предлагалось учредить несколько инстанций в церковных судах. Низшей инстанцией был единоличный судья, за которым закреплялся определенный участок. Эти судьи выбирались на три года среди духовенства данного участка. В выборах принимали участие священнослужители, представители от приходов, церковнослужители. Эти судьи на период осуществления судебных полномочий не могли одновременно осуществлять административные функции.

Второй инстанцией предлагалось сделать духовно-окружной суд, который распространял свое действие на несколько епархий. Судьи в данном суде должны были избираться на шесть лет, и кандидатуры утверждались епископом. Председатель суда избирался из архиереев, но не должен был совмещать судебные полномочия с административными должностями.

Высшую инстанцию составляло Судебное отделение Святейшего Синода. Здесь судьи назначались самим императором из числа архиереев и священства. В компетенцию данной инстанции входили дела против архиереев, протоиереев армии, членов синодальных контор, членов духовно-окружных судов.

Предлагалось ввести должность прокурора Судебного отделения Святейшего Синода, в полномочия которого входили бы контролирующие функции в отношении всех инстанций.

По словам Е. В. Беляковой, «проект получил резко отрицательную оценку подавляющего большинства архиереев и консисторий» [1]. Таким образом, и второй Комитет не принес практических результатов и был распущен в 1874 году.

В систему духовных консисторий все-таки были внесены некоторые незначительные изменения. Так, в 70-х годах XIX века в духовных консисториях изменился штат сотрудников. Прежде всего, в несколько раз увеличился численный состав служащих консистории. Это было обусловлено расширением функций церковного суда. Кроме того, изменилась и структура духовной консистории. По наиболее актуальным и трудоемким направлениям деятельности создавались специальные комиссии (например, по борьбе с сектами, с расколом и др.). Далее изменились функции отдельных членов консистории. Например, отчеты о деятельности консисторий отправлялись в Синод, минуя местного владыку, которому отдавались копии рапортов. Архиерей же раз в пять лет отправлял в Синод отчеты о своей управленческой деятельности во главе консистории [16].

Изменились требования к членам консистории. Так, служащим в духовном звании те-

перь не обязательно было иметь чин протоиерея. Им достаточно было лишь быть претендентом на этот чин. В качестве требования увеличивался срок службы на одном приходе. Теперь он составлял не менее 15 лет. Испытательный срок увеличился с двух до семи месяцев.

После таких изменений основную часть среди членов консистории в духовном звании занимали благочинные, представленные к чину протоиерея. Практически всем по истечении года службы в консистории был присвоен чин протоиерея.

Так, например, в 1865 году в число членов духовной консистории входил исполняющий обязанности ректора Саратовский духовной семинарии архимандрит Александр, а также четыре протоиерея, ключарь кафедрального собора и иерей [11], который через два года был удостоен сана протоиерея [15].

Что касается духовных правлений, то здесь также имелись некоторые изменения. Увеличился до восьми лет срок службы на одном приходе. Члены духовных правлений должны были иметь духовные награды. Устанавливалось испытание при приеме на службу в два месяца [16]. Особенно усердно правления теперь занимались поддержанием быта священников. Применительно к канцелярским служащим следует отметить, что по сложившейся в Саратовской епархии практике в их число, как правило, зачислялись лица, по их прошению уволенные из духовного звания. Эти лица принимались в большинстве случаев на должность писца второго разряда.

Изменения коснулись и служащих из числа светских лиц. В связи с увеличением количества дел увеличилось и делопроизводство, а следовательно, потребовались дополнительные силы. Это обусловило увеличение в разы светских служащих консистории.

В отношении требований к светским служащим повысился предельный возраст (он составил 58 лет). Стало не обязательным быть дворянином. Испытание при приеме на службу увеличивалось до трех месяцев, а повышение по службе могло быть не ранее чем через пять лет.

Члены духовных правлений теперь назначались только из числа тех, кто служил в консистории более трех лет, причем испытательный срок после приема в правление для них не отменялся и составлял четыре месяца.

Особенно важной и трудоемкой обязанностью для светских служащих было бухгалтерское сопровождение строительства и ремонта церковных помещений.

Этим занималась комиссия во главе с архивариусом. В состав этой комиссии входили 11 человек. Архивариус отчитывался перед секретарем канцелярии, а секретарь утверждал отчет и направлял его в Синод после утверждения архиереем.

Комиссию по составлению отчета также контролировали духовные и светские служащие. Сметы подвергались нескольким перепроверкам, также архиерей мог не сразу утвердить отчет, а направить его на пересмотр.

Такое тщательное ведение смет обусловлено большим количеством злоупотреблений со стороны как светских, так и духовных лиц, допущенных при строительстве, ремонте, реконструкции храмовых и консисторских помещений.

В отношении финансирования — средства, выделяемые от государства на содержание Саратовской консистории, увеличились. Главной причиной такого увеличения финансирования было значительное увеличение числа сотрудников консистории. Помимо государственного субсидирования, увеличилось и количество налогов, поступающих из Саратовской епархии.

Интересен факт, что служба в Саратовской духовной консистории была более сложной и материально не обеспечивала служащих. В истории Саратовского края имеются примеры, когда, например, члены присутствия консистории оставляли должности в церковном суде «как службы непроизводительной для материального обеспечения семейства», предпочитая, в частности, профессуру в Саратовской семинарии [14].

Изменилась и система наказаний, применяемых к провинившимся священнослужителям. Были отменены физические наказания, однако введены другие прещения, как то перевод на время под руководство другого священника, выговор и др. [19].

Размеры штрафа увеличились со 100 до 190 рублей и более в зависимости от тяжести совершенного. Исправительные работы в монастыре теперь составляли от полугода до восьми лет. За штат отправляли на срок более семи лет.

На первый взгляд, наказания были весьма суровы. Однако на практике духовная консистория и поддерживала клир, пыталась исправить, в первый раз старались не применять жесткие меры наказаний, что полностью соответствовало принципам, аксиомам права, а также правовым и христианским ценностям [7].

В исторических документах, посвященных деятельности церковного суда в Саратовской губернии, имеется множество примеров, когда такие штрафы снижались в десятки раз, поскольку и сниженные суммы были значительны для и без того небогатого сословия. Так, например, притч в селе Вязьмина Петровского уезда в лице священника, дьячка и пономаря за предоставление в консисторию исповедной за 1865 год росписи без отметок «кто был и не был у исповеди и святого причастия» оштрафованы на 10 рублей серебром. Этот факт правонарушения и наказания за него подлежал опубликованию в Саратовских епархиальных ведомостях [12].

Согласно еще одному делу, Саратовская духовная консистория оштрафовала дьячка с. Лисичкино Никанора Рябцова на три рубля серебром за то, что он принял к себе на жительство своего отца (дьякона Ивана Рябцова), уехавшего вопреки распоряжению Епархиального начальства и без письменного разрешения благочинного из своего места жительства [13].

Заключенные для покаяния в монастырь в случае исправления могли быть освобождены досрочно. Примером здесь может послужить расследование в 1879 году по делу о пьянстве и неблаговидных поступках священника с. Елшанка Сердобского уезда П. Хитрова, который был отправлен в Саратовский Спасо-Преображенский монастырь, однако через 4 года был досрочно освобожден [2].

Хотелось бы сказать, что в период правления Александра Великого духовная консистория показала свои самые эффективные годы деятельности.

Нарушения в духовной среде на территории Саратовской епархии уменьшились. И всетаки большинство дел, рассматриваемых церковным судом Саратовской епархии, относились к нарушениям, допущенным клириками храмов.

Таким образом, во второй половине XIX века Саратовская духовная консистория подверглась преобразованиям, которые, несомненно, сыграли свою весомую роль в улучшении морального облика духовенства, в повышении авторитета православной церкви в епархии.

Вместе с тем стоит отметить, что в работе церковного суда имелись и свои недостатки. К ним относились очень медленный темп работы чиновников, волокита. Это обусловливало необходимость дальнейшего преобразования церковного судопроизводства с целью повышения эффективности в деятельности рассматриваемого органа церковного управления.

Литература

- 1. Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни / Е. В. Белякова. М., 2004. С. 100.
- 2. Государственный архив Саратовской области. Ф. 135. Оп. 1. Д. 3238.
- 3. Дорская А. А. Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права / А. А. Дорская. СПб., 2007.
- 4. Извлечение из Отчета обер-прокурора Св. Синода за 1870 г. СПб., 1871. С. 264.
- 5. История России XIX— начала XX века: учеб. / под ред. В. А. Фёдорова. М.: Изд-во ЗЕРЦАЛО, 1998. С. 232.
- 6. Мишутина Э. И. Аксиологические аспекты в гражданском процессуальном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э. И. Мишутина. Саратов, 2012. С. 7.
- 7. Мишутина Э. И. К вопросу о соотношении ценностей и аксиом гражданского процессуального права / Э. И. Мишутина // Российский юридический журн. 2010. № 5. С. 181.
- 8. Мишутина Э. И. Справедливость судебных решений в гражданском судопроизводстве: аксиологический подход / Э. И. Мишутина // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 2. C. 22—25.
- 9. Оршанский И. Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному / И. Г. Оршанский. СПб., 1879. С. 214—215.
- 10. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 73. Д. 120. Л. 1.
- 11. Саратовские епархиальные вед. 1865. № 1. URL: http://sipyagin.ucoz.ru/load/0-0-0-142-20.
- 12. Саратовские епархиальные вед. 1865. № 19. URL: http://sipyagin.ucoz.ru/load/0-0-0-142-20.
- 13. Саратовские епархиальные вед. 1866. № 7. URL: http://sipyagin.ucoz.ru/load/0-0-0-142-20.
- 14. Саратовские епархиальные вед. 1866. № 9. URL: http://sipyagin.ucoz.ru/load/0-0-0-142-20.
- 15. Саратовские епархиальные вед. 1867. № 9. URL: http://sipyagin.ucoz.ru/load/0-0-0-142-20.
- 16. Свод законов Российской империи. СПб., 1863. C. 115—117.
- 17. Соколов Н. К. О началах и формах духовного суда ввиду современных потребностей / Н. К. Соколов // Православное обозрение. 1870. Май. С. 822—853; Июнь. С. 973—1010.
- 18. Судебные Уставы 1864 года. М. : Тип. Правительствующаго Сената, 1864. 454 с.
- 19. Устав о церковных наказаниях / Свящ. Собор Православ. Рос. Церкви. М., 1860. С. 25—28.

REFORMING THE INSTITUTE OF ECCLESIASTICAL CONSISTORIES IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE SARATOV REGION)

D. Yu. Leskin

Deacon of the church in honor of the Mother of God "Soothe My Sorrows" (Saratov, Russia) elli-m@mail.ru

The harmonious cooperation between the state and the church plays an important role in streamlining administrative mechanisms. Problems of interaction among secular and church structures were evidently revealed during the transitional periods of Russian history, when the reform of state institutions must be accompanied by the proper spiritual foundation; the efficiency of the social life novels depended on the interaction with the representatives of the clergy. The second half of the XIX century was such time for Russia. This historical period is one of the most interesting for the study due to the contemporary political, social, economic, cultural, and spiritual transformations. At that time almost all spheres of life of the state and society were reformed fundamentally. The changes affected both the spiritual life, and religious institutions of the Russian Empire. The article describes the evolution of the institute of ecclesiastical consistories in the second half of the XIX century. The author examines the impact of the judicial reform of Alexander II on the ecclesiastical proceedings. The article analyzes various projects of ecclesiastical courts reforming which were put forward at that time. It also shows the public response to these projects. The author points out the main obstacles to efficient operation of the ecclesiastical court in the period under review. The article analyzes the actual changes that affected the ecclesiastical consistories, as well as consequences and implications of such changes.

Key words: ecclesiastical court, ecclesiastical consistory, ecclesiastical law, judicial reform.

References

- Belyakova E. V. (2004) Tserkovnyj sud i problemy tserkovnoy zhizni [Ecclesiastical court and problems of church life]. Moscow, p. 100.
- Gosudarstvennyj arkhiv Saratovskoy oblasti [Public Record office of the Samara region]. F. 135. Op. 1. D. 3238.
- 3. Dorskaya A. A. (2007) Vlijanie tserkovno-pravovyh norm na razvitie otrasley rossiyskogo prava [Canonic influence on development of the branches of Russian law]. Saint-Petersburg.
- 4. Izvlechenie iz Otcheta ober-prokurora Sv. Sinoda za 1870 g. [Extract from St. Sinod's report]. St. Petersburg, 1871. p. 264.

- 5. Fyodorova V. A. (1998) Istoriya Rossii XIX nachala XX veka [History of Russia of XIX the early XX century]. Moscow: Izdatelstvo ZERKALO, p. 232.
- 6. Mishutina E. I. (2012) Aksiologicheskie aspekty v grazhdanskom protsessualnom prave [Axiological aspekts in civil procedure law]. Saratov, p. 7.
- 7. Mishutina E. I. (2010) K voprosu o sootnoshenii tsennostey i aksiom grazhdanskogo protsessualnogo prava [On the correlation of values and axioms of civil procedural law]. Rossijskiy yuridicheskiy zhurnal, (5), p. 181.
- 8. Mishutina E. I. (2011) Spravedlivost sudebnyh resheniy v grazhdanskom sudoproizvodstve: aksiologicheskiy podhod [Fairness of the trial proceedings in civil causes: axiological approach]. Arbitrazhnyj i grazhdanskiy protsess, (2) pp. 22—25.
- 9. Orshanskiy I. G. (1979) Issledovaniya po russkomu pravu, obychnomu i brachnomu [Russian law research, common and marriage]. St. Petersburg, pp. 214—215.
- 10. Rossijskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [The Russia State Historical Archive] Fond 796. Op. 73. D. 120. L. 1.
- 11. Saratovskie eparhialnye vedomosti № 1 [Saratov Eparchial journal № 1]. 1865 g. // http://sipyagin.ucoz.ru/load/0-0-0-142-20.
- 12. Saratovskie eparhialnye vedomosti № 19 [Saratov Eparchial journal № 19]. 1865 g. // http://sipyagin.ucoz.ru/load/0-0-0-142-20.
- 13. Saratovskie eparhialnye vedomosti № 7 [Saratov Eparchial journal № 7]. 1866 g. // http://sipyagin.ucoz.ru/load/ 0-0-0-142-20.
- 14. Saratovskie eparhialnye vedomosti N° 9 [Saratov Eparchial journal N° 9]. 1866 g. // http://sipyagin.ucoz.ru/load/0-0-0-142-20.
- 15. Saratovskie eparhialnye vedomosti № 9 [Saratov Eparchial journal № 9]. 1867 g. // http://sipyagin.ucoz.ru/load/0-0-0-142-20.
- 16. Svod zakonov Rossijskoy imperii [The Russian Empire code]. St. Petersburg, 1863, pp. 115-117.
- 17. Sokolov N. K. (1870) O nachalah i formah duhovnogo suda v vidu sovremennyh potrebnostey [On the beginnings and forms of the moral court in the light of current needs]. Pravoslavnoe obozrenie, May, pp. 822—853; June, pp. 973—1010.
- 18. Sudebnye Ustavy 1864 goda [Judical Statutes of 1864]. Moscow: Tipografiya Pravitelstvuyuschego Senata, 1864, 454 p.
- 19. Ustav o tserkovnyh nakazaniyah [Statute of church punishments]. Svyasch. Sobor Pravoslav. Ros. Tserkvi. Moscow, 1860, pp. 25—28.

ВЕСТНИК

И. Д. Митина Ульяновский государственный университет (г. Ульяновск, Россия) snm7151@gmail.com

Т. С. Митина **Ульяновский** государственный университет (г. Ульяновск, Россия) cherritv07@mail.ru

СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТОДА, СТИЛЯ, НАПРАВЛЕНИЯ, ТЕЧЕНИЯ И ШКОЛЫ В РАМКАХ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Особенность искусства состоит в свойственной ей удивительной способности передавать все многообразие и сложность жизни через знаки и символы. Сравнительно-исторический анализ можно отнести к базовым видам анализа, используемым в рамках обучения различным культурологическим дисциплинам наряду с культурологическим, иконографическим, структурным, искусствоведческим, эстетическим, герменевтическим, психоаналитическим.

Человек — это в первую очередь продукт эпохи, общества, культуры. Каждая историко-культурная эпоха наделяет человека особенными, неповторимыми чертами, присущими только данному времени. В результате сравнение позволяет представить мир как единство в многообразии. Поэтому выводы, получаемые в результате применения сравнения, очень важны для осознания художественной культуры как единого целого. В произведении культуры необходимо видеть не только его уникальность и особенности, но и его общечеловеческий подтекст, а также общность с культурой в целом. Художественный метод, стили, направления, течения и школы в искусстве также являются одними из составляющих в рамках анализа художественного произведения. В формировании анализа художественного процесса, помимо собственно художественных, участвуют и общекультурные традиции.

На развитие искусства оказывают воздействие такие формы общественного сознания, как философия, политика, наука, мораль, право, религия. Каждая эпоха рождает свое искусство, свои художественные произведения. Они имеют ярко выраженные отличительные черты. Это и тематика, и принципы восприятия действительности, и ее идейно-эстетическая интерпретация, и система художественно-выразительных средств, с помощью которых окружающий человека мир воссоздается в произведениях искусства.

Ключевые слова: культура, искусство, культурология, анализ, интерпретация, сравнительно-исторический анализ, стиль, направление, художественная школа, художественный метод, манера, течение, живопись, архитектура, цивилизация, художник, творец, эпоха, традиция, творчество.

Сравнительно-исторический анализ — научный метод, с помощью которого путем сравнения выявляется общее и особенное в явлениях культуры, достигается познание различных исторических ступеней развития одного и того же явления или двух разных сосуществующих явлений. Сравнительно-исторический метод позволяет выявить и сопоставить уровни в развитии изучаемого объекта, произошедшие изменения, определить тенденции развития. Можно вычленить различные формы сравнительноисторического анализа:

- сравнительно-сопоставительный анализ, который выявляет природу разнородных объектов;
- историко-типологическое сравнение, которое объясняет сходство не связанных по своему происхождению явлений одинаковыми условиями генезиса и развития;

- историко-генетическое сравнение, при котором сходство явлений объясняется как результат их родства по происхождению;
- сравнение, при котором фиксируются взаимовлияния различных явлений [3].

Сравнительно-исторический анализ основывается, с одной стороны, на сравнении — простейшей познавательной операции выявления сходства или различия объектов, а с другой на принципах историзма, согласно которым действительность рассматривается в перспективе постоянного изменения во времени. В результате сама операция сравнения позволяет представить мир как единство в многообразии. Поэтому выводы, получаемые в результате применения сравнения, очень важны для осознания художественной культуры как единого целого.

Человек — это в первую очередь продукт эпохи, общества, культуры. Каждая историкокультурная эпоха наделяет человека особенными, неповторимыми чертами, присущими только данному времени. Проблемы, которые в большей степени тревожат человека в данную эпоху и которые он заинтересован разрешить, окружающая его социальная действительность, его отношение к ней, к природе и, наконец, к самому себе делают личность неповторимой и в то же время обусловленной историко-культурной эпохой.

Этап цивилизации имеет свои культурноисторические эпохи. Критерий выделения культурно-исторических эпох может быть разным, в зависимости от позиции и интересов исследователя. Ранее в советской науке преобладал формационный подход. Он базировался на понимании культуры как совокупности материальных и моральных благ. В свое время ценность этой концепции была в том, что она противостояла узкому толкованию культуры как только сферы духовной жизни общества. Недостаток этой концепции в том, что из понятия «культура» фактически исключалось деятельностное начало, мысль концентрировалась не на самой деятельности человека как движущей силе развития культуры, а на конечных, ценностных результатах этой деятельности. Выделялись такие культурно-исторические эпохи, как первобытная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и социалистическая культуры. При этом подходе не учитывалось, что в течение одной формации может варьироваться духовная атмосфера в обществе и существовать несколько культурно-исторических эпох. Например, в течение первобытнообщинной формации существовало два типа культуры: 1) культура собирательства и охоты и 2) культура раннего земледелия и скотоводства. В течение феодальной формации существовала культура средневековья, культура Возрождения, культура барокко и классицизма.

Кандинский В. В. в трактате «О духовном в искусстве» говорит о принципе внутренней необходимости, который является «чисто художественным» принципом, отражающим единство индивидуального, историко-культурного и вневременного в творчестве художника.

Внутренняя необходимость обусловливается, в свою очередь, тремя необходимостями:

- 1) каждый художник, как творец, должен выразить то, что ему свойственно (индивидуальный элемент);
- 2) каждый художник, как дитя своей эпохи, должен выразить то, что присуще этой эпохе (элемент стиля во внутреннем значении, со-

стоящий из языка эпохи и языка своей национальности, пока национальность существует как таковая);

3) каждый художник, как служитель искусства, должен давать то, что свойственно искусству вообще (элемент чисто и вечно художественного, который проходит через всех людей, через все национальности и через все времена; этот элемент можно видеть в художественном произведении каждого художника, каждого народа и каждой эпохи; как главный элемент искусства он не знает ни пространства, ни времени) [1].

Только третий элемент, по мнению В. В. Кандинского, элемент «чисто и вечно художественного», не только «не теряет с течением времени своей силы», но, наоборот, его сила постепенно возрастает. «Египетская пластика сегодня волнует нас, несомненно, сильнее, чем могла волновать своих современников; она слишком сильно была с ними связана печатью времени и личности, и в силу этого ее воздействие было тогда приглушенным. Теперь мы слышим в ней неприкрытое звучание вечности — искусства. С другой стороны, чем больше «сегодняшнее» произведение искусства имеет от первых двух элементов, тем легче оно найдет доступ к душе современника. И далее, чем больше наличие третьего элемента в современном произведении искусства, тем сильнее он заглушает первые два и этим самым делает трудным доступ к душе современников. Поэтому иной раз должны миновать столетия, прежде чем звучание третьего элемента достигнет души человека» [1].

Таким образом, преобладание третьего элемента в художественном произведении является признаком его величия и величия художника. Эти три необходимости, по В. В. Кандинскому, являются тремя непременными взаимопроникающими элементами художественного произведения, что является выражением целостности произведения. При этом чисто и вечно художественное является объективным элементом, который становится понятным с помощью временно-субъективного — выражения эпохи и выражения себя художником.

В любом феномене культуры необходимо видеть не только его уникальность и особенности, но и его общечеловеческий подтекст, а также общность с культурой в целом. Сравнение изначально предполагает некую оппозицию. Существование же в режиме постоянного оппозиционного сравнения изначально характерно для культуры, так как культура осознает себя в категориях сравнения (чтобы осмыслить свою

ВЕСТНИК 2017

культуру, надо посмотреть на нее чужими глазами, как бы извне).

В творчестве наиболее выдающихся представителей того или иного художественного направления концентрируется дух времени, парадигма общекультурного развития, поэтому важнейшей интерпретационной установкой художественного произведения является принцип историзма, который требует рассмотрения явления, породившего художественное произведение, в его развитии (как возникло, какие этапы в своем развитии прошло, чем является сейчас) и взаимосвязи с другими явлениями [7].

Художественный метод, стили, направления, течения и школы в искусстве также являются одними из составляющих в рамках анализа художественного произведения. В формировании анализа художественного процесса, помимо собственно художественных, участвуют и общекультурные традиции. На развитие искусства оказывают воздействие такие формы общественного сознания, как философия, политика, наука, мораль, право, религия.

Художественный метод — это определенный способ познания действительности, своеобразный способ ее оценки, способ обратного моделирования жизни. Исходным и определяющим в появлении и распространении художественного метода является конкретно-историческая действительность, она образует как бы его объективную основу, на которой возникает тот или иной метод.

Поэтому в рамках одной общественноэкономической формации могут сосуществовать различные методы художественного творчества. Временные границы художественных методов не следует понимать буквально. Ростки новых методов обычно появляются в произведениях, созданных на основе старых методов. Вместе с тем очевидно и другое: группы художников в пределах одного и того же художественного метода сближаются между собой по ряду основных признаков творчества и его практическим результатам. Такое явление в искусстве получило название стиль.

Искусство развивается всегда во взаимодействии с художественным наследием. Художественное наследие — все исторически непреходящее в культуре, созданной в предшествующие эпохи, художественные ценности прошлого, имеющие общенациональную или общечеловеческую значимость. Из художественного наследия формируется традиция.

Традиция — это память художественной культуры, это актуальное и современное в ее

арсенале, это то наследие, которое живо сегодня, то прошлое, которое важно для наших современников. Традиции и новаторство — между этими полюсами, в поле их взаимодействия расположено все искусство каждой эпохи: его художественные качества, средства, форма, идейно-тематическое содержание, характер его гуманистической обращенности к личности. Традиция — память. Но память не абсолютна, она избирательна. Культура всегда помнит и хранит лишь то, что нужно современности, и в том виде, в котором оно актуально. Культура каждой новой эпохи «помнит» прошлое не в неизменном, а в преобразованном, приспособленном к современности виде. По существу, традиция это актуализированная культура прошлого. Это путь мобилизации опыта прошлого в интересах настоящего. Традиции впитывают в себя основные достижения культуры, которые непреходящи и не зависят от того, большой или маленький народ создал эту традицию.

Не все новое в искусстве — новаторство. Новаторство — существенное изменение искусства, способствующее приращению выразительных средств, углублению и развитию художественной концепции, расширению смысла, углублению идейно-эмоционального воздействия на личность, а в прикладных искусствах и архитектуре также совершенствованию функциональности. Новаторство — изменение, ведущее искусство по пути прогресса, способствующее повышению художественно-концептуальных возможностей произведения. Самое яркое новаторство опирается на традицию, и самая новаторская художественная культура требует бережного отношения к художественному наследию.

Художественный стиль — это эстетическая категория, отражающая относительно устойчивую общность основных идейно-художественных признаков творчества, обусловленная эстетическими принципами художественного метода и свойственная определенному кругу творцов искусства.

Стиль (лат. stilus, stylus, от греч. stэlos — остроконечная палочка для письма) — устойчивое единство образной системы, выразительных средств, характеризующее художественное своеобразие тех или иных совокупностей явлений искусства, будь то крупная художественная эпоха, отдельное художественное направление или манера отдельного художника [8].

Термин «стиль» употребляется в различных значениях, в современной теории стиля существуют различные мнения об объеме этого понятия: иногда с ним связывают весь комплекс

сложных диалектических взаимоотношений содержания и формы в искусстве, иногда ограничивают его структурой образа и художественной формой; однако вне зависимости от той или иной трактовки понятия стиля подчеркивается глубокая обусловленность формальных структур художественного произведения социальным и культурно-историческим содержанием эпохи, творческим методом и мировоззрением художника.

Не менее важно, что эта обусловленность не имеет прямого, механического характера, поскольку стилистические признаки могут сохраняться и тогда, когда искусство существенно меняет свое идейно-художественное содержание (особенно в таких складывавшихся веками стилях, как, например, готика или классицизм); в результате стили, выступавшие в период своего подъема и расцвета носителями художественной правды и образной глубины (например, классицизм), в период кризиса и упадка могли вырождаться в носителей консервативных, безжизненных доктрин.

Понятие стиля имеет как бы несколько уровней. Слово «стиль», происходящее от названий античного инструмента для письма, уже в древнем мире стало обозначать литературный слог, индивидуальную манеру. Оно и ныне употребляется для обозначения индивидуальных художественных особенностей, присущих творчеству писателя, художника, музыканта (например, стиль Микеланджело или Э. Делакруа) или даже отдельному периоду его деятельности (например, стиль позднего Рембрандта) [6].

Понятие стиля широко используется в истории искусств и при определении типичных для какого-либо периода художественных направлений или тенденций, обладающих специфическим сочетанием стилевых признаков. Как характер и границы, так и наименования таких стилей («стилевых направлений») многообразны, а иногда весьма произвольны. Так, «звериный стиль» в искусстве Евразии, зародившийся в эпоху железного века и в отголосках сохранявшийся до периода средних веков, объединяет в себе разные этапы и формы почитания священного зверя и стилизации изображений реальных зверей. В изобразительном искусстве древнегреческой классики выделяют «строгий стиль», в изобразительном искусстве поздней готики — «мягкий стиль», в советской живописи конца 1950-х — начала 1960-х гг. — «суровый стиль» и т. д. Стилями именуют иногда и устойчивые особенности искусства какого-либо народа, в дальнейшем ставшие предметом эклектического подражания или стилизации («древнеегипетский стиль», «китайский стиль», «русский стиль» и др.) [8].

Однако поскольку не любой признак общности в искусстве (в частности, признак его национальной принадлежности) есть непременный признак стиля, такие наименования обычно не имеют характера научного определения.

Важное место в истории пластического искусства занимает категория «исторического стиля» — этапа истории искусства, когда вырабатывалась цельная художественная система, обнимающая различные виды искусства и художественной культуры, обладающая внутренним (содержательным) и внешним (формальным) единством и создающая единый образнопластический строй в произведениях архитектуры, изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Таковы стили древневосточного искусства Египта и Месопотамии, античного искусства эпох архаики, классики и эллинизма, прероманский, романский и готический стили в средние века, стили эпохи Возрождения, барокко, классицизм. Эти стили имеют не только более или менее четкие хронологические, но и географические границы. Наиболее тщательно изучены и описаны европейские стили, но не меньшее значение в общем историко-художественном процессе имеют основные стили искусства Азии, Африки, Древней Америки, Океании.

Искусство в своем развитии не всегда кристаллизуется в завершенную форму исторического стиля, обладающего общим для всех родов и видов искусства образно-пластическим строем, последовательно развитым содержанием и столь же последовательно выраженной художественной формой.

Поэтому наиболее правомерно применять это понятие стиля к тем этапам истории искусства, когда образуется наиболее прочное единство архитектуры, изобразительного и декоративно-прикладного искусства, когда художественная культура носит наиболее цельный характер и проявляет себя в создании синтеза искусств, целостного художественного ансамбля. Как правило, в ранние периоды развития искусства стиль был единым, всеобъемлющим, строго подчиненным господствующим религиозно-идеологическим нормам; в пределах общего стиля выделяются крупные пласты художественной культуры (официальный, фольклорный) и местные школы, но отдельные направления и индивидуальности не всегда различимы.

Ведущая роль в формировании стиля безраздельно принадлежит архитектуре, подчиняющей себе живопись, скульптуру, прикладное искусство. В дальнейшем самостоятельность видов искусства возрастает и одновременно происходит их слияние на основе глубокого стилистического родства. Так, храм эпохи древнегреческой классики включает в свой художественный организм скульптуру, имеющую самостоятельную образную выразительность, но теснейшим образом связанную со всей структурой и общим замыслом здания. Средневековый готический собор вбирал в себя не только разнообразные скульптурные изображения, но и все виды пластических искусств, а также музыку, театр, поэзию. Значение художественной индивидуальности здесь повышается, но индивидуальные манеры отдельных мастеров строго соответствуют нормам стиля и являются его высшим и наиболее совершенным выражением [4, 5].

В новое время, с эпохи Возрождения, индивидуальный стиль начинает играть новую роль: например, стили Микеланджело, Тициана или А. Дюрера, будучи высшими проявлениями стиля, господствовавшего в их эпоху, никак не исчерпываются его общей характеристикой. Вместе с тем в пределах крупнейших историкокультурных эпох (например, античного искусства или европейского искусства средневековья и нового времени) каждый новый исторический стиль теряет какую-то часть своей всеобщности по сравнению с более ранними историческими стилями

Цельность стиля может подвергаться размыванию, дроблению. Уже стиль искусства эпохи эллинизма более многолик и многосоставен, чем древнегреческая классика и древневосточные культуры, которые ему предшествовали. Еще более резкая грань отделяет стили средних веков от стилей нового времени, когда отдельные исторические стили уже не исчерпывают все художественное содержание эпохи (так, в эпоху Возрождения «классическим» историческим стилем является искусство Италии, искусство же Северного Возрождения не укладывается в рамки этого стиля); в то же время многие крупные мастера (Рембрандт, Д. Веласкес, А. Ватто, Ф. Гойя и др.) вообще не могут быть помещены в рамки какого-либо исторического стиля.

Поэтому некоторые исследователи наряду с понятием исторического стиля выдвигают более широкое понятие «стиля эпохи», «художественной эпохи», охватывающее все художественные проявления эпохи, как обладающие стилевым единством, так и имеющие «внестилевой» характер. В качестве критериев стилевой общности в этом понятии выдвигаются единые для эпохи фундаментальные принципы мировос-

приятия и творческого мышления. Усложнение картины мира, дифференциация мировоззренческих установок способствуют нарастанию противоречий внутри стиля (тенденции классицизма внутри барокко, тенденции сентиментализма и романтизма внутри классицизма и т. д.), что усиливает гибкость, подвижность границ между стилями, нарушает прежнюю всеобщность синтеза искусств и в конечном счёте ведет к распаду исторических стилей, к их вытеснению отдельными стилевыми направлениями.

Станковое искусство в наибольшей мере отрывалось от идеальных норм синтетического, целостного понимания стиля и становилось «миром в себе», отражающим многообразие и противоречивость реальных жизненных явлений. Это создало конфликт между традиционной «стильностью» искусства, которую эстетические концепции классицизма приравнивали к строгому следованию нормативному идеалу прекрасного, и развитием реализма.

В XIX веке основой художественного процесса становится не смена исторических стилей, а сложное взаимодействие стилевых направлений и творчества крупных индивидуальностей, борьба между омертвевшими канонами стиля, культивировавшимися академизмом и реалистическими принципами отражения жизни. «Бесстилие» (точнее, многостилие, эклектизм) в архитектуре, распад стилистической общности изобразительного искусства, в сфере которого крепнущий реализм переплетался с тенденциями романтизма и позднего классицизма, возмещались яркостью индивидуального стиля крупнейших мастеров XIX века (Ж. О. Д. Энгр, Делакруа, О. Домье, Г. Курбе, И. Е. Репин, В. И. Суриков и др.). Во второй половине XIX — начале XX века возникает (первоначально в изобразительном искусстве символизма и первой волны неоклассицизма) тяготение к новому синтезу искусств, к воскрешению органичности «большого стиля», реализовавшееся к концу XIX века в стиле «модерн» [8].

В этой обстановке «борьбы за стиль» формируются теории стиля как одного из основных понятий истории искусства: у швейцарца Г. Вёльфлина, австрийца А. Ригля стиль, несколько односторонне осмысленный как последовательно выраженная чисто формальная структура, предстал в качестве специфической категории искусства, одного из принципов его исторического развития. Однако попытки их последователей осмыслить весь мировой художественный процесс как последовательную смену стилей не увенчались успехом.

В искусстве XX века совокупная картина общего художественного развития значительно усложняется и не поддается исчерпывающему анализу в категориях стиля. Кардинальные художественные процессы зарождаются и формируются на более глубинных уровнях, чем те, на которых происходят обычно стилевые сдвиги. Быстрая смена разнородных и разноликих течений в модернизме свидетельствует о поиске нового языка и форм для поиска своего места в искусстве [3].

Важной эстетической категорией, отражающей художественную практику, является художественное направление. Эта категория практически часто отождествляется с методом творчества, стилем. Тем не менее творческий метод — это способ познания действительности и ее художественное моделирование, но сам по себе он еще не является эстетической реальностью. Реальностью обладают лишь плоды художественного творчества, произведения искусства, создаваемые тем или иным творческим методом.

Следовательно, основной единицей динамики развития истории искусства выступает не творческий метод, а художественное направление, т. е. совокупность произведений, сближающихся друг с другом по ряду существенных идейно-эстетических признаков. Другими словами, художественный метод материализуется в художественном направлении. Развитие, становление и противоборство художественных методов преломляется в художественном направлении. Но оно тесно связано со стилем.

Художественное направление — это крупнейшая и наиболее емкая единица художественного процесса, охватывающая эпохи и системы искусства. Оно позволяет судить о целом историческом периоде в художественной культуре и целой группе художников. В нем преломляются художественно-идеологические, мировоззренческо-эстетические особенности художественного развития.

Художественное направление — генеральная категория диалектики художественного развития. Направление — поле напряжения, рождающееся между двумя полюсами: методом, ориентирующим художника на определенный тип отношения к миру, и стилем, ориентирующим на определенное отношение к художественной традиции. Направление — одна из центральных проблем эстетики, точка схождения теории и истории художественного процесса. Здесь объединяются проблемы произведения и художественного развития.

Каждая эпоха рождает свое искусство, свои художественные произведения. Они имеют ярко выраженные отличительные черты. Это и тематика, и принципы восприятия действительности, и ее идейно-эстетическая интерпретация, и система художественно-выразительных средств, с помощью которых окружающий человека мир воссоздается в произведениях искусства. Такие явления в развитии искусства принято называть художественным методом.

Разграничения внутри художественного направления носят относительный характер. К основным художественным направлениям относятся мифологический реализм античности, средневековый символизм, реализм эпохи Возрождения, барокко, классицизм, просветительский реализм, сентиментализм, романтизм, критический реализм XIX века, реализм XX века, социалистический реализм, экспрессионизм, сюрреализм, экзистенционализм, абстракционизм, поп-арт, гиперреализм и др. Таким образом, историческое развитие искусства предстает собственно как исторический процесс возникновения и смены художественных методов, стилей и направлений.

Художественное течение — категория искусствознания. В отличие от направления, творческого метода и стиля, художественное течение не выражает принципиального отношения художника к действительности. Течение представляет собой частное явление, которое складывается внутри исторических типов искусства, художественных направлений и исторических художественных стилей. Художественным течением называют такие художественные движения, которые образуются в определенных национальных, исторических условиях и объединяют группы художников, стоящих на разных эстетических принципах в рамках одного художественного метода и одного вида искусства, с целью решения конкретных творческих задач.

Поэтому неправомерно определение стилистическое направление; правильно — стилистическое течение. Так, например, в искусстве классицизма (как художественного направления) складываются историко-региональные художественные стили французского неоклассицизма второй половины XVIII века, русского классицизма второй половины XVIII — начала XIX века. По отношению к последнему такие явления, как екатерининский классицизм, александровский классицизм, московский классицизм, можно рассматривать либо на уровне историко-региональных стилей, либо в качестве стилистических течений. В искусстве романтизма в конце XVIII — начале XIX века развивались стилистические течения — неоклассическое, неоготическое, символическое.

В период Модерна рубежа XIX—XX вв. также существовали различные течения: снова неоклассическое и неоготическое, в России к ним добавилось неорусское, во Франции — Ар Нуво, или флоральный стиль (течение). Статус историко-регионального стиля или стилистического течения зависит от принятой иерархии понятий в конкретном регионе. Особенности того или иного художественного течения могут воплощаться в творчестве мастеров определенной школы. Принципиально важным является соблюдение иерархии понятий «художественное направление», «стиль», «течение», «школа».

Подобная структура складывается в истории искусства относительно поздно - в постренессансный период (конец XVI — середина XVII века) и отражает многообразие творческих поисков, персонализацию творчества, которые стали возможны после идеологического размежевания художников на классиков и романтиков в их отношении к классическому наследию.

Понятие «художественная школа» употребляется чаще всего для обозначения национальных и провинциальных разветвлений художественного направления.

Школа (через польск. szkola из лат. schola от греч. schole — «досуг, занятие в свободные часы, чтение, беседа») — понятие истории искусства, которое определяется общностью и преемственностью основных принципов формообразования, конструктивных и технических приемов.

Школа объединяет мастеров, близких по творческим устремлениям — мировоззрению и мироощущению, творческому методу, манере и технике работы. Школа является более частным, узким понятием по отношению к категориям исторического типа искусства, художественного направления, стиля и течения. Понятие школы имеет собственную многоуровневую структуру: в школы художников объединяют по признакам национальной и этнической принадлежности, территории, близости к выдающемуся мастеру, работе его мастерской или связи с определенным учебным заведением. Отсюда многозначность содержания термина «школа» и трудности его применения к конкретным явлениям художественной жизни.

Школа — наиболее субъективное определение, в котором концентрируются личностные, индивидуальные характеристики творчества художника (еще более конкретно-индивидуаль-

ными являются определения манеры и техники). В Древней Греции «схолой» называли отдых, место встречи учителя с учениками в тени деревьев или колоннад афинских храмов. Занятия обычно проводили в садах либо в специальных зданиях: гимнасиях, стоях. Местом проведения неторопливых бесед философа с учениками или хозяина дома с гостями были схолии — галереи с сиденьями вокруг бассейна, портики, ниши эдикулы. Схолии сооружали в общественных местах, на площадях древнегреческих городов, отсюда понятие «философская школа». По свидетельству Плиния Старшего (I век н. э.), первую школу рисунка основал живописец Эвпомп (ок. 420—380 гг. до н. э.) в древнегреческом г. Сикионе, значение школы было столь велико, что в результате ее деятельности традиционное деление художников по происхождению на эллинов и азиатов сменилось иным, более конкретным, по трем школам: ионийская, сикионская и аттическая. В этом свидетельстве примечательно объединение понятием «школа» двух признаков: деятельности конкретного учителя и места действия. В дальнейшем взаимодействие этих двух факторов оказывалось определяющим [3, 4].

Содержательно, идеологически понятие школы выше стиля, оно тяготеет к художественному направлению, но в то же время уже, поскольку локальнее во времени и пространстве. Так, в искусстве Древней Греции, помимо названных, в VI-V вв. до н. э. формировались афинская, самосская, коринфская школы.

В эллинистическое время складывались региональные, главным образом провинциальные школы: александрийская, пергамская, родосская. На рубеже Средневековья и эпохи Возрождения в связи с централизацией государственной власти и формированием национального самосознания в западноевропейском искусстве возникали предпосылки для объединения творчества художников по национальным школам: итальянской, французской, английской. Однако этому процессу противодействовала концентрация художественной жизни не по государственным границам, а по крупнейшим историческим центрам — городам с собственными историкокультурными традициями. Так складывались наиболее известные в истории школы: венецианская, флорентийская, болонская, неаполитанская, умбрийская, сьенская, феррарская, парижская и винчестерская школы книжной миниатюры, владимиро-суздальская школа архитектуры и белокаменной резьбы, новгородская и московская школы архитектуры и иконописи и многие другие.

Художественная школа — это конкретное, локальное проявление художественного направления, стиль же, согласно крылатой фразе И. Винкельмана, «может явиться только после школы». Однако в таком определении содержится значительная доля условности. Например, если в западноевропейском искусстве основным фактором, даже в Средневековье, была индивидуальность мастера, руководителя артели, боттеги, ремесленного цеха, то в древнерусском искусстве, даже в эпоху «русского ренессанса», решающее значение имела не индивидуальность мастера, а местная традиция, проявляющаяся в особом подборе красок, технических приемах и материалах, своеобразном толковании канона.

В традиционном искусстве Востока, в Китае и Японии школы, вне зависимости от места, возникали вокруг деятельности знаменитого мастера, а также в связи с традициями техники исполнения, заменяя тем самым европейские понятия жанра. В Италии XV—XVI вв. художники освобождались от опеки ремесленного цеха и узкого круга местных заказчиков.

Главной идейной предпосылкой создания школы стала независимость и творческая свобода мастера. На севере Европы условия были иными, творчество даже выдающихся мастеров строго регламентировалось. Отсюда столь необычное явление, как формирование школы вокруг мастера, но вне пределов его собственной мастерской, например, школа А. Дюрера, школа Х. Хольбайна.

Многие выдающиеся художники имели учеников, но не оставили после себя школы. Гениальный Микеланджело всю жизнь был одинок, Леонардо да Винчи окружил себя учениками, но они не продолжили его искусство. Огромное количество учеников имел великий Рембрандт, но они остались, за исключением К. Фабрициуса и С. Д. фан Хоохстратена, неизвестными. Мало известны ученики Рафаэля, П. Рубенса, А. Ван Дейка. Понятием школы часто объединяют историко-региональные, но весьма различные по существу явления: общности духовных устремлений, по территориальному признаку, по стилистике изображения, по родственным связям, по происхождению, по конструктивным новациям.

Определение школы, особенно в истории живописи, является исходным при атрибуции художественных произведений: выяснении места и времени их создания. Поэтому расплывчатость самого понятия «школа» вынудило мастеров атрибуции вводить дополнительные определения.

Так возникло выражение «мастерская художника», под которым объединяются произведения, созданные учениками и помощниками выдающегося мастера, возможно, под его наблюдением либо по его эскизу, картону, подмалевку, но без его непосредственного участия. В этом случае термин «школа» относят к произведениям, возникшим под влиянием мастера, но за пределами его собственной мастерской.

Определение «круг художника» имеет еще более опосредованное отношение к личности создателя школы. Этот термин свидетельствует лишь о косвенном влиянии выдающегося художника на работу других мастеров, стилистически они могут быть весьма различными, их объединяют идеи, темы, сюжеты. Одна мастерская может соединять разных людей единовременно для осуществления разовых работ — акциденций.

Сложность при выяснении особенностей конкретной школы состоит также в том, что начиная с XVII века в мастерских выдающихся мастеров в Италии, Голландии, Германии создавали произведения и их реплики в двух «манерах» — «для знатоков» и «для невежд», добротного и низкого качества.

Первые предназначались для просвещенных коллекционеров, вторые — для рынка. Все они имели подпись мастера, но такая подпись означает не авторство, а только права собственности хозяина мастерской на всю ее продукцию. Так, например, Рембрандт ставил подпись на многие картины, выполненные его учениками и подмастерьями. Рубенс подписывал работы, по которым он лишь один-два раза «проходился» кистью. Примерно такое же значение имеют марки, клейма в декоративно-прикладном искусстве, где понятие школы в значительной степени опосредовано особенностями производства и новациями в области технической обработки материалов. Интенсивное развитие и взаимодействие стилистических течений, объединений, групп художников приводило к тому, что с середины XIX века понятие национальной школы стало размываться. Так, живописцы французской школы разделились на два непримиримых лагеря: классиков и романтиков. Импрессионисты восстали против тех и других. В начале XX века испанцы X. Грис и П. Пикассо создавали во Франции кубизм. Еврей А. Модильяни, родившийся в Италии, работал в Париже. К какой национальной школе отнести этих художников? Авангардисты и абстрактивисты вообще не имели родины: немецкий живописец Х. Арп, испанец Х. Миро, россиянин немецких корней В. В. Кандинский, поляк из Киева К. С. Малевич. Традиционное понятие школы вытеснялось временными объединениями, декларациями, манифестами. Космополитизм характерен, в частности, для искусства постмодернизма.

Еще одно значение термина «школа» — единство принципов, методов, методики и техники обучения искусству, художественному ремеслу, манере, технике, способам достижения профессионального мастерства. Отсюда правомерность объединения художников вокруг того или иного учебного заведения. Противоположные понятия: автодидакт (самоучка), самодеятельное искусство. Однако и в последнем значении качества школы связаны с явлением стиля.

В академическом и салонном искусстве отсутствует стилистическое своеобразие, с этим обстоятельством связано язвительное замечание Э. Фромантена о салонной живописи середины XIX века, которая якобы «делится на различные школы... но в действительности существуют только таланты, более или менее предприимчивые, без определенных теорий... интересующиеся лишь ловкостью кисти». В итоге следует заключить, что применение термина «школа» в истории искусства в каждом отдельном случае требует уточняющих определений.

Число стилей и направлений огромно, если не бесконечно. Ключевым признаком, по которому произведения можно группировать по стилям, являются единые принципы художественного мышления. Смена одних способов художественного мышления другими (чередование типов композиций, приемов пространственных построений, особенностей колорита) не случайна. Исторически изменчиво и наше восприятие искусства. Выстраивая систему стилей в иерархическом порядке, будем придерживаться европоцентристской традиции. Наиболее крупным в истории искусства является понятие эпохи. Для каждой эпохи характерна определенная «картина мира», которая складывается из философ-

ских, религиозных, политических идей, научных представлений, психологических особенностей мировосприятия, этических и моральных норм, эстетических критериев жизни, по которой и отличают одну эпоху от другой. Таковы Первобытная эпоха, эпоха Древнего мира, Античность, Средние века, Возрождение, Новое время.

Стили в искусстве не имеют четких границ, они плавно переходят один в другой и находятся в непрерывном развитии, смешении и противодействии. В рамках одного исторического художественного стиля всегда зарождается новый, а тот, в свою очередь, переходит в следующий. Многие стили сосуществуют одновременно, и поэтому «чистых стилей» вообще не бывает.

В одну и ту же историческую эпоху могут сосуществовать несколько стилей. Например, Классицизм, Академизм и Барокко в XVII столетии, Рококо и Неоклассицизм — в XVIII, Романтизм и Академизм — в XIX. Такие стили, как, например, классицизм и барокко, называют большими стилями, поскольку они распространяются на все виды искусства: архитектуру, живопись, декоративно-прикладное искусство, литературу, музыку.

Следует различать художественные стили, направления, течения, школы и особенности индивидуальных стилей отдельных мастеров. В рамках одного стиля может существовать несколько художественных направлений. Художественное направление складывается как из типичных для данной эпохи признаков, так и из своеобразных способов художественного мышления. Стиль модерн, например, включает ряд направлений рубежа веков: и постимпрессионизм, и символизм, и фовизм, и т. д. С другой стороны, понятие символизма как художественного направления хорошо разработано в литературе, в то время как в живописи оно очень размыто и объединяет художников, настолько разных стилистически, что часто трактуется лишь как объединяющее их мировоззрение.

Литература

- 1. Кандинский В. В. О духовном в искусстве / В. В. Кандинский. М., 1979.
- 2. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике искусства / Ю. М. Лотман. СПб., 2002.
- 3. Митина И. Д. Анализ и интерпретация произведений культуры в контексте культурологического подхода : учеб. пособие / И. Д. Митина, А. В. Мартыненко, М. В. Моисеева. Ульяновск : УлГУ, 2013. 362 с.
- 4. Митин С. Н. Учебное пособие по курсу лекций «Имиджелогия» / С. Н. Митин, Т. С. Митина. Ульяновск : УлГУ, 2013.
- 5. Панофски Э. Смысл и толкование изобразительного искусства / Э. Панофски. СПб., 1999.
- 6. Успенский Б. А. Семиотика истории. Семиотика культуры / Б. А. Успенский // Успенский Б. А. Избр. ст. : в 2 т. / Б. А. Успенский. М., 1994. Т. 1.
- 7. Угринова О. И. Сравнительно-исторический анализ художественных произведений на уроках мировой художественной культуры в основной школе / О. И. Угринова. М., 2001.
- 8. Популярная художественная энциклопедия / под ред. В. М. Полевого. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1986.

SPECIFICITY OF ARTISTIC METHOD, STYLE, TRENDS AND SCHOOLS AS PART OF A COMPARATIVE HISTORICAL ANALYSIS OF A WORK OF ART

I. D. Mitina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia) snm7151@gmail.com

T. S. Mitina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia) cherrity07@mail.ru

Art feature is characterized by its extraordinary ability to transmit the diversity and complexity of life through signs and symbols. Comparative historical analysis can be considered as one of the basic types of analysis used in the framework of training for various cultural disciplines along with cultural, iconographic, structural, art history, aesthetic, hermeneutic, psychoanalytical.

A man is, first of all, a product of the era, society and culture. Each historical and cultural epoch gives people special, unique features, intrinsic to this time.

As a result, the comparison allows us to represent the world as unity in diversity. Therefore, the conclusions obtained as a result of the comparison, are very important for the understanding the art culture as a whole. In a work of art we should recognize not only its uniqueness and peculiarities, but also its general human overtones, as well as the culture of the community as a whole. Artistic method, styles, and trends in art school could also be the components in the analysis of a work of art. Analysis of the artistic process involves both artistic and general cultural traditions.

The development of art is affected by the forms of social consciousness, philosophy, politics, science, morality, law, religion. Each era produces its art, its works of art. They have strong distinctive features, which could be the theme, the principles of reality perception, its ideological and aesthetic interpretation, and the system of artistic and expressive means which help a person recreate the world in works of art.

Key words: culture, art, culturology, analysis, interpretation, comparative and historical analysis, style, direction, art school, artistic method, manner, trend, fine art, painting, architecture, civilization, artist, creator, epoch, tradition, creativity.

References

- 1. Kandinsky V. V. (1979) O duhovnom iskusstve [Concerning the Spiritual in Art]. Moscow.
- 2. Lotman Yu. M. (2002) Statji po semiotike iskusstva [Articles on the semiotics of art]. St. Petersburg.
- 3. Mitina I. D., Martynenko A. V., Moiseeva M. V. (2013) Analiz i interpretatsiya proizvedeniy kultury v kontekste kulturologicheskogo podhoda [Analysis and interpretation of works of culture in the context of the cultural approach]. Ulyanovsk: UIGU, 362 p.
- 4. Mitin S. N., Mitina T. S. (2013) Proc. manual for the course of lectures "Imageology". Ulyanovsk: UIGU.
- 5. Panofsky E. (1999) Smysl i tolkovanie izobrazitelnogo iskusstva [Meaning and interpretation of art]. St. Petersburg.
- 6. Uspenskiy B. A. (1994) Semiotika istorii. Semiotika kultury [Semiotics of history. Semiotics of Culture]. Moscow.
- 7. Ugrinova O. I. (2001) Sravnitelno-istoricheskiy analiz hudozhestvennyh proizvedeniy na urokah mirovoy hudozhestvennoy kultury v osnovnoy shkole [Comparative-historical analysis of works of art at the lessons of world art culture in basic school]. Moscow.
- 8. Polevoy V. M. (1986) Populyarnaya hudozhestvennaya entsiklopediya [Popular art encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

Е. Ю. Федосеева
Новоульяновская средняя школа № 2
(г. Новоульяновск, Россия) spese-86@mail.ru

СПЕЦИФИКА РАЦИОНАЛЬНОСТИ В БОГОСЛОВСКОМ ПОЗНАНИИ*

В статье рассматривается вопрос о возможности применения понятия рациональности к богословскому познанию и приводится описание специфики подобной богословской рациональности. Для этого исследуется понимание рациональности в классической и неклассической эпистемологии, рассматриваются различные типы рациональности.

Автор говорит о возможности рассмотрения богословской рациональности, следующей некоторым принципам неклассической рациональности. В целом же она выходит за рамки идеалов научной (классической или неклассической) рациональности. Современное богословие, которое выступает как полноценное знание в рамках неклассической эпистемологии, включает в себя примат веры над знанием, но придает разуму одно из ключевых мест в религиозном познании. Это означает признание и несомненную важность разума, то есть его необходимое присутствие в богословии, что служит признаком рациональности в нем.

Познавательный процесс в богословии проявляется в сосуществовании как дискурсивной методологии получения знания о Боге, так и духовных практик достижения богообщения. Это позволяет выявить основные эпистемологические основания богословского познания. Ими можно считать приоритетность взаимодействия познающего субъекта и познаваемого объекта (Бога) и сочетание рациональных и нерациональных методов получения знания. Данные специфические черты богословской рациональности дают возможность для нормального развития богословской науки.

Ключевые слова: богословская рациональность, вера и разум, неклассическая эпистемология.

* Исследование поддержано грантом РГНФ № 16-13-73004/16 «Богословское сообщество: структура и познавательные особенности».

Рассмотрение особенностей богословского познания требует разбора гносеологических терминов, которые были предложены эпистемологами, занимавшимися исследованием познавательных сообществ во второй половине XX века. Одним из таких терминов является рациональность, которую в самом общем смысле принято связывать с разумностью. Присутствие рациональности в богословии — вопрос достаточно противоречивый, поскольку богословие непосредственно связано с той или иной религией, а любая религия — апелляция не к разуму, а вере. Однако при более глубоком рассмотрении термин «рациональность» оказывается намного полнее, чем просто разумность, а присутствие разума в богословии обусловлено его спецификой как процесса познания и подтверждается исторически. Если можно выявить признаки рациональности в богословии, то необходимо выяснить, какими специфическими чертами будет обладать подобная рациональность.

Понятие рациональности является достаточно сложным, и исторически оно постоянно уточнялось. В самом общем смысле рациональность связывается с мышлением — его пользой, надежностью, целесообразностью и общезначимостью. Это некое проникновение в теоретический мир, где мышление ищет способы распознавания скрытых связей и взаимодействий. М. Вебер описывает рациональность как точный расчет адекватных средств для определенной цели [1, с. 56], Л. Витгенштейн — как наилучшую адаптированность к обстоятельствам, Ст. Тулмин — как логическую обоснованность правил деятельности [8]. У. Дрей рациональным считает всякое объяснение, которое стремится установить связь между убеждениями, мотивами и поступками человека [10, с. 37]. А. Никифоров утверждает, что рациональность следует рассматривать трояко: как соответствие «законам разума», как «целесообразность» и как цель науки. И. Т. Касавин видит в рациональности характеристику не только познания, но и человеческой деятельности вообще. Он выделяет основные группы признаков, которыми исследователи пользуются при описании рациональности: эпистемические — доказательность, логичность, истинность и т. д. и деятельностные целесообразность, эффективность, экономичность и пр. [2, с. 62]. При всей многозначности данного понятия его смысл можно свести к природной упорядоченности реальности, отраженной в разуме; к концептуально-дискурсивному пониманию мира; к нормам и методам научного исследования и деятельности (что в этом случае позволяет отождествить рациональность с научной методологией) [6, с. 284—285].

Понятие рациональности связывается в первую очередь с разумом. Проблема соотношения разума и веры в богословии поднималась на протяжении многих веков. Однако разум и вера, обладающие разной степенью значимости в зависимости от времени и места, всегда оставались основными средствами познания. Это подтверждает С. С. Неретина, рассматривая проблему разума и веры и выделяя три основных периода в их взаимоотношении: до X века, когда разум и вера опирались на авторитет; X—XII вв., когда начинает ставиться вопрос о верификации авторитетного суждения разумом и когда происходит дисциплинарное разделение теологии и философии; XIII—XIV вв., когда признается теория двойственной истины, предполагающей сосуществование двух видов истины: истин веры и истин разума. Автор также отмечает, что у этих периодов существовали и общие черты: признание высшей разумной силы, для познания которой требовалась вера; признание ограниченности человеческого разума в сравнении с Божественной Премудростью, но участие ума в акте познания наравне с другими способностями человека [5, с. 101].

Таким образом, несмотря на изменяющиеся представления о значимости и приоритете веры или разума в познании, в зависимости от эпохи или географии, эпистемологи полагают, что в современной научной, философской и религиозной практике присутствуют оба эти элемента. Современное богословие, которое выступает как полноценное знание в рамках неклассической эпистемологии, включает в себя примат веры над знанием, но придает разуму одно из ключевых мест в религиозном познании. Это означает признание и несомненную важность разума, то есть его необходимое присутствие в богословии.

Таким образом, наличие разума в процессе богословского познания служит признаком рациональности в нем.

Исторически рациональность принято относить к такой форме познавательной деятельности, как наука, и периоду классической гносеологии. Однако в конце XX века в эпистемологии произошли существенные изменения и сложилась ситуация, допускающая отклонение от строгих норм и предписаний научной рациональности. Познание перестало отождествляться только с наукой, а знание — с результатом только научной деятельности. Рациональность стала пониматься шире.

Проблема исторических типов рациональности была предметом рассмотрения многих отечественных исследователей XX века. Традиционной является точка зрения В. С. Швырева на существование двух типов научной рациональности — классического и неклассического [12, с. 114—170]. Первый тип рациональности опирается на идеал исключения из процесса познания всего, что связано с субъектом и его познавательными способностями. Второй тип рациональности характеризуется взаимодействием субъекта и объекта в процессе познания и учитывает связь знаний, получаемых об объекте, со средствами и способами их получения субъектом. Признается активное участие субъекта в процессе познания. На первый план выходит не исключение всех помех со стороны сопутствующих факторов и средств познания, а уточнение их роли и влияния на познавательную деятельность субъекта. Внимательное отношение к характеристикам взаимоотношений субъекта и объекта в процессе познания является важным моментом в понимании особенностей неклассического типа научной рациональности.

Богословие не является наукой в ее классическом понимании и приобретает более высокий эпистемологический статус и свое значение в виде полноценного знания в неклассической эпистемологии. Оно не может полностью соответствовать какому-либо из научных типов рациональности, поскольку характеристики его познавательной деятельности выходят за рамки научности. Однако эпистемологическое рассмотрение богословия как формы познания ведет к необходимости выяснения его отношений к понятию рациональности. Поскольку большинство богословских дисциплин можно охарактеризовать как гуманитарные, то рациональность в виде определенного порядка мышления (как упорядосистемность, целерациональность), безусловно, присутствует в них. Необходимо вы-

ВЕСТНИК 2017

яснить основополагающие характеристики богословской рациональной деятельности.

Кандидат философских наук, заведующий кафедрой систематического богословия и патрологии Богословского факультета ПСТГУ П. Б. Михайлов в труде «Категории богословской мысли» характеризует христианскую рациональность как рациональность особого рода, отмечая в ней взаимосвязь дискурсивного и духовного опыта. Автор видит разумную составляющую богословского познания в интеллектуальной деятельности богословов, в рациональной способности и деятельности человеческого разума. По его мнению, рациональное мышление в богословии занимает важное место в процессе получения знаний.

Истину в богословии получают через восприятие божественных проявлений — энергий с помощью рациональных способностей человека. Однако так как разумные способности достаточно ограничены и составляют лишь наши представления об истине, поиск соответствия между представлениями и действительностью и есть путь к истине. Но интеллектуальные усилия человека (опыт мысли) в поиске истины оказываются абсолютно бесполезными без божественных энергий (опыта веры). «Воплощение божественной реальности в богословских понятиях — это прямой результат Божественного Откровения, это запечатленная божественная энергия. И богословское понятие есть точка встречи с божественной энергией» [3, с. 46]. «Нельзя разобщить акт веры и факт богословия» [3, с. 44].

Таким образом, христианское познание оказывается рациональным за счет поиска истины с помощью рациональных способностей человека и веры. Это рациональность особого рода. П. Б. Михайлов утверждает, что богословская рациональность имеет двойное основание: с одной стороны, запредельное человеческому опыту, с другой — укорененное в самом человеческом существовании. По его мнению, «рациональность и есть основная форма христианского богословия...» [3, с. 47]. Так, богословская рациональность коренится в нераздельности опыта веры и опыта мысли, веры и разума, что является ценным выводом для понимания важности рациональных принципов в богословии.

Важной характеристикой богословия является то, что оно включает в себя не только сферу дискурсивной практики получения знания, но и сферу духовных практик приобретения религиозного опыта. Поэтому, во-первых, можно говорить о том, что в целом богословие включает в себя как рациональные (теоретические), так и

иррациональные (мистические) способы познания. Во-вторых, субъект познания включен в этот процесс и в случае приобретения религиозного опыта в результате духовных практик непосредственно взаимодействует с объектом. Из вышесказанного следует, что богословская рациональность соответствует некоторым принципам неклассической научной рациональности. Однако богословие в целом выходит из области научности за счет специфических способов, методов получения и доказательности знания существования религиозной веры и духовных практик и критерия достоверности получаемого знания (нахождения в пределах религиозной традиции).

Степин В. С. добавляет к двум разработанным в эпистемологии научным типам рациональности еще третий, выходящий из области науки, тип — постнеклассический [9, с. 18]. Данный взгляд на исторические типы рациональности поддержан пока немногими исследователями, но достаточно интересен для выявления специфики богословской рациональности. Постнеклассический тип рациональности характеризуется вниманием не только к средствам и методам познавательной деятельности субъекта (то есть научным структурам), но и к его социальным ценностно-целевым установкам [7, с. 93—111]. Данную характеристику можно отнести к рациональности в богословии, поскольку процесс богословского познания всегда в определенной степени направлен на достижение конечной цели религиозного субъекта. Основными целями субъекта в христианском богословии могут быть прирост нового знания, защита, оправдание религиозной традиции и приближение к спасению. Православная религиозная традиция в конечном счете ориентирует верующего субъекта на достижение спасения. П. А. Флоренский говорит по этому поводу: «Если онтологически религия есть жизнь нас в Боге и Бога в нас, то феноменалистически — религия есть система таких действий и переживаний, которые обеспечивают душе спасение» [11, с. 334]. Поэтому любое получаемое богословское знание осмысливается в сотериологической перспективе. Следовательно, учет целенаправленности конфессиональной традиции, в которой находится субъект, необходим для оценки его перспективы и результатов познания.

Основные принципы неклассической эпистемологии также накладывают свой отпечаток на богословскую рациональность. Посткритицизм свидетельствует о вписанности познающего субъекта в ту или иную конфессиональную традицию. Отказ от фундаментализма свидетельствует о невозможности существования жестких норм получения знания [4, с. 9—15]. В богословии это проявляется в сосуществовании как дискурсивной методологии получения знания о Боге, так и духовных практик достижения богообщения.

Рациональность в богословии, таким образом, сочетает в себе следующие характеристики. Она предполагает собой вписанность познающего субъекта в ту или иную конфессиональную традицию, важность ценностно-целевых установок субъекта, возможность выхода за строгие рамки научных методов (единство как рациональных, так и нерациональных форм познания), проявление творческого начала исследователя (применение своих собственных методов, привнесение индивидуального духовного религиозного опыта). Одним из основных принципов богословской рациональности является принцип внимательного отношения к взаимосвязи субъекта и объекта, средств познавательной деятельности субъекта и природы объекта. Поэтому можно говорить, что богословская рациональность следует некоторым принципам неклассической рациональности, в целом же выходит за рамки идеалов научной (классической или неклассической) рациональности.

Эпистемологическими основаниями богословского познания можно считать приоритетность взаимодействия познающего субъекта и познаваемого объекта (Бога) и сочетание рациональных и нерациональных методов получения знания. Данные специфические черты религиозной рациональности дают возможность для нормального развития религиозной науки.

Литература

- 1. Вебер М. Избранное. Образ общества: пер. с нем. / М. Вебер. М.: Юрист, 1994. 704 с. С. 56.
- 2. Касавин И. Т. О социальном содержании понятия «рациональность» / И. Т. Касавин // Философские науки. 1985. — № 6. — C. 60—67.
- 3. Михайлов П. Б. Категории богословской мысли / П. Б. Михайлов. М.: Изд-во ПСТГУ , 2013. 310 с. С. 44, 46, 47.
- 4. На пути к неклассической эпистемологии / РАН, Ин-т философии ; отв. ред. В. А. Лекторский. М. : ИФРАН, 2009. —
- 5. Неретина С. С. Вера и разум / С. С. Неретина // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. — С. 101—105.
- 6. Никифоров А. Л. Философия науки: история и методология / А. Л. Никифоров // Библиотека учебной и научной литературы. — М., 1998. — URL: http://www.sbiblio.com/biblio/archive/nikiforov_filnauki/00.aspx (дата обращения: 23.12.2014). — C. 284—285.
- 7. Порус В. Н. Эпистемология: некоторые тенденции / В. Н. Порус // Вопр. философии. 1997. $\mathbb{N}^{\circ}$ 2. С. 93—111.
- 8. Рациональность // Национальная философская энциклопедия. URL: http://terme.ru/dictionary/189/word/racionalnost (дата обращения: 27.10.2013).
- 9. Степин В. С. Философская антропология и философия науки / В. С. Степин. М.: Высш. шк., 1992. 191 с.
- 10. Философия и методология истории : сб. ст. / ред. И. С. Кон. М. : Изд-во «Прогресс», 1977. 336 с. С. 37.
- 11. Флоренский П. А. Разум и диалектика / П. А. Флоренский // Русская философия, конец XIX начало XX века. Антология: учеб. пособие / вступ. ст. А. А. Ермичева, сост. и примеч. Б. В. Емельянова, А. А. Ермичева. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1993. — 592 с. — С. 333—342.
- 12. Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность / В. С. Швырев. М. : Прогресс-Традиция, 2003. — 176 с. — C. 114—170.

SPECIFICS OF RATIONALITY IN THEOLOGICAL KNOWLEDGE

E. Y. Fedoseeva

Novoulyanovsk Secondary School № 2 (Novoulyanovsk, Russia) spese-86@mail.ru

The article discusses if it is possible to apply the concept of rationality to theological knowledge. It also describes the specific of such theological rationality. The author considers the concept of rationality in a classical and nonclassical epistemology and investigates various types of rationality.

The author theoretizes that there are some similar principles in theological and nonclassical rationality.

In general theological rationality is beyond standards of scientific (classical or nonclassical) rationality. Modern theology acts as a full knowledge within the nonclassical epistemology and contains the primacy of belief over knowledge, but it gives to reason one of key places in religious knowledge. It means that the reason is recognized as a very important thing, that is its necessary presence in theology is a sign of rationality.

Cognitive process in theology manifests in coexistence both discourse methodology of obtaining knowledge about God, and spiritual practices to communicate with God. It allows to reveal the main epistemological principles of theological knowledge. One of them can be priority of interaction between the cognizing subject and a knowing object (God), as well as combination of rational and irrational methods of obtaining knowledge. These peculiar features of theological rationality contribute to the normal development of theological science.

Key words: theological rationality, belief and reason, nonclassical epistemology.

* Grant supported by Russian Humanitarian Science Foundation № 16-13-73004/16.

References

- 1. Weber M. (1994) Izbrannoe. Obraz obschestva [Selection. An image society]. Moscow: Yurist, 704 p., p. 56.
- Kasavin I. T. (1985) O sotsialnom soderzhani ponyatiya ratsionlnost [About social content of the concept "rationality"]. Filosofskie nauki, (6), pp. 60—67.
- 3. Mikhaylov P. B. (2013) Kategorii bogoslovskoy mysli [Categories of a theological thought]. Moscow: Izd-vo PSTGU, 310 p., pp. 44, 46, 47.
- 4. Lektorsky V. A. (2009) Na puti k neklassicheskoy epistemologii [On the way to a nonclassical epistemology]. Moscow: IFRAN, 237 p., pp. 9—15.
- 5. Neretina S. S. (2009) Vera i razum [Belief and mind]. Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki. Moscow: "Canon +" ROOI "Reabilitatsia", pp. 101—105.
- Nikiforov A. L. (1998) Filosofiya nauki: istoriya i metodologiya [Philosophy of science: history and methodology]. Moscow, Library of educational and scientific literature. URL: http://www.sbiblio.com/biblio/archive/nikiforov_filnauki/00.aspx (date of the address: 23.12.2014), p. 284—285.
- 7. Porus V. N. (1997) Epistemologiya: nekotorye tendentsii [Epistemology: some tendencies]. Philosophy questions, (2), pp. 93—111.
- 8. Ratsionalnost [Rationality]. National philosophical encyclopedia. URL: http://terme.ru/dictionary/189/word/racionalnost (date of the address: 27.10.2013).
- 9. Stepin V. S. (1992) Filosofskaya antropologiya i filosofiya nauki [Philosophical anthropology and philosophy of science]. Moscow: Vysshaya shkola, 191 p., p. 18.
- 10. Kohn I. S. (1997) Filosofiya i metodologiya istorii: sbornik statey [Philosophy and methodology of history: collection of articles]. Moscow: Progress, 336 p., p. 37.
- 11. Florensky P. A. (1993) Razum i dialektika [Reason and dialectics // the Russian philosophy, the end of XIX the beginning of the 20th century]. Anthology: the education guidance / will enter. A. A. Ermichev's article, creation and B. V. Yemelyanov, A. A. Ermichev's notes. St. Petersburg: Publishing house C. the St. Petersburg university, 592 p., pp. 333—342.
- 12. Shvyrev V. S. (2003) Ratsionalnost kak tsennost kultury. Traditsiya i sovremennost [Rationality as culture value. Tradition and modernity]. Moscow: Progress-Traditsiya, 176 p., pp. 114—170.

Е. Е. Шабалкина Ульяновский государственный университет (г. Ульяновск, Россия) shabalkina@inbox.ru

НЕЙРОЭТИКА КАК ЭТИКА НЕЙРОНАУКИ*

В статье обозначаются два подхода к определению предметного поля нейроэтики как этики культурной нейронауки. Во-первых, нейроэтика понимается как этика нейронауки и часть биоэтического знания. Подчеркивается, что биоэтика сегодня это не только область междисциплинарных исследований, возникшая на стыке медицины, экспериментальных исследований с участием человека и этики, но и социальный институт этических комитетов. Рассматриваются некоторые из актуальных проблем нейроэтики сквозь призму принципов биоэтики «не навреди», «делай благо», уважения автономии пациента и справедливости, а также правил правдивости, конфиденциальности и информированного согласия. Обозначаются моральные дилеммы в сфере применения достижений современной нейронауки: способов «когнитивного усовершенствования», социальной политики обеспечения доступа к новым ресурсам, использования новейших технологий для предсказания некоторых аспектов поведения и склонностей личности. Определяются существенные черты нейроэтики: ее открытый характер, непосредственная связь с практикой нравственного поведения, диалоговая модель принятия решений, общественная значимость проблем, широкое влияние их решений буквально на все сферы социальной жизни, делается вывод о трансдисциплинарном характере нейроэтики. Указывается на второе возможное понимание предмета нейроэтики как исследования нейронных оснований морального поведения и способов морального освоения действительности. В этом случае мы касаемся проблем онтологического статуса самой морали и морального субъекта. Этот аспект представляется особенно важным, так как затрагивает философско-мировоззренческие основания нейроэтических проблем, такие важные категории, как «личность», «субъект», «сознание», «свобода», «ответственность».

Ключевые слова: культурная нейронаука, нейроэтика, биоэтика, принципы и правила биоэтики.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-03-00117а «Социальнокультурная революция в нейронауке: предпосылки и значение для логики, эпистемологии и философии науки».

Характеризуя современную ситуацию в науке, можно с уверенностью констатировать поистине революционные изменения, происходящие в сфере исследований головного мозга. Своеобразным показателем этих изменений является формирование особой междисциплинарной области исследований, связанных с изучением структуры и функций мозга, получившей название «культурная нейронаука». Предметным полем нейронауки являются процессы, происходящие на уровне отдельных нейронов, их сетей, связанные с ними психические процессы и когнитивные способности: мышление, эмоции, память, воля, сознание и в первую очередь их зависимость от социокультурых факторов. Исследования нервной системы ведутся в нейронауках на разных уровнях организации: от молекулярного до изучения самосознания, творческих способностей, социального поведения. С развитием культурной нейронауки связано появление таких дисциплин, как нейрофилософия, нейроэкономика, нейросоциология, нейробиология, нейроинформатика, нейроэтика и т. д.

Нейроэтика может рассматриваться с двух позиций. Во-первых, как преломление проблем нейронауки в сфере биоэтики, как своеобразная этика нейронауки. В данном случае нейроэтика может быть понята как часть биоэтики, поскольку она занимается этическими, социальными и правовыми последствиями открытий в нейронауке и их применения.

Определяя нейроэтику как часть прикладнго этического знания, возникающего на границе

ВЕСТНИК 2017

культурной нейронауки и биоэтики, мы получаем возможность понять ее конституирующие черты сквозь призму сущностных характеристик биоэтического знания. Современный этап в развитии этики характеризуется не только новым практическим материалом, требующим этической рефлексии, но и новым пониманием проблем морали, ее предмета и задач. Процесс, характеризующий глубинные, сущностные изменения этики, Л. В. Коновалова называет «гуманизацией», поворотом этики к феноменам индивидуального человеческого существования [4, с. 5]. Биоэтика сегодня — это не только область междисциплинарных исследований, возникшая на стыке медицины, экспериментальных исследований с участием человека и этики, но и социальный институт этических комитетов. Биоэтика как часть прикладной этики «работает» с вопросами моральной допустимости применения достижений научного развития, нравственной ответственности ученого, влияния научнотехнического развития на сущностные характеристики человека. Биоэтические принципы и правила были сформулированы в связи с новыми угрозами человеческой жизни и достоинству, развитием и технологизацией медицины и стали своеобразным ответом на научно-технические инновации [7, 8].

К сфере исследований в нейроэтике можно отнести следующие основные области: «последствия открытия нейронауки для понимания самости, субъективности, свободы воли и ответственности; средства и инструменты социальной политики, обеспечивающие доступ к новым ресурсам и сферам здравоохранения и образования; терапевтические интервенции и достижения в терапевтической практике; общественное обсуждение проблем и обучение» [2, с. 11]. Не претендуя на полноту, остановимся на некоторых проблемах, возникающих в обозначенных областях исследований, и рассмотрим их сквозь призму биоэтических принципов «не навреди», «делай благо», уважения автономии пациента и справедливости, а также правил правдивости, конфиденциальности и информированного согласия.

Первую группу таких проблем можно обозначить как «когнитивные усовершенствования» [2, 3, 5]. Они связаны с реальными возможностями современной нейронауки и фармацевтики значительно повлиять на качество когнитивных способностей человека: увеличить объем памяти, скорость восприятия информации, улучшить концентрацию внимания или добиваться обратных эффектов, подавляя память, например, для устранения последствий стрессовых ситуаций. Важно заметить, что получаемые улучшения будут превосходить те эффекты, которые возможно получить «естественным» путем через формирование определенных навыков, стимулирование интереса или упорные тренировки. В данном случае речь идет не только о терапевтическом использовании достижений нейронауки. Моральные проблемы возникают при неклиническом использовании таких интервенций, когда показателем является не патология, а желание самой личности улучшить качество жизни или, как вариант, профессиональные и социально-статусные требования. Поэтому биоэтический принцип «делай благо» приобретает более широкое значение, и следование ему далеко не однозначно. Какие изменения и в каком объеме допустимы? Необходимо ли вводить ограничения по использованию этих «улучшителей» для определенных профессий или видов деятельности, например, прохождения тестов при приеме на работу или сдачи экзаменов? Не превратится ли стимулирование мозговой активности в квалификационные требования для некоторых профессий (учёных например)? Возможно ли при этом игнорировать некоторые побочные эффекты применения этих препаратов, например, возникновение тяги к азартным играм, ради достижения блага человечества? Не окажется ли избавление от рассеянности или раздражительности с помощью специальных препаратов такой же обязанностью, как соблюдение чистоплотности? Какое представление о благе позволит найти однозначный ответ на эти вопросы? Как далеко могут зайти такие вмешательства, не вызывая вопросов о сохранении самости человека? Мыслительный эксперимент, позволяющий ответить на вопрос, что можно изменять в человеке и до каких границ, чтобы мы по-прежнему считали его человеком, приобретает особую актуальность, если мы изменяем мозг. Ведь именно мозговая активность определяет сознательные процессы, а следовательно, во многом и наше «Я».

Открытия в культурной нейронауке, превращенные в технологии, становятся новым ресурсом в сфере образования и здравоохранения. Как практически любой ресурс, эти технологии (особенно на первых порах) являются дефицитными, их доступность и распределение — это не только управленческая, но и этическая проблема. Речь идет о реализации биоэтического принципа справедливости. Знания, полученные в различных отраслях нейронауки, позволяют не только решать терапевтические задачи

диагностики и лечения различных заболеваний мозга, но и, как уже было указано, выступать средствами улучшения когнитивных способностей человека. Существует опасность появления еще одного вида неравенства. Реальная возможность получить «улучшенный мозг» для одних и, как следствие, конкурентные преимущества в широком смысле и отсутствие таких перспектив у других, вплоть до их дискриминации. С другой стороны, целый веер нравственных дилемм обнаруживается при анализе использования этих достижений властью или для власти. По-видимому, делом ближайшего будущего окажется обнаружение «мозговых» показателей лжи, то есть обнаружение нейронного коррелята лжи. Джуди Иллес и Стефани Дж. Бёрд в своей статье «Нейроэтика: этика нейронауки в современном контексте» указывают на реальные достижения в этом направлении исследований [2, с. 14]. Следствиями использования этих знаний могут стать как явно положительные в социальном плане результаты, например, исключение судебных ошибок или прозрачность политических кампаний, так и очень тревожные: отсутствие интеллектуальной автономии как невозможность скрыть информацию или политический контроль за инакомыслие. Но даже положительные следствия применения подобных открытий, превращение их в широко используемые технологии не гарантируют отсутствия моральных проблем, а именно проблемы ложно положительных результатов. И тогда то, что представлялось панацеей от ошибочных судебных вердиктов, станет их источником. Можно сказать, что это «воскрешение» проблемы использования полиграфа, но на новом уровне знаний и технологий. Обнаружение лжи — это только формальный итог, ничего не говорящий о ее содержании и причинах. Сохранится ли право отказа от этой процедуры или она станет обязательной и с новой остротой поставит проблему автономии личности, защиты индивидуальной конфиденциальности и информированного согласия?

Наконец, особую группу составляют проблемы применения новейших технологий для предсказания некоторых аспектов поведения и склонностей личности [5]. Сегодня речь идет не только об обнаружении на нейронном уровне предрасположенности к некоторым заболеваниям или пониженному потенциалу развития. Хотя и здесь обнаруживается круг трудноразрешимых проблем на стыке био- и нейроэтики: использования и сохранения конфиденциальности этой информации, особенно в случаях, когда излечение обнаруженных заболеваний оказывается невозможно, добровольности проверки с помощью подобных методик и т. д. Дело касается предрасположенностей к «социальным» болезням: наркомании, алкоголизму, агрессивности и преступному поведению. Основополагающие принципы права, понятие правонарушения могут претерпеть существенные изменения в связи с перспективой знания о склонностях к опасным социальным девиациям. Информация о конкретной личности, которая открывает применение этих технологий, способна изменить жизнь не только конкретного человека и его ближайшего окружения, но и преобразить облик общества. Как отмечает Б. Г. Юдин, очень трудно оказывается определить грань между терапевтическим вмешательством, целью которого является предотвращение аномалии или ее искоренение, и воздействием, направленным на улучшение человека, получение у него желаемых свойств и характеристик. Корень проблемы заключается в отсутствии четких критериев болезни и здоровья, нормы и патологии и в медицинском, и в социальном смысле [10, с. 261—281].

Рассмотрение нейроэтики как части биоэтического знания позволяет яснее увидеть ее существенные характеристики. Во-первых, ее открытый характер, невозможность однозначного и единственно правильного решения, всегда и везде работающей схемы, а потому уникальность, «частность» решений. Во-вторых, невозможность решения на уровне теоретических размышлений, их непосредственная связь с практикой нравственного поведения с достаточно четкой ориентацией на конкретные социальные сферы, необходимость профессиональной строгости оценки, регулирования и контроля. В-третьих, наличие противоположных нравственных оценок этих проблем среди специалистов и в общественном мнении, а потому публичность и диалоговый характер принятия решений при реальном столкновении интересов различных социальных субъектов. В-четвертых, особая общественная значимость проблем, невозможность ограничить их рамками определенного типа социальных связей, например, врач — пациент, экспериментатор — испытуемый, их широкое влияние буквально на все сферы общественной жизни. И, наконец, настоятельная необходимость переосмысления моральных представлений, норм, оценочных суждений, их связей и иерархий, появление новых установок и запретов в конкретных областях социального взаимодействия. В завершение следует отметить, что нейроэтика, так же как и

биоэтическое знание, имеет, безусловно, характер трансдисциплинарный. Профессиональные дискурсы специалистов в области медицины, исследований мозга, генетики оказываются недостаточными и для формулировки возникающих проблем, и тем более для их осмысления и разрешения. Необходимо объединение знаний философских, юридических, богословских, естественно-научных дисциплин с одновременным выходом за узкодисциплинарные границы знаний и методологий [9, с. 72].

Вторым аспектом в понимании нейроэтики является ее представление как исследования нейронных оснований морального поведения и способов морального освоения действительности. В этом случае мы касаемся проблем онтологического статуса самой морали и морального субъекта. Решение этого вопроса в теории морали представляет многообразные вариации, располагающиеся между двумя крайними позициями. Первая являет собой своеобразную «натурализацию» морали, «взгляд снизу», когда мораль понимается как непосредственно вырастающая из социальных инстинктов животных. Вторая крайность отказывает морали в какихлибо природных основаниях, противопоставляет моральность «злому», эгоистичному природному началу и рассматривает ее как чисто социальный феномен. Достижения в социальной и куль-

турной нейронауке заставляют по-новому взглянуть на проблему понимания источников и сущности морали. Современная революция в нейронауке изменяет представления об основаниях человеческой деятельности, приводит к отказу от идеи универсальности познающего субъекта. Факты культурной, деятельностной и нейробиологической детерминации человеческой активности заставляют пересмотреть представления о процедуре целеполагания и нормативно-этического оформления деятельности. Результаты исследований показывают, культура способна оказать существенное влияние на характер процессов мозговой деятельности, вплоть до изменения их генетических основ. А изменение так называемой «природы» человека делает его склонным к определенным аспектам восприятия природной и социальной реальности, формам и характеру активности по ее преобразованию [6]. Иными словами, можно говорить об адекватности модели «коэволюции генома человека и его культуры» в понимании формирования и развития морали [1]. Этот аспект представляется особенно важным, так как затрагивает философско-мировоззренческие основания нейроэтических проблем, такие важные категории, как «личность», «субъект», «сознание», «свобода», «ответственность» и потому заслуживает отдельного разговора.

Литература

- 1. Бажанов В. А. Современная культурная нейронаука и природа субъекта познания: логико-эпистемологические измерения / В. А. Бажанов // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. XLV, № 3. С. 135—151.
- 2. Иллес Дж. Нейроэтика: этика нейронауки в современном контексте / Дж. Иллес, С. Дж. Бёрд // Человек. 2015. № 6. C. 5—23.
- 3. Каплан А. Лучшее враг хорошего? / А. Каплан // В мире науки. 2003. № 12. С. 84—85. URL: https://new.vk.com/doc260654063_332686192?hash=901de4545e13aeb3fd&dl=071f5bdc8ba4f09e79 (дата обращения: 28.07.2016).
- 4. Коновалова Л. В. Прикладная этика / Л. В. Коновалова. М. : Мысль, 2000.
- 5. Костанди М. Мозг человека. 50 идей, о которых нужно знать / М. Костанди. М.: Фантом-Пресс, 2015.
- 6. Лекторский В. А. Возможны ли науки о человеке? / В. А. Лекторский // Вопр. философии. 2015. № 5. С. 3—16.
- 7. Покуленко Т. А. Принцип информированного согласия: вызов патернализму / Т. А. Покуленко // Вопр. философии. 1994. № 3. С. 73—76.
- 8. Тищенко П. Д. Что такое биоэтика? / П. Д. Тищенко // Биоэтика: вопросы и ответы. М.: ЮНЕСКО, 2005.
- 9. Тищенко П. Д. Биоэтика как форма социально распределенного производства знания / П. Д. Тищенко // Гуманитарные науки: теория и методология. 2010. № 2. С. 71—78.
- 10. Юдин Б. Г. От утопии к науке: конструирование человека / Б. Г. Юдин // Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире. М.: Наука, 2004. С. 261—281. URL: http://ec-dejavu.ru/b-2/Biotechnologies.html (дата обращения: 20.07.2016).

NEUROETHICS AS THE ETHICS IN NEUROSCIENCE

E. E. Shabalkina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia) shabalkina@inbox.ru

The article identifies two approaches to the definition of subject field of neuroethics as ethics of cultural neuroscience. Firstly, neuroethics is understood as the ethics of neuroscience and the part of bioethics knowledge. It is emphasized that bioethics today is not just an area of interdisciplinary research that emerged at the intersection of medicine, experimental research of human and ethics, but also a social institution of ethics committees. The paper examines some actual problems of neuroethics through the prism of the principles of bioethics such as "do no harm", "do good", respect for patient autonomy, as well as the rules of justice and veracity, confidentiality and informed consent. The article designates the moral dilemmas in the sphere of application of modern neuroscience achievements: ways of "cognitive improvement", social policy of providing access to new resources, new techniques to predict some aspects of the behavior and aptitudes of the individual. It also defines the essential features of neurotic: its open nature, a direct link with the practice of moral behavior, dialogue model of decision-making, the public significance of the issues and wider impact of its decisions on almost all areas of social life. The author makes the conclusion about the transdisciplinary nature of neuroethics. She indicates the second possible understanding of neuroethics as the study of neural bases of moral behaviour and moral ways of understanding the reality. In this case, we refer to the problem of the ontological status of morality and moral subject. This aspect is particularly important, as it affects the philosophical bases of neuroethics problems, such important categories as "personality", "subject", "consciousness", "freedom", "responsibility".

Key words: cultural neuroscience, neuroethics, bioethics, principles and rules of bioethics.

* Grant-supported by Russian Humanitarian Science Foundation Nº 16-03-00117a «Social and culture in the neural social and cultural revolutionary in the neuroscience: preconditions and its meaning for logics, epistemology, and philosophical science».

References

- 1. Bazhanov V. A. (2015) Sovremennaja kulturnaya neironauka i priroda subyekta poznaniya: logiko-epistemologicheskie izmereniya [Modern neuroscience and comprehension of subject of cognition nature in logico-epistemology studies]. Epistemologiya i filosofiya nauki, (3), pp. 133—149.
- 2. Illes J., Bird S. (2015) Neiroetika: etika neironauki v sovremennom kontekste [Neuroethics: a modern context for ethics in neuroscience]. Chelovek, (6), pp. 5—23.
- 3. Kaplan A. (2003) Luchshee vrag horoshego? [The best is the enemy of good]. V mire nauki, (12), pp. 84—85. URL: https://new.vk.com/doc260654063_332686192?hash=901de4545e13aeb3fd&dl=071f5bdc8ba4f09e79 (accessed: 28.07.2016).
- 4. Konovalova L. V. (2000) Prikladnala etika [The applied ethics]. Moscow: Mysl.
- 5. Kostandi M. (2015) Mozg cheloveka. 50 idey, o kotoryh nuzhno znat [The human brain. 50 ideas you need to know about]. Moscow: Fantom-Press.
- 6. Lektorskiy V. A. (2016) Vozmozhny li nauki o cheloveke [Is the humanics possible?]. Voprosy filosofii, (5), pp. 3—16.
- 7. Pokulenko T. A. (1994) Printsip informirovannogo soglasiya: vyzov paternalizmu [The principle of informed consent: the challenge to paternalism]. Voprosy filosofii, (3), pp. 73—76.
- 8. Tishenko P. D. (2005) Chto takoe bioetika? [What is bioethics?]. Bioetika: voprosy i otvety. Moscow: UNESKO.
- 9. Tishenko P. D. (2010) Bioetika kak forma sotsialno-raspredelennogo proizvodstva znaniya [Bioethics as a form of socially distributed knowledge production]. Gumanitarnye nauki: teoriya i metodologiya, (2), pp. 71—78.
- 10. Yudin B. G. (2004) Ot utopii k nauke: konstruirovanie cheloveka [From utopia to science: designing man]. Vyzov poznaniyu: strategii razvitiya nauki v sovremennom mire. Moscow: Nauka, pp. 261—281. URL: http://ec-dejavu.ru/b-2/Biotechnologies.html (accessed: 20.07.2016).

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Н. Ю. Кремнева Ульяновский государственный университет (г. Ульяновск, Россия) kremneva_n@inbox.ru

РОДИТЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ КАК КОНТЕКСТ ВЫБОРА РАБОЧИХ ПРОФЕССИЙ МОЛОДЕЖЬЮ*

В статье анализируется влияние трудового опыта родителей на выбор детьми рабочих профессий. Эмпирическими данными послужили результаты исследования «Молодой российский рабочий и его жизненные стратегии в разрезе социальноэкономических проблем» (при реализации проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта УОО «Соцарт» в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 № 11-рп и на основании конкурса, проведённого Фондом ИСЭПИ. Руководитель проекта — Е. Л. Лукьянова), а именно материалы серии полустандартизированных интервью с молодыми рабочими и их родителями. Отправной точкой для анализа данных исследования явилось понятие семейного контекста выбора рабочей профессии. Семейные контексты задают вектор «правильности» выбора рабочих профессий с опорой на профессиональные установки и профессиональный опыт родителей молодых рабочих. Среди всех фактов трудовой биографии родителей выделены и проанализированы наиболее значимые индикаторы с точки зрения различий в мотивационных установках выбора рабочих профессий молодыми людьми: мобильность родителей (географическая, трудовая), опыт работы по рабочим специальностям и образование (наличие / отсутствие высшего образования). Особое внимание в статье уделяется различиям в процессе выбора рабочих профессий в семьях рабочих и семьях специалистов и служащих, специфике механизма формирования социальной роли рабочего в них. Показана взаимосвязь успешности / неуспешности профессиональной судьбы родителей с формированием социальной роли рабочего. Подчёркиваются найденные межпоколенческие различия.

Ключевые слова: молодёжь, рабочие, трудовые стратегии, семейный контекст, межпоколенческая мобильность.

* Статья подготовлена на основе материалов гранта УОО «СОЦАРТ» «Молодой российский рабочий и его жизненные стратегии в разрезе социально-экономических проблем», реализованного в 2015 г. при содействии Фонда ИСЭПИ (г. Москва). Руководитель проекта — Е. Л. Лукьянова.

Проблема востребованности рабочих профессий среди молодёжи в современной социально-экономической ситуации стоит остро [6, 7, 10]. Решение стать рабочим является не просто профессиональным самоопределением, оно также связано с согласием на определённую социальную позицию в обществе и соответствующий ей стиль жизни.

Сегодня социологи отмечают, что в современных условиях занятости становится все сложнее охарактеризовать род деятельности человека и его карьерные достижения [8], поскольку наблюдается частая смена работы, освоение нескольких профессий, переход к самозанятости, неформальный или временный характер трудовых отношений. Например, трудовая позиция фрилансеров с их дискретной, без чётких границ занятостью ломает традиционные представления о поступательной социальной мобильности [1]. А исследования «новых бедных», среди которых оказывается немало специалистов с высшим образованием, заставляет усомниться в эффективности её восходящих каналов [9]. Особый интерес в отечественных исследованиях представляет анализ жизненных шансов для выходцев из разных социальных групп [2—4].

Одной из задач исследования «Молодой российский рабочий и его жизненные стратегии в разрезе социально-экономических проблем» являлся поиск семейных мотивационных установок, связанных с выбором детьми рабочих профессий, и изучение отношения семьи к этому выбору.

Исследование носило качественный характер. Его основным методом явились полустандартизированные интервью. Всего было взято 45 интервью с молодыми рабочими, 18 интервью с их родителями и 18 интервью с экспертами. Кроме того, было организовано 9 фокус-групп с учащимися лицеев и колледжей, которые получают там рабочие специальности. Исследование прошло в трёх городах, неодинаковых по своему социально-экономическому положению: Елабуге, Санкт-Петербурге и Ульяновске. Елабуга известна своей особой экономической зоной промышленно-производственного типа, обладающей высоким инвестиционным потенциалом и охватывающей разнообразные отрасли от автомобилестроения до производства бытовой химии. Ульяновск характеризуется реорганизацией многих градообразующих предприятий и сокращением численности их работников. Одновременно здесь также начинает разворачиваться особая экономическая зона, ориентированная на авиационную промышленность. В Санкт-Петербурге, как в любом мегаполисе, рынок труда имеет сложную и неоднородную структуру, привлекательную для молодёжи из других регионов России и стран СНГ. Переезд туда часто связан со сменой рода деятельности и переобучением на новые, в том числе рабочие профессии.

Методология анализа данных интервью с родителями молодых рабочих основывается на принципах «восходящей методологии», подразумевающей следование логике самих участников исследования без предварительной концептуализации вводимых категорий и их исследовательской интерпретации. Реализованный алгоритм является результатом первичного кодирования полученных качественных данных. Подтверждением валидности и надёжности алгоритма анализа является проведенная триангуляция с результатами интервью с молодыми рабочими, собранными в рамках проекта.

Отправной точкой для анализа данных исследования явилось понятие семейного контекста выбора рабочей профессии. Объективными исходными данными для описания категории «семейный контекст» послужили параметры скрининговой анкеты родителей молодых рабочих: пол, возраст, продолжительность проживания в городе, уровень образования, профессия по образованию, текущая профессиональная занятость, текущее место работы, сфера занятости, отрасль, размер предприятия, форма занятости, характер занятости. Среди всех фактов трудовой биографии родителей наиболее значимыми индикаторами с точки зрения различий в мотивационных установках выбора рабочих профессий молодыми рабочими оказались: мобильность родителей (географическая, трудовая), опыт работы по рабочим специальностям и образование (наличие / отсутствие высшего образования).

Полученные данные не позволяют говорить о семейной преемственности конкретных рабочих профессий, выявлено незначительное число положительных примеров трансляции конкретных профессий. Напротив, можно отметить высокую мобильность молодых рабочих по отношению к профессиям родителей. В то же время результаты исследования показали, что в формировании выбора профессии рабочего особое место занимают профессиональные установки родителей. История семьи позволяет обнаружить те ролевые регуляторы, от которых зависит воспроизводство трудовых ценностей рабочего. Одним из важных результатов стало выявление специфики механизма формирования социальной роли рабочего в рабочих семьях и в семьях специалистов и служащих (схема 1).

Выбор детьми рабочих профессий в семьях рабочих показан во многих современных исследованиях [2, 3, 5]. Чаще принято говорить о том, что родительские семьи являются скорее вынуждающим фактором безальтернативного выбора рабочей профессии в условиях низкоресурсной среды. Полученные данные позволяют выйти за пределы традиционного рассмотрения роли семьи молодых рабочих только с позиций низких стартовых шансов. Сегодня рабочие семьи стимулируют своих детей к сознательному добровольному выбору социальной роли рабочего как наиболее выгодной и перспективной стратегии занятости.

Схема 1

Выявление специфики механизма формирования социальной роли рабочего в рабочих семьях и в семьях специалистов и служащих

Итак, каковы механизмы воспроизводства роли рабочего в рабочих семьях? Социальный контекст выбора рабочей роли наполнен многочисленными примерами вполне успешных профессиональных биографий родственниковрабочих, причем не только родителей, но и поколения бабушек-дедушек, ближних и дальних родственников.

Понятие успешности нами интерпретируется в логике его раскрытия информантами. Индикатором успешности в данном случае оказалась удовлетворенность родителей своей трудовой судьбой, содержанием своего труда, материальным положением семьи, социальным статусом рабочего.

Все родители, имеющие опыт работы по рабочим профессиям, считают, что их профессиональная судьба является положительным примером для их детей. В силу низкого социального горизонта нет разочарования, нет низкой самооценки, нет чувства нереализованно-

сти. Главное, что передают родители-рабочие своим трудовым опытом, это ценности трудолюбия, добросовестности, уважения того дела, которым занимаешься. Действительно, важным мотивом труда у поколения родителей является если не любовь, то осознание важности и ответственности своего дела: «Я стремлюсь работать добросовестно, лучше быть хорошим рабочим, чем, допустим, плохим маленьким руководителем» (Ульяновск, отец, 55 лет, высшее образование, дорожный рабочий). Лейтмотивом многих интервью с родителями-рабочими стало уважение рабочих профессий, осознание ценности труда рабочего в современном мире. Например, отец-сантехник, всю жизнь проработавший в сфере ЖКХ, сформулировал своего рода миссию рабочего человека: «Рабочие профессии всё-таки престижные... те люди, которые работают руками, строят этот мир и имеют огромный потенциал в будущем для развития, для создания в этом мире чего-то нового... как

говорится, пока есть сантехника, есть мир. Будет унитаз — будет хорошо, нет унитаза — ничего, получается, не будет» (Санкт-Петербург, отец, 52 года, среднее профессиональное образование, сантехник). Подобная артикуляция гордости и престижа рабочих профессий на фоне конкретных личных примеров родителей, удовлетворенных своим социальным статусом рабочего, служит благоприятной средой для самоопределения в рабочем пространстве.

Безусловно, стимулирующим фактором воспроизводства рабочих ролей в семье является удовлетворенность родителей-рабочих содержанием своего труда. Ни один информант не высказал сожаления по поводу сути своего труда, причем независимо от сферы деятельности. Сантехник любит унитазы, кондуктор — пассажиров, водитель и автомеханик — машины. Тем самым родители показывают, что свою работу можно и нужно любить, что ручной труд может приносить радость и удовлетворение. Содержание труда как мотив рабочей профессии раскрывается достаточно широко: условия труда, коллектив, технико-технологические характеристики деятельности, общение с клиентами. «О сути своей работы? Знаешь, нести радость людям. Наверное, получается, потому что я, отработав 10 часов, не устаю практически... Эмоции потому что... когда несёшь радость, и вот, ей богу, не устаем» (Елабуга, мать, 41 год, среднее профессиональное образование, мастер маникюра).

Важно отметить, что информанты либо фиксировали внимание на положительных аспектах своего труда, либо придерживались нейтральной позиции: работа есть работа, все работы важны и пр. В любом случае ни один родитель-рабочий не жаловался на тяжелые или грязные характеристики своего труда, что говорит о принятии социальной роли рабочего со всем набором ее содержательных аспектов. Таким образом, семья транслирует взвешенное представление о сути рабочих профессий, готовит молодых людей к жизни в реальных обстоятельствах данной роли.

Весомым аргументом возможной успешности в рабочей профессии является материальное положение родительских семей. На фоне невысоких притязаний родители-рабочие выражают удовлетворенность уровнем своего достатка в рамках своей социальной позиции, оценивают его как вполне достойный. Ни один из информантов не жаловался на свой уровень доходов.

Условием удовлетворенности своим положением выступает окружающая социальная среда, в которой рабочие семьи имеют возможность сравнивать и сопоставлять себя и других. Надо отметить, что сфера активных коммуникаций достаточно узкая: круг родственников и знакомые по работе (нынешней и прежних). И однородная. В окружении рабочих семей преобладают представители рабочих профессий, единичные представители ИТР и предпринимательства. Оценивая свой уровень жизни, родителирабочие, как правило, отмечают, что живут «не хуже других». Причем сравнение идет в первую очередь с другими рабочими позициями, и подчеркивается, что все хорошо и примерно одинаково зарабатывают. В сравнении со специалистами был приведен единственный пример преимущества позиции специалиста-инженера на предприятии, который зарабатывает больше, чем информант-сантехник. В остальных случаях собственные рабочие позиции описывались как более выгодные и конкурентные, чем позиции специалистов. Материальное положение редких предпринимателей, попавших в сферу анализа информантов, расценивалось предпочтительнее, чем собственное. Приводились примеры успешных владельцев магазинов автодеталей, мебельного производства, автомастерских. В целом сфера самозанятости представляется привлекательной для семей молодых рабочих.

Таким образом, социальный контекст, формирующий и поддерживающий социальную роль рабочего, достаточно замкнутый и однородный в силу ограниченности образовательного и профессионального капитала родителей. Он складывается естественным путем. Однако поддержание социальной однородности может осуществляться и целенаправленно путем ориентации на «внутрисемейное равенство». Важным условием для психологического комфорта и равновесия является равенство материального и социального положения членов семьи, желание видеть вокруг себя таких же, как они. С одной стороны, это сдерживающий фактор для молодежи, не позволяющий быть белой вороной, претендовать на те социальные позиции, которые не характерны в целом для рабочей семьи. Тем самым семья ограничивает спектр вариантов трудовых траекторий молодежи и консервирует социальный статус семьи. С другой стороны, такая установка упрощает профессиональное определение молодежи, которая получает одобрение и поддержку семьи. То есть установка на «внутрисемейное равенство» выступает дополнительным механизмом воспроизводства социальной роли рабочего.

Оценивая изменения в материальном состоянии своей семьи, родители-рабочие отме-

чают улучшение благосостояния за последние 10 лет. В качестве причин улучшения материального положения называются: постепенное повышение заработной платы на постоянных местах работы, активная смена рабочих мест с целью поиска более высокой оплаты труда, наличие возможности подработок, начало получения пенсионных выплат, начало трудовой деятельности детей. Наибольшее удовлетворение своим достатком высказывали родители, активные в плане подработок и поиска более выгодных мест работы. Удовлетворенность уровнем дохода связывается с осознанием возможности обеспечить себе заработок в любой ситуации. Установка *«работу можно найти всегда»* помогает работникам ручного труда быть более гибкими в выборе места занятости, а значит, быть более удовлетворенными оплатой труда.

Кроме того, родители-рабочие подчеркивают, что современный рынок труда гарантирует более высокий уровень заработка именно по рабочим профессиям, а не специалистам с высшим образованием. То есть рабочие семьи показывают и транслируют детям экономическую выгоду позиции рабочего. Примеры удачного трудоустройства родственников и знакомых также иллюстрируют выгодность с точки зрения заработной платы таких трудовых позиций, как водитель, автомеханик, монтажник, продавец, повар.

Если на семейной орбите присутствуют специалисты, то их трудовая биография на фоне биографий родственников-рабочих не является примером социального успеха для молодых людей. Показательна ситуация в одной из ульяновских семей-информантов. Отец — токарь, всю жизнь главный кормилец в семье, особенно хорошо зарабатывал вахтами на Севере. Мать педагог с высшим образованием, ушла из школы, работает риелтором. Старший сын окончил университет по специальности «Реклама» и сидит без работы. Младший сын категорически отказался от получения высшего образования, окончил колледж по специальности токарьфрезеровщик, работает на крупном производстве. Его мотивировка выбора рабочей профессии — возможность получения самостоятельного заработка. В данном случае трудовая судьба отца определила профессиональную траекторию сына.

Таким образом, рабочие семьи способствуют сознательному выбору рабочей позиции молодежью, демонстрируя не только принятие, но и удовлетворенность социальной ролью рабочего.

Особым фокусом исследования стало понимание процесса выбора рабочих профессий в

семьях специалистов и служащих. Было обнаружено, что установка на выбор детьми рабочих позиций в таких семьях формируется в рамках одного из двух семейных контекстов.

Первый характеризуется абсолютной нереализованностью родителей в профессии, полученной в вузе, и отсутствием сколько-нибудь значимого опыта работы «по диплому». Это вариант формального образования «ради корочек», «ради себя», когда родители воспринимают полученное ими высшее образование как следующий уровень в саморазвитии. У данной группы родителей либо происходил быстрый отказ от работы по профессии по причине неудовлетворенности уровнем заработной платы (например, работа педагогом в школе), либо не было изначальной ориентации на работу по полученной специальности (в случае заочного образования). В результате их трудовая биография развивалась без какой-либо связи с базовым образованием. Перед детьми в этих семьях не было примера успешной карьеры родителей как специалистов с высшим образованием. Трудовая биография данной группы родителей показывала будущим молодым рабочим низкий потенциал высшего образования и целесообразность рабочей позиции.

Второй семейный контекст демонстрируют родители-специалисты, отработавшие определенный период жизни по полученной в вузе профессии, но отказавшиеся от работы по специальности под давлением изменений на рынке труда. Например, мать — главный технолог крупного предприятия, сделавшая карьеру в рамках одного предприятия, в ситуации экономической нестабильности оставила должность и начала работать в качестве индивидуального предпринимателя в сфере страховых услуг. Или врач с 18-летним стажем в медицине ушел в сферу продаж фармацевтических препаратов. Казалось бы, эти примеры иллюстрируют сложившиеся карьеры в рамках полученного высшего образования. С другой стороны, они иллюстрируют неадаптивность ресурса высшего образования к изменяющимся условиям на рынке труда. Во всех случаях мотивами разрыва с профессией стала неконкурентность достигнутой карьерной позиции по заработной плате. В определенный момент родители данной группы делали сознательный выбор более низкого социального статуса, но с более высоким уровнем дохода.

Важно отметить, что все трудовые биографии родителей-специалистов, участвовавших в исследовании, начинались с рабочих позиций. И

этот профессиональный опыт родители очень ценят. Базируясь на своем личном опыте, родители-специалисты транслируют установку, что рабочие навыки необходимы как базовый минимум и условие развития в любой профессии. Отсюда рекомендация детям «начинать с малого», с самых азов профессии. А для этого надо уметь работать руками, осваивать рабочие профессии. Поэтому позиция рабочего в таких семьях оценивается позитивно как необходимый старт в трудовой биографии, как временное состояние, которое дает молодому человеку возможность выбирать и определяться.

В семьях специалистов сохраняется позитивная установка на перспективное получение высшего образования детьми, однако оно рассматривается не как средство получения профессии, а как ресурс на перспективу, как страховка на будущее. Но изменения рынка труда заставляют родителей пересматривать роль высшего образования в построении трудовой карьеры детей, уходит категоричность его получения сразу после школы. Высшее образование становится долгосрочной перспективой, желательной, но не обязательной. А высшее профессиональное образование рассматривается как дополнительный ресурс, дающий возможность движения и развития в профессии.

Таким образом, сегодня установка на выбор рабочей трудовой позиции как перспективной стратегии занятости формируется как в семьях рабочих, так и в семьях специалистов и служащих. Под влиянием родительской семьи воспроизводится позитивное отношение к рабочему статусу, показывается и передается способ жизни в рамках роли рабочего, прививаются навыки и уважение к ручному труду, формируется самоценность работника ручного труда.

Экономические мотивы выбора рабочих профессий являются ведущими как в рабочих семьях, так и в семьях специалистов и служащих. Однако в рабочих семьях ценность трудовых навыков молодых рабочих имеет более широкое значение: возможность поддержания семьи как закрытой системы, максимально самодостаточной и обеспечивающей себя силами и средствами членов семьи. Таким образом, выбор рабочих профессий в этих семейных контекстах выполняет еще и функцию сохранения и стабилизации рабочей семьи в традиционных границах, поддержания привычного образа жизни, распределения внутрисемейных ролей.

Семейные контексты задают вектор «правильности» выбора рабочих профессий с опорой на профессиональные установки и профессиональный опыт родителей молодых рабочих. Однако контексты формирования и механизмы трансляции данной социальной роли существенно различаются в силу различий профессиональных, образовательных и информационных профилей семей.

Литература

- 1. Бурлуцкая М. Г. Фрилансеры: специфика социального статуса, стратегии карьеры и профессионального развития / М. Г. Бурлуцкая, В. С. Харченко // Журн. социологии и социальной антропологии. — 2013. — $\mathbb{N}^{\hspace{-0.5mm} 0}$ 1. — С. 111—123.
- 2. Выравнивание шансов детей на качественное образование: сб. материалов / Комиссия общественной палаты РФ по развитию образования ; под общ. ред. И. Д. Фрумина, С. Г. Косарецкого, М. А. Пинской, И. Г. Груничевой, Т. В. Тимковой. — М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012.
- 3. Козырева П. М. Межпоколенная социально-профессиональная мобильность в постсоветской России / П. М. Козырева // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. — М.: Новый хронограф, 2012. —
- 4. Константиновский Д. Л. Рабочая молодежь России: количественное и качественное измерения / Д. Л. Константиновский, Е. Д. Вознесенская, Г. А. Чередниченко. — М. : ЦСИ, 2013. — 277 с.
- 5. Кремнева Н. Ю. Рабочая профессия: успех или неудача? Восприятие социального положения рабочего в семейном контексте / Н. Ю. Кремнева, Е. Л. Лукьянова // ИНТЕР. — 2015. — № 10. — С. 26—38.
- 6. Кузьмина (Старкова) Е. В. Причины привлекательности и факторы выбора молодежью мест трудоустройства по рабочим специальностям: оценка экспертов / Е. В. Кузьмина (Старкова) // Симбирский науч. вестн. — 2016. -№ 3(25). — C. 149—157.
- 7. Лукьянова Е. Л. «Кризис где-то и параллельно»: особенности изучения молодежи в условиях экономического спада / Е. Л. Лукьянова, Г. А. Сабирова // Социс. — 2012. — № 5. — С. 79—88.
- 8. Шевчук А. В. О будущем труда и будущем без труда / А. В. Шевчук // Общественные науки и современность. 2007. — № 3. — C. 44—54.
- 9. Ярошенко С. «Новая» бедность в России после социализма / С. Ярошенко // Лабораториум. 2010. № 2. C. 221-251.
- 10. Goncharova N., Krupets Y., Nartova N., Sabirova G. Russian Youth On Labour Market: 'PORTFOLIOABILITY' As New Desire And Demand // Studies Of Transition States And Societies. — 2016. — Vol. 8, N 3. — P. 29—44.

YOUTH' CHOICE OF NONPROFESSIONAL OCCUPATIONS IN THE FAMILY CONTEXT

N. Y. Kremneva

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia) kremneva_n@inbox.ru

The article examines the influence of parents' work experience on the children's choice of their nonprofessional occupations. The results of the study "Young Russian worker and his/her life strategies in the context of socio-economic problems" are the empirical data for this article, namely the semistandardization interviews with young workers and their parents. The base for the data analysis was the family context of the career choice. Family contexts define the correctness of the career choice based on professional orientation and parents' work experience of young workers. The background of parents' employment was analyzed. The most important indicators of influence on the young's choice of nonprofessional occupations are parents' mobility (geographic, labour), nonprofessional work experience and education (presence / absence of a university degree). The author gives particular emphasis on distinctions in the course of the choice of nonprofessional occupations in the families of workers and families of professionals and employees. It also focuses on the formation specificity of the social worker's role in the families. The interrelation of success / failure of parents professional destiny with social role formation of the worker is shown. The article emphasizes the intergenerational differences.

Key words: youth, workers, professional strategies, family context, intergeneration mobility.

* Based on the project "Sots art" "Young Russian worker and his/her life strategies in the context of socio-economic problems" (2015).

References

- 1. Burlutskaya M. G., Kharchenko V. S. (2013). Frilansery: spetsifika sotsialnogo statusa, strategii karjery i professionalnogo razvitiya [The Freelancers: the specificity of social status, career strategy and professional development]. Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii, (1), pp. 111—123.
- 2. Frumin I. D., Kosaretski S. G., Pinskaya M. A., Grunicheva I. G., Timkova T. V. (2012) Viravnivanie shansov detei na kachestvennoe obrazovanie: sb. materialov [Leveling of childrens' chances to quality education: coll. materials] / Komissiya obschestvennoy palaty Rossiiskoy Federatsii po razvitiyu obrazovaniya. Moscow: Izdatelskiy dom NIU VShE.
- Kozyreva P. M. (2012). Mezhpokolennaya sotsialno-professionalnaya mobilnost v postsovetskoy Rossii [The intergenerational socio-professional mobility in post-Soviet Russia]. Rossia reformiruyuschayasya, (16), Moscow: Novy khronograf, pp. 213—235.
- 4. Konstantinovski D. L., Voznesenskaya E. D., Cherednichenko G. A. (2013) Rabochaya molodezh Rossii: kolichestvennoe i kachestvennoe izmereniya [The Russian young workers: quantitative and qualitative changes]. [Electronic source], Moscow: TsSI, p. 277.
- 5. Kremneva N. Yu., Lukyanova E. L. (2015) Rabochaya professiya: uspeh ili neudacha? Vospriyatie sotsialnogo polozheniya rabochego v semeinom kontekste [Nonprofessional occupation: success or failure? The perception of social status in family context]. INTER, (10), pp. 26—38.
- 6. Kuzmina (Starkova) E. V. (2016) Prichiny privlekatelnosti i faktory vybora molodezhyu mest trudoustroistva po rabochim spetsialnostyam: otsenka ekspertov [The reasons for the attractiveness and the young's employment choice of nonprofessional specialties: experts estimation]. Simbirskiy nauchnyy vestnik, 3(25), pp. 149—157.
- 7. Lukyanova E. L., Sabirova G. A. (2012) "Krizis gde-to i parallelno": osobennosti izucheniya molodezhi v usloviyah ekonomicheskogo spada ["Crisis is somewhere and in parallel": study features of the young during the economic recession]. SOTSIS, (5), pp. 79—88.
- 8. Shevchuk A. V. (2007) O buduschem truda i buduschem bez truda [The labor future and the future without labor]. Obschestnvennye nauki i sovremennost, (3). pp. 44—54.
- 9. Yaroshenko S. (2010) "Novaya" bednost v Rossii posle sotsializma [The new poverty in Russia after socialism]. Laboratorium, (2), pp. 221-251.
- 10. Goncharova N., Krupets Y., Nartova N., Sabirova G. (2016) Russian youth on labour market: 'Portfolioability' as new desire and demand. Studies on transition states and societies. Vol.8, (3), pp. 29—44.

Ю. П. Липатова **Д**птайский государственный университет (г. Барнаул, Россия) Pus.88 8@mail.ru

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ В ЦЕЛОМ **И ЖИТЕЛЕЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ЧАСТНОСТИ**

В статье рассмотрено понятие политической культуры России, дана характеристика факторов, способствующих формированию политической культуры. Обозначены основные критерии политического управления. Проведен анализ становления политической культуры Алтайского края. Обозначена специфика и роль государственной власти и органов регионального управления в формировании политической культуры жителей. Рассмотрено понятие «политическая культура». Анализ состояния политической культуры позволяет, например, объяснить, почему одинаковые по форме институты государственной власти в разных странах имеют различные функциональные назначения или почему демократические по форме институты власти и конституционные нормы в отдельных странах могут комфортно уживаться с тоталитарным режимом власти. Отношение к политике, к политическому режиму может меняться в зависимости от тех или иных событий. По-разному оценивают события люди, принадлежащие к различным социальным слоям и классам, этносам и нациям и т. д. Поэтому политическая культура общества, как правило, включает ряд субкультур. Например, субкультура одного региона может существенно отличаться от субкультуры другого, одной социальной группы — от другой. Любая политическая система имеет свою политическую культуру. Региональные политические исследования в последнее десятилетие стали одним из самых интересных направлений в современной политической науке и носят междисциплинарный характер. Регион как система подобен государству в целом, поэтому все противоречия и проблемы государства переносятся с разной степенью напряженности и выявленности на регион. Перспективным направлением в политологии стали региональные политико-культурные исследования.

Ключевые слова: политическая культура, государственная власть, факторы политической культуры, региональная политическая культура, субкультура.

Политическая культура является совокупностью индивидуальных позиций и ориентаций участников данной политической системы; это субъективная сфера, образующая основание политических действий и придающая им значение; это система политического опыта, знаний, стереотипов, образцов поведения и функционирования политических субъектов.

По мнению Д. В. Гудименко, политическая культура — совокупность принятых в стране (как официально, так и неофициально) политических норм, правил, принципов и обычаев, которые накладывают довольно жесткие (хотя подчас внешне не заметные) ограничения на поведение рядового гражданина и политического деятеля, на диапазон возможностей как при выработке каких-либо политических программ, так и на политические действия [1, с. 314].

Поскольку политическая культура формируется на протяжении всей истории государства, то это понятие не новое. Политическая

культура каждой страны проходит несколько этапов. Изменения в государстве накладываются на определенные черты политической культуры народа, которые определяют, по какой траектории будут двигаться эти изменения.

Применительно к России, по мнению Д. В. Гудименко, российская политическая культура прошла в своем становлении шесть этапов:

- 1. Языческий.
- 2. Киевская Русь христианского времени.
- 3. Московское царство.
- 4. Петербургская империя.
- 5. Коммунистический период.
- 6. Период посткоммунистический [2, с. 317].

Эти этапы определили «константы» политической культуры России:

1. Власть в России носит авторитарный характер. Отсюда возникают две угрозы власти: тирания (поскольку русский народ достаточно терпелив) и анархия (поскольку если русский народ взбунтуется, то сметет все до основания, как это было в 1917 году). Исходя из этой угрозы, по его мнению, можно выделить характерные типы политического управления:

- застой (Николай I, Л. И. Брежнев) ни побед, ни поражений;
- катастрофическая неэффективность, политическая раздробленность (Николай II), позорные поражения;
- катастрофическая эффективность (Петр I, Сталин), «развивающая» диктатура.
- 2. Особые отношения, где доминирует государство (этатизм).
- 3. Футуризм политической культуры постоянная обращенность в будущее.
  - 4. Гетерогенность политической культуры.
- 5. «Баррикадное» сознание (нет точек соприкосновения между новым и старым).
- 6. Специфическая державность, национальная идея «гуманного» империализма.
- 7. Иррациональность и внушаемость, апатия народа [3, с. 318—328].

Так, важнейшей чертой российской политической культуры, как было отмечено выше, является распространенный и «снизу» и «сверху» патернализм. В современной трактовке патернализм понимается как доктрина и соответствующая ей политика, осуществляемая с позиции «отечественной заботы» по отношению к слоям и группам, менее защищенным в социальном и экономическом отношениях.

Подобную специфику роли и места государственной власти в России обусловило само геополитическое пространство страны, на котором издавна уживались и сосуществовали народы с разными типами культур. В таких уникальных, суровых условиях сформировалась ярко выраженная этатистская ориентация отечественной политической культуры. В условиях отсутствия гражданского общества государство зачастую воспринималось гарантом целостности, причем не только в царский период, но и в советский период, когда необходимо было удержать победу социализма в капиталистическом окружении [4, с. 290]. Без сильного государства добиться международного признания было невозможно, поэтому власть сделала все возможное для этатистской направленности советской политической культуры. В результате сложилось убеждение, что только от государя, его ума и просвещенности зависит благосостояние страны. Так сформировалась вера в высшую царскую справедливость, ставшая характерной для политической культуры России [5, с. 300].

В результате воздействия различных факторов как традиционного, так и современного

характера политическая культура нынешнего российского общества внутренне противоречива. В ней представлено множество субкультур: авторитарная и демократическая, элитарная и массовая, либеральная и коммунистическая [6, с. 98]. При этом субкультуры имеются фактически в каждой социальной группе: среди молодых людей и пенсионеров, предпринимателей и маргиналов, рабочих и интеллектуалов. Иначе говоря, речь идет о гетерогенности политической культуры России.

Однако особенность современного этапа развития политической культуры российского общества проявляется не столько в разнообразии субкультур, сколько в их столкновении, в скрытой или явной борьбе.

Основными антиномиями данной конфронтации выступают демократизм — авторитаризм, социализм — капитализм, центризм — регионализм, глобализм — изоляционализм, анархизм — этатизм и т. д. Многообразие таких противостояний свидетельствует об отсутствии в стране базового политического консенсуса, общенационального согласия, а в конечном итоге о болезненном расколе на различные социальные группы, ставящем под сомнение успешность реформирования общества, социальную и политическую стабильность в нем [7, с. 65].

Длительное и противоречивое влияние различных факторов в настоящее время привело к формированию политической культуры российского общества, которую можно охарактеризовать как внутренне раскольную, горизонтально и вертикально поляризованную культуру, где ее ведущие сегменты противоречат друг другу по своим базовым и второстепенным ориентирам [8, с. 76]. Основные слои населения тяготеют в большей степени к культурной проблематике либо рациональной, либо традиционалистской субкультур, опирающихся на основные ценности западного и восточного типа. Основываясь на критериях, присущих политической культуре субъектов РФ, можно также раскрыть основные тенденции, присущие политической культуре жителей Алтайского края. Для характеристики политической культуры жителей Алтайского края можно обратиться к статье Е. Притчиной [7]. Также необходимо отметить, что политическое сознание и поведение сохраняет инерционный, патриархально-подданнический характер, доминируют традиционалистские настроения. Автор выдвинул довольно спорную точку зрения о том, что политическая культура, которая носит авторитарный и даже тоталитарный характер, является нормой для

российского социума. Сильная вертикаль власти является одним из основных фундаментов, который «цементирует» все структуры общества в единое целое и противостоит центробежным тенденциям в провинциях и на периферии. Здесь все же необходимо оговориться, так как нами проводится исследование политической культуры в Алтайском крае, где уровень политической культуры значительно ниже, нежели в Москве и Санкт-Петербурге, то данный тезис автора, безусловно, имеет место быть.

Задача государства в данной ситуации состоит в обеспечении мирного сосуществования даже противоположных идеологий и стилей гражданского поведения, способствуя образованию политических ориентаций, объединяющих, а не противопоставляющих позиции социалистов и либералов, консерваторов и демократов, но при этом радикально ограничивающих идейное влияние политических экстремистов [10, с. 30]. Только на такой основе в обществе могут сложиться массовые идеалы гражданского достоинства, самоуважение, демократические формы взаимодействия человека и власти.

Таким образом, политическая культура современного российского общества находится в состоянии своего становления, испытывая серьезное воздействие со стороны геополитических и исторических факторов радикальных преобразований, происходящих в ней сегодня.

Литература

- 1. Вятр Е. Социология политических отношений / Е. Вятр. М., 1979.
- 2. Галкин А. Массовая партия сегодня / А. Галкин // Свободная мысль. ХХІ. 2000. № 1.
- 3. Ильин И. Почему сокрушился в России монархический строй / И. Ильин // Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи. 1948—1954 гг. : в 2 т.
- 4. Макиавелли Н. Государь / Н. Макиавелли. М., 1990.
- 5. Политология: наука о политике / под общ. ред. В. Андрущенко. К.—Х., 1999.
- 6. Политическая культура: теории и национальные модели. М. : Наука, 1994.
- 7. Притчина Е. В. Политические ценности и установки жителей Алтайского края и Республики Алтай сквозь призму политико-культурной матрицы России / Е. В. Притчина. URL: https://m.cyberleninka.ru/ article/n/politicheskietsennosti-i-ustanovki-zhiteley-altayskogo-kraya-i-respubliki-altay-skvoz-prizmu-politiko-kulturnoy-matritsy-rossii (дата обращения: 09.11.2016).
- 8. Соловьев А. И. Политология. Политическая теория и политические технологии / А. И. Соловьев. М., 2003.
- 9. Соловьев А. И. Культура власти современного российского общества / А. И. Соловьев. М., 2010.
- 10. Тихонова В. А. Политическая культура российского общества: социально-философский аспект / В. А. Тихонова. M., 2001.

SPECIFICITY OF THE MODERN POLITICAL CULTURE OF RUSSIANS AND THE RESIDENTS OF THE ALTAI REGION

Yu. P. Lipatova

Altai State University (Barnaul, Russia) Pus.88_8@mail.ru

The article considers the concept of political culture in Russia, as well as the characteristics of the factors contributing to its formation. It outlines the key criteria for political control. The author analyses the formation of political culture in Altai Krai. She indicates the specificity and the role of public authorities and regional administrations in development of the residents' political culture. The paper reveals the concept of "political culture". Analysis of political culture allows, for example, to explain why the same in form government institutions in different countries have different functional purposes or why the democratic government institutions and constitutional norms in certain countries can coexist with a totalitarian political regime. Attitude towards politics and the political regime may change depending on various factors. The events are evaluated by the people belonging to different social strata and classes, ethnic groups and nations, etc. Therefore, the political culture of any society typically includes a number of subcultures. For example, subculture of one region may significantly differ from the subculture of the other; one social group — from another. Any political system has its political culture. Current regional political studies are interdisciplinary and become one of the most interesting trends in contemporary political science. The political region as a system is similar to the state as a whole, so all the contradictions and problems of the state are transferred on the region. Modern trends in politology are regional political and cultural studies.

Key words: political culture, state power, factors of political culture, regional political culture, subculture.

References

- 1. Vyatr E. (1979) Sotsiologiya politicheskih otnosheniy [Sociology of political relations]. Moscow.
- 2. Galkin A. (2000) Massovaya partiya segodnya [Mass party today]. Svobodnaya mysl. XXI, (1).
- 3. Ilyin I. (1948—1954) Pochemu sokrushilsya v Rossii monarhicheskiy stroy? [Why was the monarchy in Russia broken?]. Nashi zadachi. Istoricheskaya sudba i buduschee Rossii. In 2 vols.
- 4. Machiavelli N. (1990) Gosudar [The Ruller]. Moscow.
- 5. Andrushchenko V. (1999) Politologiya: nauka o politike [Political science: the Science of politics]. K.—H.
- 6. Politicheskaya kultura: teorii i natsionalnye modeli [Political culture: theories and national models]. Moscow: Nauka, 1994.
- 7. Pritchin V. E. Politicheskie tsennosti i ustanovki zhiteley Altayskogo kraya i respubliki Altay skvoz prizmu politiko-kulturnoy matritsy Rossii [Political values and attitudes of the inhabitants of the Altai territory and the Altai Republic through the prism of politico-cultural matrix of Russia]. [Electronic resource] — Mode of access: https://m.cyberleninka.ru/article /n/politicheskie-tsennosti-i-ustanovki-zhiteley-altayskogo-kraya-i-respubliki-altay-skvoz-prizmu-politiko-kulturnoy-matritsyrossii // 09.11.2016.
- 8. Solovyov A. I. (2003) Politologiya. Politicheskaya teoriya i politicheskie tehnologii. [Political Science. Political theory and political technologies]. Moscow.
- 9. Solovyov A. I. (2010) Kultura vlasti sovremennogo rossiyskogo obschestva [The Culture of power of the modern Russian society]. Moscow.
- 10. Tikhonov V. A. (2001) Politicheskaya kultura Rossiyskogo obschestva: sotsialno-filosofskiy aspekt [Political culture of Russian society: socio-philosophical aspect]. Moscow.

И. А. Михайлина Ульяновский государственный университет (УлГУ) (г. Ульяновск, Россия) ped@sv.uven.ru

А. И. Раевская УлГУ (г. Ульяновск, Россия) alexandra.raevskaya@yandex.ru

Э. Р. Мухамметжанов УлГУ (г. Ульяновск, Россия) eldares2014@yandex.ru

Р. Р. Мухамметжанов УлГУ (г. Ульяновск, Россия) raf96raf@mail.ru

МОЛОДЕЖНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

В статье рассмотрена профессиональная социальная работа, ориентированная на молодежь как социально-демографическую группу, которой в силу различных факторов свойственны определенные психологические, социальные и экономические особенности. Среди направлений социальной работы с молодежью для целей настоящей статьи авторами была выбрана профессионально-ориентационная работа. В настоящее время профессиональное самоопределение молодежи является актуальной проблемой государственной молодежной политики, решение которой влияет на благополучие всей социально-экономической сферы общества. В реалиях современной жизни молодые люди зачастую испытывают трудности при самоопределении, выборе направления профессиональной подготовки, первом и последующем трудоустройстве. Данные трудности вызваны рядом социально-экономических проблем, стоящих на пути развития российского общества. Вследствие этого зачастую выпускники учебных заведений, получив профессиональное образование, отказываются работать по освоенной профессии, что говорит о несовершенстве системы образования в части несогласованности с практической профессиональной деятельностью. В данной статье деятельность молодежных общественных организаций рассматривается как способ содействия молодежи в личностном и профессиональном самоопределении. Также приводятся результаты практического социологического исследования, проводимого с целью выявления и анализа влияния упомянутых организаций на выбор молодыми людьми своего жизненного пути.

Авторы статьи считают, что правильно спланированная и организованная деятельность молодежных организаций (таких как Молодежное правительство Ульяновской области, профильные молодежные министерства Ульяновской области и тому подобные организации) положительным образом влияет на самоопределение молодых людей и содействует их дальнейшему трудоустройству.

Ключевые слова: профессиональная ориентация, профессиональное самоопределение, молодежная организация.

ВЕСТНИК

Социальная работа, понимаемая как профессиональная деятельность, направленная на решение проблем уязвимых социальных групп и повышение качества жизни всего общества в целом, имеет множество объектов и направлений. Проблемы молодежи как социальной группы могут быть выделены в многогранный объект социальной работы, для решения которых необходимо участие большинства институтов общества и грамотное применение множества социальных технологий.

Когда речь заходит о социальной работе с различными категориями подрастающего поколения, сами социальные работники, а также ученые и политики говорят чаще всего о достаточно острых, но частных проблемах: росте преступности, наркомании и суицидах, ухудшении здоровья молодежи, социальном сиротстве и беспризорности, насилии над детьми в семьях, молодежной безработице, моральной распущенности, бездуховности и социальной апатии молодого поколения, о деформациях в отношении к труду юношей и девушек и др. [7]. Несмотря на ряд требующих срочного решения проблем, в современных условиях молодежь все чаще рассматривается как важнейший стратегический ресурс страны. Именно в этой категории граждан фокусируются перспективы экономического роста, суверенитета, устойчивого развития страны, осуществления государственной внешней и региональной политики, развития духовно-нравственного потенциала [10].

Социальные проблемы детей и молодежи являются своего рода индикатором качества жизни всей страны. Экономический кризис, невероятно большая пропасть между бедностью и богатством, различные социальные конфликты (этнические, религиозные и т. д.) — это реалии современного российского общества. Молодежь, как наиболее восприимчивая категория населения, подвержена многим социальным рискам. В связи с этим государственная власть на всех уровнях управления уделяет молодежи большое внимание, разрабатывая и реализовывая государственную молодежную политику.

Под государственной молодежной политикой понимается деятельность государства, направленная на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив. Объектом государственной политики являются молодые люди от 14 до 30 лет,

молодые семьи и молодежные объединения. Субъектами этой политики являются государственные органы и их должностные лица, молодежные объединения и ассоциации, а также сами молодые граждане [4]. Трудоустройство молодежи — один из самых сложных вопросов реализации государственной молодежной политики. Ситуация с трудоустройством выпускников учреждений профессионального образования, сложившаяся в новых социально-экономических условиях при отсутствии государственного заказа, предполагает необходимость выработки принципиально новых подходов, организационных и методических принципов создания и функционирования государственной системы содействия занятости учащейся молодежи и трудоустройству молодых специалистов [5].

Одним из основных способов реализации мер государственной молодежной политики, в том числе и в ключе решения вопроса профессиональной ориентации и трудоустройства молодежи, выступает профессиональная социальная работа, усилия которой направлены на успешное включение молодежи в социальную, культурную, экономическую и политическую сферы страны и максимально полное раскрытие потенциала молодых людей [8].

Молодежь — это объективное общественное явление, выступающее всегда как большая специфическая возрастная подгруппа. Ключом к познанию природы молодежи является диалектика целого и части [11].

Можно говорить о двух моделях социальной работы с молодежью — интегративной и дефицитной. Интегративная модель — это социальная работа в широком смысле, которая должна способствовать социализации молодежи. В этом аспекте социальная работа практически соотносится с таким видом профессиональной деятельности, как социальная педагогика. Реализация данной модели возможна лишь посредством государственно-общественного затратного механизма, предполагающего выделение значительных финансовых, людских и материальных ресурсов. В силу чрезмерно большого объема средств, которые должны быть выделены на полноценную реализацию такого типа социальной работы, большинство стран с рыночной экономикой избирает дефицитную модель развития социальной работы, ориентированную в первую очередь на социально уязвимые слои населения, группы риска, инвалидов и одиноких, а также детей и подростков [4, с. 302].

При планировании и организации социальной работы с молодежью актуален проблемный подход. Данный подход позволяет выделить множество направлений деятельности, но для целей настоящей исследовательской работы выбрано одно из них - профессиональноориентационная работа. Данное направление особо актуально для социально-экономической ситуации современной России, так как на фоне смены экономической системы, сложной ситуации на рынке труда, появления новых профессий и ликвидации устаревших, реформирования системы образования новому поколению сложно ориентироваться в выборе жизненного пути. В сложившихся обстоятельствах необходимы совместные усилия специалистов различных направлений деятельности — социальных работников и педагогов образовательных организаций, служб занятости, центров профессиональной ориентации молодежи, органов власти, а также работодателей частной и государственной структур.

Специалисты выделяют этапы профессионального становления молодого специалиста: профессиональная ориентация, профессиональное обучение [6]. Профессиональная ориентация должна формировать у школьников, студентов и молодежи личностные ориентации и интерес с учетом потребностей общественного производства и приводить в соответствие их личностные ориентации с возможностями реализации. Целью системы профессиональной ориентации является сочетание личностных ориентаций и общественных потребностей [2]. Система профориентации связана со многими общественными институтами, в связи с чем отсутствие своевременных решений в сфере профессиональной ориентации сказывается на экономике страны в целом [3].

Таким образом, сегодня мы склонны думать, что профессиональная ориентация — это система взаимодействия личности и образования (как социального института), способствующая развитию и соотнесению способностей, склонностей, интересов, индивидуально-психологических и физиологических особенностей личности с потребностями общества, ее профессиональному самоопределению на протяжении всей «профессиональной жизни» [9].

В качестве предмета исследования для целей настоящей работы выбраны молодежные объединения, рассматриваемые с точки зрения профессионально-ориентационного влияния на своих членов, выявления роли указанных объединений в самоопределении личности.

Рассматривая молодежные объединения, следует понимать их временный характер, связанный с реализацией определенных целей и задач, а также стихийность возникновения. Среди молодежных объединений исследователи часто выделяют в особую группу молодежные политические объединения, отличающими чертами которых можно считать то, что их члены четко выделяют свои интересы и роль в обществе, ведут общественно значимую деятельность, реализовывая собственные интересы. Также молодежные политические объединения имеют четкую институционализацию и иерархичность.

С точки зрения социализации личности молодежные объединения, и политические молодежные объединения в частности, имеют особую значимость, так как затрагивают такую важную сторону личности, как социальная и гражданская активность. Выражается данное направление в реализуемых социально значимых действиях, преобразующих окружающую социальную среду и саму личность. Стимулирование социальной активности молодежных объединений способствует подготовке молодых людей к самостоятельному принятию решений, способности вкладывать свои силы на благо окружающим людям. Качественная работа создателей и координаторов деятельности подобных объединений позволяет формировать личностные качества, необходимые для поиска собственного жизненного пути, следовать своим ценностям и интересам, созидая социальное пространство вокруг себя.

В основе устройства и функционирования общественных объединений лежат такие принципы, как принцип самореализации, способствующий осмысленному включению личности в объединение; принцип самоорганизации, являющийся механизмом, образующим общественное объединение молодежи; принцип самодеятельности; принцип самоуправления; принцип социальной реальности, являющийся содержательным источником организованной молодежной самодеятельности и сферой реализации их социальной активности.

Главным условием и способом формирования позитивного опыта развития социальной активности молодежи выступает коллективно организуемая, общими усилиями осуществляемая совместная деятельность. При этом социально значимая деятельность с реально достигаемыми результатами, выражающимися в изменении к лучшему социальной сферы жизнедеятельности молодых людей, усиление их активной гражданской позиции, установки на практическую востребованность общественного характера их деятельности, положительное восприятие социумом тех действий и мер, предпринимаемых молодежью в общественном объединении [1].

В качестве примера молодежной общественной организации может быть рассмотрено Молодежное правительство и профильные молодежные министерства Ульяновской области. Данные молодежные объединения функционируют на территории Ульяновской области по инициативе Правительства Ульяновской области и преследуют следующие цели:

- вовлечение молодежи в процесс социально-экономического и общественного развития региона, повышение их правовой и политической культуры;
- привлечение научного и творческого потенциала молодежи региона к решению задач, стоящих перед Правительством и профильными министерствами Ульяновской области;
- создание целостной системы отбора, подготовки и приобщения социально активных молодых людей к управленческой деятельности в различных сферах общественной жизни Ульяновской области, содействие в формировании, подготовке и обучении кадрового резерва Правительства и профильных министерств Ульяновской области.

Ульяновская область активно развивает деятельность молодежных общественных объединений, в связи с чем с 8 по 10 декабря 2016 года на территории области состоялся Окружной форум молодежных правительств Приволжского федерального округа (далее — Форум), направленный на развитие компетенций у участников Форума в области разработки и реализации молодежной политики, неформального образования и молодежной работы; на формирование единого понимания подходов, приоритетов и понятий в сфере работы с молодежью, применяемых в Российской Федерации. В рамках Форума проводились обучающие сессии, круглые столы, мастер-классы, группы рефлексии, работы по разработке совместных и персональных инициатив (планов действий).

В работе Форума принимали участие Губернатор и представители Правительства Ульяновской области, а также представители Молодежного правительства Ульяновской области, представители молодежных советов муниципальных образований Ульяновской области, представители студенческих и общественных объединений Ульяновской области, представители молодежных правительств Приволжского федерального округа (Республики Татарстан, Республики

Башкортостан, Удмуртской Республики, Чувашской Республики, Саратовской области, Пензенской области) и Ямало-Ненецкого автономного округа (г. Новый Уренгой, г. Муравленко).

В рамках данного Форума для целей настоящей исследовательской работы проведено исследование, цель которого — анализ деятельности молодежных общественных объединений ПФО в ключе профессионально-ориентационного воздействия на своих членов. В качестве метода исследования было выбрано анкетирование по специально разработанной анкете. Респондентами выступили члены молодежных общественных организаций ПФО, принимавшие участие в работе Форума. Было опрошено 138 респондентов.

Среди респондентов на момент проведения анкетирования 43,2 % исполнилось 21—23 года, 37,3 % были старше 23 лет, 17,6 % — 18—20 лет, 1,9 % — до 18 лет.

На вопрос о том, что привело респондентов к участию в деятельности молодежных объединений (органов власти), 32,1 % отметили интерес к общественной работе и деятельности молодежной общественной организации; 25,9 % желание получить опыт организаторской работы, завязать интересные контакты, принять участие в общественной жизни города и области; 16,1 % — желание получить знания и практические навыки в области государственного управления; 14,8 % — желание узнать о кадровой ситуации в органах власти, перспективах профессиональной деятельности, возможности вступления в кадровый резерв с последующим трудоустройством; 11,1 % — желание получить полное представление о деятельности органов исполнительной власти региона.

Будучи участниками молодежных объединений, молодые люди ставят перед собой следующие цели:

- 41,2 % стремятся быть в центре общественной и политической жизни города и области, быть в курсе значимых событий и принимать в них участие;
- 27,4 % стремятся стать опытными организаторами мероприятий, проектов и т. п.;
- 21,6 % стремятся стать молодежными лидерами;
- 9,8 % не ставят перед собой конкретных целей.

На вопрос о том, повлияло ли членство в молодежной организации на суждения респондентов о профессиональной деятельности, ответы распределились следующим образом:

— 39,2 % ответили, что членство в молодежной организации сформировало их приоритеты в профессиональной сфере, но они не могут точно сказать, в каком учреждении хотят работать;

- 27,4 % благодаря молодежной организации точно знают, в каком учреждении хотят работать и какие обязанности выполнять;
- 21,6 % считают, что членство в молодежной организации не оказало влияния на их профессиональные предпочтения;
- 11,8 % отметили, что членство в молодежной организации слабо повлияло на их профессиональные предпочтения.

С тем, что в молодежной среде членство в таких организациях, как молодежные правительства, молодежные министерства Ульяновской области, оценивается положительно и считается престижным, согласились 47,1 % респондентов. 43,1 % ответили «скорее да, чем нет» и 11,6 % — «скорее нет, чем да».

Вести профессиональную деятельность в сфере государственного и муниципального управления в дальнейшем собираются 37,2 % опрошенных, также 37,2 % выбрали «скорее да, чем нет»; 9,9 % — «скорее нет, чем да»; 9,8 % уже ведут профессиональную деятельность в данной сфере и 5,9 % затруднились ответить.

На вопрос «Если Вы уже начали трудовую деятельность, помогло ли Вам в этом членство в молодежном объединении?» респонденты ответили так: 37,25 % трудоустроены благодаря активной деятельности в молодежном объединении; у 27,5 % трудоустройство не связано с деятельностью в молодежном объединении; 13,7 % уверены, что их трудоустройство будет связано с деятельностью в молодежном объединении; 11,8 % не получили рабочее место непосредственно благодаря деятельности в молодежном объединении, но она помогла им в самоопределении и поиске работы; 9,8 % затруднились ответить.

Поделиться своим опытом членства в молодежном объединении со школьниками и студентами начальных курсов, рассказать плюсы и минусы членства в подобных объединениях хотели бы 50,9 %; 43,3 % выбрали «скорее да, чем нет», 3,9 % — «скорее нет, чем да», 1,9 % выбрали «нет».

Количественный и качественный анализ результатов анкетирования позволил сделать следующие выводы.

В целом респонденты ответственно относятся к членству в молодежных организациях и ставят перед собой значимые цели (участие в общественной и политической жизни муниципального образования и области и пр.). Молодежные организации позволяют молодым людям попробовать себя в роли молодежных лидеров, развить организаторские способности, ознакомиться с работой органов власти региона и понять систему государственного и муниципального управления, завязать значимые социальные контакты.

Одной из важных функций молодежных организаций является содействие в профессиональном и личностном самоопределении, достигаемое через социально значимую деятельность. Молодежь получает социальный опыт, на основании которого может планировать свою карьеру и жизненный путь, опираясь на личные предпочтения и интересы. Результаты опроса показывают, что членство в молодежной организации послужило фактором, формирующим профессиональные предпочтения более чем у половины респондентов (66,6 %). Также значимым является тот факт, что 37,25 % респондентов успешно трудоустроены благодаря деятельности в молодежном объединении, что можно расценивать как положительный результат деятельности молодежных организаций.

Таким образом, мы видим, что организация деятельности молодежных правительств, молодежных профильных министерств и подобных объединений является приоритетным направлением государственной молодежной политики. Проведенное исследование показывает, что данные организации успешно решают ряд задач, значимых для социального, экономического и политического становления молодежи.

Литература

- 1. Бурбаева С. Б. Развитие социальной активности молодежи в условиях общественного объединения / С. Б. Бурбаева // Мир науки, культуры, образования. — 2011. — $\mathbb{N}^{\circ}$ 5.
- 2. Гуринович Л. А. Роль студенческих общественных организаций в формировании социальной культуры молодежи / Л. А. Гуринович // Вестн. Бурятского гос. ун-та. — 2010. — № 14.
- 3. Елбаева Д. В. Управление профессиональной ориентацией в высших учебных заведениях как форма реализации кадровой политики / Д. В. Елбаева, А. С. Кутумов, И. Н. Пунцикманжилова // Вестн. Забайкальского гос. ун-та. — 2016. — T. 22, № 4.
- 4. Илясов Е. П. Взаимодействие вузов и работодателей в условиях развития рыночных отношений в экономике и проблема трудоустройства выпускников учреждений профессионального образования / Е. П. Илясов // Учён. зап. Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. — 2008. — Т. 150, № 4.

- 5. Илясов Е. П. Трудоустройство и занятость выпускников вузов: система содействия / Е. П. Илясов // Высшее образование в России. 2005. № 7.
- 6. Камкова О. В. Профессиональное становление студентов и выпускников университета в контексте ситуации на современном рынке труда / О. В. Камкова // Вестн. Герценовского ун-та. 2010. № 11.
- 7. Парисева Л. К. Социальная работа с молодежью: к постановке проблемы / Л. К. Парисева, Л. Б. Гацалова // Международный журн. прикладных и фундаментальных исследований. 2014. N° 9-3.
- 8. Технологии социальной работы : учеб. / под общ. ред. проф. Е. И. Холостовой. М. : Инфра-М, 2001. 400 с.
- 9. Цуканов Е. А. Становление и развитие профессиональной ориентации: обзор отечественного опыта / Е. А. Цуканов, В. И. Тарлавский // Перспективы науки и образования. 2014. № 2(8).
- 10. Федин С. А. Стратегия развития государственной молодежной политики: региональный аспект / С. А. Федин // Вестн. Саратовского гос. технич. ун-та. 2007. Т. 1, № 3.
- 11. Митин С. Н. Системно-синергетический подход как основа деятельности специалиста по работе с молодежью / С. Н. Митин // Симбирский науч. вестн. 2014. № 3(17). С. 44—49.

YOUTH PUBLIC ASSOCIATIONS AS A FACTOR OF YOUNG PEOPLE'S PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION

I. A. Mikhaylina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia) ped@sv.uven.ru

A. I. Raevskaya

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia) alexandra.raevskaya@yandex.ru

E. R. Muhammetzhanov

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia) eldares2014@yandex.ru

R. R. Muhammetzhanov

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia) raf96raf@mail.ru

The article considers professional social work focusing on young people as a socio-demographic group which has certain characteristics (psychological, social and economic) due to various factors. For the purposes of this article the authors used professional guidance. Nowadays professional self-determination of youth is an urgent problem of the state youth policy. Its solution affects the well-being of all social and economic spheres of society. In the realities of modern life, young people often have difficulties while self-determination, choosing the direction of vocational training, the first and next employment. These difficulties are caused by a number of social and economic challenges in the development of Russian society. As a consequence, new graduates often refuse to work for the development of the profession. It is the result of the imperfection of the educational system in terms of inconsistency with the practical professional activity. In this article, the activity of youth non-governmental organizations is considered as a way to promote young people in personal and professional self-determination. Also, this article discusses the results of the practical sociological research conducted in order to identify and analyze the impact of these organizations on the career choice of the young people. The authors of the article believe that a properly planned and organized activity of the youth organizations (such as the Youth Government of the Ulyanovsk region, special Youth Ministries of the Ulyanovsk region, and similar institutions) have a positive effect on the self-determination of young people and facilitates their further employment.

Key words: vocational guidance, professional self-determination, youth organization.

References

- 1. Burbaeva S. V. (2011) Razvitie sotsialnoy activnosti molodezhi v usloviyah obschestvennogo objedineniya [Development of social activity of youth in conditions of a public association]. Mir nauki, kultury, obrazovaniya, (5).
- 2. Gurinovich L. A. (2010) Rol studencheskih obschestvennyh organizatsiy v formirovanii sotsialnoy kultury molodezhi [The role of student organizations in forming public social youth culture]. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, (14).
- 3. Elbaeva D. V., Kutumov A. S., Puntsikmanzhilova I. N. (2016) Upravlenie professionalnoy orientatsiey v vysshih uchebnyh zavedeniyah kak forma realizatsii kadrovoy politiki [Professional orientation management in higher education as a form of implementation of personnel policy]. Vestnik zabaikalskogo gosudarstvennogo universiteta, (4), Vol. 22.

- 4. Ilyasov E. P. (2008) Vzaimodeistvie vuzov i rabotodateley v usloviyah razvitiya rynochnyh otnosheniy v ekonomike i problema trudoustroistva vypusknikov uchrezhdeniy professionalnogo obrazovaniya [The interaction of universities and employers in terms of development of market relations in the economy and the problem of employment of vocational education institutions graduates]. Uchenye zapiski Kazanskogo Universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki, (4), Vol. 150.
- 5. Ilyasov E. P. (2005) Trudoustroistvo i zanyatost vypusknikov vuzov: sistema sodeistviya [Job placement and employment of graduates: promoting system]. Vysshee obrazovanie v Rossii, (7).
- 6. Kamkova O. V. (2010) Professionalnoe stanovlenie studentov i vypusknikov universiteta v kontekste situatsii na sovremennom rynke truda [Professional formation of students and university graduates in the context of the situation on the labor market]. Vestnik Gertsenovskogo Universiteta, (11).
- 7. Pariseva L. K., Gatsalova L. B. (2014) Sotsialnaya rabota s molodezhyu: k postanovke problemy [Social work with youth: statement of the problem]. Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnyh i fundamentalnyh issledovaniy, (9-3).
- 8. Holostova E.I. (2001) Tehnologii sotsialnoy raboty [Technologies of Social Work]. Moscow: Infra-M, 400 p.
- 9. Tsukanov E. A. (2014) Stanovlenie i razvitie professionalnoy orientatsii: obzor otechestvennogo opyta [Formation and development of vocational quidance: a review of domestic experience]. Perspektivy nauki i obrazovaniya, 2(8).
- 10. Fedin S. A. (2007) Strategiya razvitiya gosudarstvennoy molodezhnoy politiki: regionalnyy aspekt [The development strategy of the state youth policy: a regional perspective]. Vestnik Saratovskogo Gosudarstvennogo Tehnicheskogo Universiteta, (3), Vol. 1.
- 11. Mitin S. N. (2014) Sistemno-sinergeticheskiy podhod kak osnova deyatelnosti spetsialista po rabote s molodezhyu [System-synergetic approach as a basis of work of the expert working with youth]. Simbirskiy nauchnyy vestnik, 3(17), pp. 44—49.

ФИЛОЛОГИЯ

E. H. ЕгороваСеверный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск, Россия) ruslit1611@yandex.ru

К. А. Тихонова

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск, Россия) kseniyatiho@yandex.ru

ТИПЫ УРБАНОНИМОВ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА УРБАНОНИМОВ Г. АРХАНГЕЛЬСКА)

Статья посвящена описанию типов урбанонимов в лингвокультурологическом аспекте. В статье характеризуются урбанонимы г. Архангельска; рассматриваются понятия «лингвокультурный портрет города», «лингвокультурное пространство», «урбаноним». В качестве методологической и научной основ выступают работы Е. С. Кубряковой, Т. В. Шмелевой, Н. А. Прокуровской, А. М. Мезенко и др. Делаются выводы о зависимости городских названий от экстралингвистических факторов. Текст содержит ценную информацию о лингвокультурном пространстве города Архангельска.

Нами были обозначены особенности существования современных урбанонимов города Архангельска: «засорение» городского пространства вывесками и рекламой, отсутствие единого направления развития в номинации, диалогичность текстов, сообразность номинативной практики с практикой других регионов России.

В исследовании описаны тенденции развития и существования, которые зависят от социокультурной, экономической и политической ситуаций. Среди выявленных нами тенденций представляются следующие: экспансия заимствованной лексики, искажение графического облика номинации, внесение не свойственных ей знаков, использование средств креолизации (полной или частичной), десемантизация устойчивых языковых структур, лингвистических конструкций, присутствие языковой игры, использование средств языковой выразительности, использование прецедентных имен, актуализация регионального компонента.

В результате проведённого лингвокультурологического анализа мы пришли к заключению: урбанонимы занимают особое место в лингвокультурном пространстве города. Они являются неотъемлемой частью языка города, функционируют в соответствии с нормами языка и находятся под влиянием внутрилингвистических факторов. Урбаноним в большинстве случаев представляется как креолизованный текст, который использует языковые и визуальные средства выразительности. С помощью этих средств урбанонимы в совокупности создают информационное пространство, в котором отражается портрет города как совокупность фоновых знаний горожан об окружающем пространстве. Кроме того, урбанонимы являются переходным и самостоятельным явлением, могут приобретать черты топонимов (географических названий), что во многом зависит от фактора денотативной ситуации, типа дискурса.

Ключевые слова: урбаноним, лингвокультурное пространство города, типы урбанонимов.

Актуальность описания и анализа урбанонимов в лингвокультурном пространстве города обусловлена рядом причин. Во-первых, исследуемый материал имеет междисциплинарный характер, находится на стыке культурологии, социологии и лингвистики. Во-вторых, в сфере

изучения города и городских процессов возрастает интерес к микроурбанистике. В-третьих, урбаноним — динамичное явление, постоянно подвергающееся изменениям и активно увеличивающееся в объемах. Что, безусловно, определено развитием городов, изменением эконо-

мических, социальных и культурных условий жизни города. Поэтому необходимо зафиксировать названия городских объектов и раскрыть их как источник информации о социальной и культурной ситуации. В-четвертых, в современном городском пространстве существуют некоторые проблемы, связанные с урбанонимами: массовое использование иностранных заимствований, аббревиатур, вульгаризация ономастического пространства. Эти тенденции требуют тщательного изучения и разработки стратегий выхода из сложившейся ситуации.

Говоря о степени научной разработанности темы, следует указать на наличие большого количества трудов, посвященных общим теоретическим вопросам ономасиологии (Н. В. Подольская, А. В. Суперанская, М. В. Горбаневский) [5], урбанонимам как части лингвистической системы (А. М. Емельянова, С. Л. Казакова, М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова, Н. В. Михайлюкова, Н. А. Николина, Н. А. Янко-Триницкая, Т. В. Субботина, Т. В. Шмелева, Т. М. Юдина) [5, 8—10], городским названиям с точки зрения лингвокультурологического подхода (Т. В. Шмелева, Н. А. Прокуровская, А. М. Мезенко, Л. Н. Рабаданова, Е. А. Сизова, А. С. Гальцова, Е. Ю. Позднякова, Т. А. Новожилова, И. П. Тарасова) [5, 7, 9, 10].

Цель данной публикации — на основе анализа урбанонимов, актуализирующих деловые и культурные объекты Архангельска, охарактеризовать типы урбанонимов, рассмотреть понятия «урбаноним», «лингвокультурное пространство», «лингвокультурный портрет города».

Материалом для исследования послужили наблюдаемые на улицах города вывески, различного вида рекламные баннеры, таблички, вывески, размещенные на зданиях учреждений; база данных с названиями «2GIS»; интернетресурсы. Нами был составлен банк номинаций, куда вошли 58 официальных названий учреждений культуры и образования в сфере культуры и искусства, а также 1093 наименования деловых и коммерческих объектов Троицкого проспекта [2].

Выбор территории не случаен и объясним тем, что проспект занимает центральное положение в городе.

Обосновав территориальные границы темы, обозначим проблему изучения взаимодействия языка и культуры как одну из главных задач современного языкознания и культурологии. Рассматривая урбанонимы с точки зрения лингвокультурологии, нельзя обойти стороной языковые особенности городских названий, которые влияют на существование и функционирование наименований в целом. Кроме того, урбанонимы

являются частью лексической системы, что позволяет определить их смысл, особенности функционирования и взаимодействия с другими группами названий.

В ряду подгрупп топонимов находятся урбанонимы — названия внутригородских объектов. Исследователь Н. А. Прокуровская рассматривает урбанонимы как составную часть языка города и выделяет три типа городских названий: 1) плоскостные (площади); 2) линейные (улицы, проспекты, бульвары); 3) точечные (названия зданий, мостов и парков) [6]. Именно на части точечных наименований (в виде названий различных организаций) сосредоточено внимание в нашем исследовании.

Самый частотный компонент, включенный в архангельские урбанонимы, — имя города «Архангельск» (40 названий на Троицком проспекте). Например, автошкола «Архангельск», «АрхСити», «Архангельск-Гарант», «АрхШоп», «Архангельск Принт», «Город А» и т. д. Меньшей популярностью пользуется название реки, на которой располагается город, — «Двина», например, пекарни «Двинские», «Двина», «Двина-тур», «Dvina-mobile» и т. д.

К региональному компоненту можно отнести еще один популярный элемент архангельских урбанонимов — число 29 (код Архангельской области как региона РФ). Например, «Земля 29», «РегионТранс-29», «СОС-призыв 29», «Потолок-29», «Про-29», «iCase29», «Билет 29», «a29», «Avtomoika29.ru» и т. д.

Урбанонимы существуют в рамках ономастической системы, то есть системы различных названий. На эту систему воздействуют различные факторы. Как правило, выделяют две группы этих факторов: внутрилингвистические и экстралингвистические. К первой группе относятся всевозможные языковые факторы: структурный состав, модель словообразования, тип названия, значение урбанонима и т. д. Ко второй группе (экстралингвистическим факторам) относят особенности культуры, исторической эпохи, времени, пространства и учитывают индивидуальность номинатора и своеобразие объекта, которому принадлежит название. В некоторых случаях имя владельца становится брендом, особенно если этот человек является мастером в своем деле или широко известен как профессионал. Например, «Архангельский молодежный театр» невозможно представить без В. П. Панова, поэтому его фамилию добавляют в сокращенное название театра.

От экстралингвистических факторов зависит семантика урбанонима. Кроме того, в качестве урбанонима часто используются прецедентные имена, имена знаменитых личностей, авторитетных лиц, вымышленных персонажей и т. п. («Робинзон», «Джокер», «Карлсон», «Доктором Неболит» (по аналогии с Доктором Айболитом) и т. д.).

Значение урбанонима отражает ценности человека, особенности мира, который его окружает, раскрывает характерные черты хозяйственной и экономической жизни города. Характерным для Архангельска будет включение в название слов, которые отмечают географическое положение города или основное месторасположение той деятельности, которой занимается объект. Это компоненты «север» («Севергеосервис», «Северная столица», «Северный дом», «Север Гранд», «Норд-оил», «Норд Леди», «Nord Stone», «Norman» и т. д.), «Поморье» («Поморские штучки», ТРК «Поморье», «Бриллианты Поморья», «Поморский» и т. д.), «Беломорье» («Беломорье», «Курьер Беломорья» и т. д.) и «Арктика» («Арктик-Групп», Национальный парк «Русская Арктика», Музей художественного освоения Арктики имени А. А. Борисова, Северный (Арктический) федеральный университет имени Ломоносова и т. д.). Примечательно, что наравне с русским словом «север» употребляется иноязычный вариант «nord» («север»), который используется в ряде европейских языков (французском, итальянском, немецком, шведском, датском), но не английское «north», которое имеет сложное произношение, по-видимому, поэтому не встречается в архангельской урбанонимии.

Разумеется, урбанонимы являются частью ономастического пространства и в современной ситуации представляют собой чаще креолизованный текст, а кроме языковой составляющей все большее значение приобретают изобразительные средства.

Важно отметить, что урбаноним существует не только в письменном виде, зафиксированном в документах и на вывесках. Наименования объектов активно используются в устном языке горожан. Поэтому в некоторых случаях один объект получает два наименования — официальное и неофициальное. У государственных учреждений (кроме полного официального названия) существует сокращенное официальное название. Первое используется в официальных документах (уставе, плане, на бланках и так далее), второе чаще всего используется в устной речи работников и посетителей, в письменных или устных сообщениях СМИ. Неофициальные названия отличаются краткостью и ёмкостью

содержания, используются в повседневной речи. Проиллюстрируем эти положения: Государственное бюджетное учреждение культуры Архангельской области «Архангельская областная научная ордена «Знак Почета» библиотека имени Николая Александровича Добролюбова» — официальное название; АОНБ имени Н. А. Добролюбова — сокращенное; Добролюбовка — неофициальное.

В наименованиях коммерческих учреждений размывается граница между официальным и неофициальным названием, письменный текст приобретает признаки устного. Используется непринужденная свободная речь, модели и формы устной речи: обращения, приветствия, повелительное наклонение и т. д. («ViVa, Мишель!», «Кушать подано», «Поешь-ка»), интонация.

Главная задача урбанонимов (как и топонимов в целом) именно в том, чтобы функционировать и быть полезным, отвечать прагматическим целям, структурировать пространство. Именно тогда городское название не оторвано от личности, которая его воспринимает. Между тем урбаноним — часть лингвокультурного пространства.

Лингвокультурное пространство города определяется нами как категория информационного пространства, характерная для языка и культуры исследуемой территории.

Совокупность урбанонимов образует информационное пространство, в котором в разных точках зрения, взглядах, значениях проявляется портрет города. В науке не сложилось четкого определения лингвокультурного портрета города. Мы предлагаем следующую интерпретацию этого термина, основанного на метафоре: лингвокультурный портрет — это фрагмент индивидуальной картины мира горожанина, сформированный на основе носителя фоновых знаний и представлений о языке и культуре города, о специфике его жизни. Формирование портрета города происходит под воздействием ряда факторов: социокультурных, экономических, территориальных (зависит от того, живет человек на окраине или в центре города) и т. п.

Урбаноним как часть лингвокультурного пространства характеризуется такими конститутивными признаками, обусловленными его функциями, как информативность и воздействие (эти признаки следует назвать общими и дискурсивными), выделение информации, установление контакта, рекламность (специфические признаки).

В ходе восприятия урбанонима когнитивная обработка языковых средств основывается на

активном взаимодействии собственно номинации и зрительного восприятия здания, улицы, на которой расположен объект номинации, то есть денотативной ситуации. В основе денотативной ситуации лежит определенное событие, в которое включён воспринимающий субъект. В рамках темы нашего исследования такое событие зависит от человека и не может быть определено однозначно. Ситуативность при первичной интерпретации структуры обусловливает то, что в первую очередь считывается контактная информация, а затем уже носитель языка и культуры задумывается или не задумывается о механизме создания урбанонима.

Важнейший принцип механизма создания урбанонима — главное, потом детали, поэтому авторы урбанонимов так часто и активно используют приём концентрической подачи смысла. Безусловно, основной интенцией реализации этого приёма выступает усвоение значений порциями, в которых дозировка новой информации увеличивается постепенно и ненавязчиво.

Представляя условную и не претендующую на универсальность классификацию урбанонимов, мы обозначим следующие векторы типов номинаций: фактуальные урбанонимы (передающие информацию, эксплицитную по своей природе), например, МегаФон, МТС, 7D-кинотеатр, Sweets, Территория подарков, TOY.RU, Гонконгские вафли, Салон сумок от Светланы; модально-оценочные урбанонимы (эмоциональная доминанта содержания), например, Уютная лавка, Идеальная фигура, МодНяшки, Счастливый взгляд, Весёлая идея, Мир ярких красок и др.; персуазивные урбанонимы (суждение — результат осмысления явлений реальной действительности адресантом, в его основе — элемент убеждения): Обувай-ка, БезТабака, Языковое бистро, Сама себе визажист и др.; директивные урбанонимы (суждения адресанта, являющиеся результатом его восприятия и осмысления реальной действительности, стремящиеся побудить реципиента к совершению конкретных действий): Стремление к идеалу, На помощь! Кушать подано! и др.

Во-первых, рассмотрим фактуальные урбанонимы. Для фактуального типа урбанонимов важно уточнить интерпретацию понятия «смысл». «Смысл, будь то отдельный смысл, смысл слова или смысл предложения-высказывания, являет собой единство соотносительных явлений. Смысл принадлежит мыслительной сфере и реализуется в значении, относящемся к внутренней стороне языка и репрезентирующем те связи, которые составляют смысл» [6]. Как

видно из приведённых контекстов, при уточнении смысла и соотнесении его с действительностью урбанонимы тождественны назначению объекта номинации и содержат запечатленный факт. Информацию эту вполне можно соотнести с действительностью, т. е. проверить, действительно ли под названием «Территория подарков» подразумевается магазин подарков и т. п. Надо отметить, что в банке урбанонимов деловых и коммерческих объектов фактуальных типов урбанонимов много. Кроме того, среди урбанонимов, которые обозначают учреждения культуры, этот тип является преобладающим/основным.

Вторая группа — модально-оценочные номинации. Словообразовательные средства делают, на наш взгляд, урбанонимы многослойными, нелинейными и зачастую способствуют формированию дополнительных смыслов, позволяющих воспринять глубже авторский замысел и полнее категорию оценки. Парадокс оценки (по утверждению Н. Д. Арутюновой) состоит в том, что аксиологические концепты в одно и то же время зависят и не зависят от внешнего мира [1]. Мотивы оценки могут быть осмыслены как причины мнения. Можно поинтересоваться: Почему ты считаешь брюки хорошими? (название магазина «Хорошие брюки»). Оценка может мотивироваться, но она не может верифицироваться (проверка опытным путём), мы не можем проверить, действительно ли в магазине с названием «Хорошие брюки» продают хорошие брюки (для кого-то они будут не так хороши, а для кого-то — то, что надо).

Необходимо отметить, что количество фактуальных и модально-оценочных урбанонимов значительно превышает количество персуазивных и директивных. Думается, связано это с несколькими факторами: сущностью номинативной функции языка, стремлением языковой личности к оценке действительности. Аксиологические значения в языке представлены двумя основными типами: общеоценочным и частнооценочным. К примеру, первый тип реализуется прилагательными хороший и плохой, а также их синонимами с разными стилистическими и экспрессивными оттенками (прекрасный, яркий, модный и др.). Вторая группа более обширна и разнообразна. В нее входят значения, дающие оценку одному из аспектов объекта с определённой точки зрения.

Третью группу персуазивных урбанонимов, реализующих несколько функций (фокусировочно-ориентирующую, квалифицирующую, констатирующую), составляют суждения как результат

осмысления явлений реальной действительности адресантом. Аргументативность включает подкатегорию персуазивности, которая предполагает использование дополнительных риторических и софистических приемов и средств, способствующих убеждению. Сам термин «персуазивность» понимается как совокупность приемов и средств, направленных на усиление аргументов в процессе аргументирования (трактовка О. С. Иссерс [3, 4]).

Четвёртая группа урбанонимов — директивные номинации — представляют собой конструкции, являющиеся результатом восприятия адресата и осмысления реальной действительности, стремящиеся побудить реципиента к совершению конкретных действий. В урбанониме «Стремление к идеалу» замаскировано повелительное «стремись к идеалу», этот призыв скрыт посредством употребления отглагольного существительного. А урбанонимы «На помощь!», «Кушать подано!» содержат пунктуационные знаки, реализующие не только и не столько эмоции, а выражающие побуждение к соверше-

нию действия («придём на помощь», «всё готово, садитесь есть!»).

Независимо от типа (фактуальный, директивный, персуазивный или модально-оценочный) урбанонимы играют значимую роль в качестве актуализатора аудиторного фактора в лингвокультурном пространстве города.

Рассматривая урбанонимы [2] как часть лингвокультурного пространства и явление, в котором отражается лингвокультурный портрет города, мы должны отметить, что городские названия подпадают под сильную зависимость от экстралингвистических факторов. Это выражается в том, что урбанонимы создаются личностью и под воздействием различных факторов (в том числе социокультурного), они являются средством коммуникации между номинатором и реципиентом, функционируют в соответствии с мировоззрением номинаторов и реципиентов и той исторической эпохи, в которой они находятся. В целом рассмотренные тенденции существования урбанонимов имеют культурную и социальную обусловленность.

Литература

- 1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- 2. База номинаций деловых и коммерческих объектов Троицкого проспекта г. Архангельска. URL: https://padlet.com/kseniyatiho/lmvzap4b8tka (дата обращения: 15.05.2016).
- 3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. М., 2002.
- 4. Иссерс О. С. Речевое воздействие / О. С. Иссерс. М., 2016.
- 5. Казакова С. Л. Урбанонимы в составе лексической системы языка / С. Л. Казакова. URL: http://pglu.ru/upload/iblock/e50/uch_2008_v_00034.pdf (дата обращения: 30.05.2016).
- 6. Прокуровская Н. А. Город в зеркале своего языка: на языковом материале г. Ижевска / Н. А. Прокуровская. Ижевск : Изд-во Удмуртского ун-та, 1996. 224 с.
- 7. Тарасова И. П. Структура смысла и структура личности коммуниканта / И. П. Тарасова // Вопр. языкознания. 1992. № 4. С. 108—113.
- 8. Текст региона как среда отбора онимов. URL: https://new.vk.com/doc1964750_437588853? hash=b736b02d41422c8947&dl=2f3229545ddd6472d0 (дата обращения: 29.05.2016).
- 9. Шмелева Т. В. Ономастикон российского города / Т. В. Шмелева. URL: http://www.novsu.ru /file/1103280 (дата обращения: 29.05.2016).
- 10. Юдина Т. М. Современные архангельские эргонимы в аспектах номинации и языковой политики / Т. М. Юдина // Живое слово северян: прошлое и настоящее. Архангельск: ПГУ, 2007. С. 81—94.

TYPES OF LINGUO-CULTURAL URBANITY (ON THE EXAMPLE OF URBANITY OF ARKHANGELSK)

E. N. Egorova

Northern Arctic Federal University (Arkhangelsk, Russia) ruslit1611@yandex.ru

K. A. Tikhonova

Northern Arctic Federal University (Arkhangelsk, Russia) kseniyatiho@yandex.ru

The article describes the typology of urbanity units used in Arkhangelsk. It deals with the concepts "linguo-cultural portrait of the city", "linguo-cultural space", "urbanity". The works of E. S. Kubrakova, T. V. Shmeleva, N. Prokhurovskaya, A. M., Mezenko are used as the methodological and scientific basis of the study. It is concluded that the city names depend on the extralinguistic factors. The paper gives valuable information on linguo-cultural space of the city of Arkhangelsk.

We identify the phenomena of existence of the modern urbanity in Arkhangelsk: "clogging" the urban space with signage and advertisement, the lack of a unified direction of the naming development, dialogical texts, congruity of naming practice with the practice of other regions of Russia.

The study describes the development and existence of trends which depend on socio-cultural, economic and political situations. Among the identified trends are expansion of loanwords, graphic pattern distortion of the naming, use of extrinsic units and creolization (full or partial), desemantization of sustainable linguistic structures, the language game, use of language expressiveness and precedent names, actualization of the regional component.

As a result of linguistic and cultural analysis the authors conclude that urbanity takes a special place in the linguistic and cultural space of the city. The urbanity is an integral part of the city language; it depends on the language rules and intralinguistic factors. The urbanity is commonly a creolized text which uses language and visual means of expression. Through the use of these means the urbanity creates information space, which reflects the portrait of the city as a complex of background knowledge of the citizens about the environment. In addition, the urbanity is a transitional and independent phenomenon which can acquire the features of place names, that depends largely on the denotative factor of the situation, the type of discourse.

Key words: urbanity, language and cultural space in the city, types of urbanity.

References

- 1. Arutyunova N. D. (1999) Jazyk i mir cheloveka [Human's language and space]. Moscow: Jazyki russkoy kultury, p. 896.
- 2. Baza nominatsiy delovyh i kommercheskih obektov Troitskogo prospekta g. Arhangelska [Base of naming units of business and commercial objects located on Troitski Avenue of Arhangelsk] [Electronic sourse]. Access mode: https://padlet.com/kseniyatiho/lmvzap4b8tka (15.05.2016).
- 3. Issers O. S. (2002) Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. [The communicative strategy and tactics of the Russian speech]. Moscow.
- 4. Issers O. S. (2016) Rechevoe vozdeistvie [Linguistic manipulation]. Moscow.
- 5. Kazakova S. L. Urbanonimy v sostave leksicheskoj sistemy jazyka [The urbanity as a part of a language system] [Electronic sourse]. Access mode: http://pglu.ru/upload/iblock/e50/uch_2008_v_00034.pdf (30.05.2016).
- 6. Prokurovskaja N. A. (1996) Gorod v zerkale svoego jazyka: na jazykovom materiale g. Izhevska. [The city in the language image: on the language material of Izhevsk]. Izhevsk: Izdatelstvo Udmurtskogo universiteta, 224 p.
- 7. Tarasova I. P. (1992). Struktura smysla i struktura lichnosti kommunikanta [Deep and personality structure of a communicator]. Voprosy yazykoznaniya, (4), pp. 108—113.
- 8. Tekst regiona kak sreda otbora onimov [Region language as a field of onims selection]. [Electronic sourse]. Access mode: https://new.vk.com/doc1964750_437588853?hash=b736b02d41422c8947&dl=2f3229545ddd6472d0 (29.05.2016).
- 9. Shmeleva T. V. Onomastikon rossijskogo goroda [Onomasticon of a Russian city]. [Electronoc sourse]. Access mode: http://www.novsu.ru/file/1103280 (29.05.2016).
- 10. Judina T. M. (2007). Sovremennye Arkhangelskie ergonimy v aspektah nominatsii i yazykovoy politiki [Modern Arkhangelsk ergonims as regards of naming and language policy]. Zhivoe slovo severyan: proshloe i nastoyaschee, Arkhangelsk: PGU, pp. 81—94.

ИНФОРМАЦИЯ

АННОТАЦИИ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

Р. Д. Урунова
Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
urunova rd@rambler.ru

РЕЦЕНЗИЯ на учебное пособие О. Р. Самарцева «СОВРЕМЕННОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ. ГЕНЕЗИС ИДЕЙ И ТЕХНОЛОГИЙ»

(Ульяновск : УлГУ, 2016. 109 с.)

Журналистика как наука складывалась на протяжении многих десятилетий. Она возникала вместе с развитием средств массовой коммуникации, испытывала свойственные любой науке потрясения, впитывала в себя идеи и теоретические концепции. Сегодня это целая система взглядов на одно из влиятельнейших средств общественного регулирования, воздействия на реальные общественные процессы, на каждого члена общества.

Но в последнее время журналистика, в особенности телевизионная, испытывает серьезнейший глубокий кризис, так как вынуждена существовать и развиваться в совершенно особых условиях информационного общества. Информационно-компьютерная революция смещает акценты в значении информационных процессов, а коммуникация, особенно массовая, как никогда ранее начинает играть особую роль в развитии цивилизации. Об этом много пишут и размышляют, этот процесс является основой для многих научных работ. В этих условиях особенно велика потребность в учебных пособиях, отражающих самое свежее осмысление медиа-действительности, каковым и является труд профессора О. Р. Самарцева — ученого и одновременно одного из ведущих журналистов нашего региона.

Научный труд О. Р. Самарцева — результат серьезного научного осмысления природы современного телевидения как профессиональной среды для специалистов медиа-сферы, в нем раскрываются самые глубокие основы современного телевидения, изменяющегося под влиянием компьютерных технологий и тенденций информационной революции. Сам автор в аннотации отмечает, что в пособии рассматриваются «основные факторы перехода эстетики и технологии современного телевидения к новейшим цифровым форматам, прослеживается генезис эстетических и теоретических идей телеви-

зионной журналистики», и это делает его актуальным и значимым в дидактическом отношении.

Учебное пособие открывается главой, посвященной изучению основных аспектов современного телевидения. В ней собраны и тщательно прокомментированы обширные фактические данные, проведены глубокие концептуальные разыскания, которые сведены в проблемные блоки и тематические группы. В целом эта глава дает развернутое представление о современном телевидении и его составляющих: информации, коммуникации и цифровых технологиях.

В особую главу автором выделен анализ характера современного телевидения и технических факторов, влияющих на его качество как вида СМИ. В ней автор пытается осветить очень сложную дуалистическую природу телевидения, заключающуюся, с одной стороны, в отвлеченности художественного формата, а с другой — в точности средства информирования масс. На мой взгляд, автору удалось найти и убедительно описать равновесие между этими сторонами.

В заключительной главе дается подробный анализ контента как главной составляющей телевизионной журналистики — «среды, в которой происходит межличностный и социальный обмен». Удачная фигурная конструкция, использованная в названии главы («Контент и еще раз контент»), с подчеркнутым усилением важности информационного наполнения крас-

норечиво дает понять, что автор отводит содержанию самое главное место в сфере телевидения.

К числу достоинств рецензируемого пособия относятся его глубокая аналитичность, большой концептуальный диапазон и значимость освещенных в нем зарубежных и отечественных исследований, уникальная многоаспектность рассмотренных работ и высокий уровень авторских комментариев. Системность и комплексность авторского подхода позволяют изложить в ограниченном объеме суть многокомпонентных процессов современной массовой коммуникации, новых явлений виртуальности и интерактивности, новейших изобразительных средств. Кроме этого, необходимо отметить, что автор не только дал в книге развернутое описание телевидения, но и весьма убедительно представил перспективы дальнейших его изменений.

В заключение хочется отметить, что книга профессора О. Р. Самарцева «Современное телевидение. Генезис идей и технологий» представляет собой ценный труд и может быть использована специалистами в области телевизионной журналистики, практической журналистики и массовой коммуникации, а также как пособие в системе университетского образования для изучения дисциплин по направлению «Журналистика», таких как «Теория коммуникации», «Основы телерадиожурналистики» и «Основы мультимедиа».

REVIEW

on the textbook of O. R. Samartsev "TELEVISION. GENESIS OF THE IDEAS AND TECHNOLOGIES"

(Ulyanovsk: UISU, 2016. 109 p.)

R. D. Urunova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia) urunova_rd@rambler.ru

наши авторы

Агаджанова Эмилия Рафаэловна — старший преподаватель; Ульяновский государственный университет; заведующая УИЛ «Психолог» (г. Ульяновск); emilia73.90@mail.ru; тел. 8-987-633-48-01.

Антонова Елена Сергеевна — магистрант, 1 курс, факультет экономики; Ульяновский государственный университет; ant.helen.22@gmail.com; тел. 8-937-45-22-425.

Арпентьева Мариям Равильевна — доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии развития и образования; Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского; mariam rav@mail.ru; тел. 8-953-313-48-16.

Бабкин Олег Анатольевич — инженер; 3949 военное представительство Министерства обороны РФ (г. Курган, Россия); babkin_74@mail.ru; тел. 8-982-105-48-18.

Баклушинский Вадим Валентинович — аспирант кафедры экономики и организации производства; Ульяновский государственный университет; ebrezneva@list.ru; тел. 8-905-035-79-50.

Донина Ольга Ивановна — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Егорова Екатерина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения; Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова; ruslit1611@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Емельяненкова Анна Валерьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; ann_emel@mail.ru; тел. 8-905-036-11-39.

Калинина Наталья Валентиновна — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии института социальной инженерии; Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (технологии, дизайн, искусство); ведущий научный сотрудник; Центр защиты прав и интересов детей (г. Москва, Россия); kalinata66@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Agadzhanova Emiliya Rafaelovna — senior lecturer; Ulyanovsk State University; Head of the Train and Research Laboratory "Psychologist" (Ulyanovsk); emilia73.90@mail.ru; tel. 8-987-633-48-01.

Antonova Elena Sergeevna — Master's degree student; Faculty of Economics; Ulyanovsk State University; ant.helen.22@gmail.com; tel. 8-937-45-22-425.

Arpentyeva Mariyam Ravilyevna — Doctor of Psychology; associate professor; Chair of Developmental Psychology and Education; Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky; mariam_rav@mail.ru; tel. 8-953-313-48-16.

Babkin Oleg Anatolyevich — engineer; 3949 military representation of the Ministry of defence of the Russian Federation (Kurgan, Russia); babkin_74@mail.ru; tel. 8-982-105-48-18.

Baklushinskiy Vadim Valentinovich — postgraduate student; Chair of Economics and Manufacturing Process Management; Ulyanovsk State University; ebrezneva@list.ru; tel. 8-905-035-79-50.

Donina Olga Ivanovna — Doctor of Education, Professor; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Egorova Ekaterina Nikolaevna — Candidate of Philology, associate professor; Chair of Culturology and Religiology; Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov; ruslit1611@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Emelyanenkova Anna Valeryevna — Candidate of Psychology; associate professor; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; ann_emel@mail.ru; tel. 8-905-036-11-39.

Kalinina Natalya Valentinovna — Doctor of Education, professor; Chair of Psychology; Institute of Social Engineering; Russian State University named after A. N. Kosygin (Moscow State University of design and technology), leading scientist, Center of protection of the children's rights and interests (Moscow, Russia); kalinata66@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Карнаухов Владимир Анатольевич — кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Управление воздушным движением и навигации»; Ульяновский институт гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б. П. Бугаева; v.sky2016@yandex.ru; тел. 8(8422)41-18-29.

Карнаухова Марина Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Отечества, регионоведения и международных отношений; Ульяновский государственный университет; tamore@rambler.ru; тел. 8-903-337-55-76.

Коваленко Валентина Михайловна — выпускница специальности «Психология»; Ульяновский государственный университет; valkovalenko@inbox.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Кочетков Игорь Геннадьевич — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; igor-nauka@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Кремнева Наталья Юрьевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры связей с общественностью, рекламы и культурологии; Ульяновский государственный университет; kremneva_n@inbox.ru; тел. 8-962-633-68-80.

Кудряшова Елена Викторовна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, социологии и политологии; Ульяновский государственный университет; helezzya@gmail.com; тел. 8(8422)35-46-49.

Лескин Дмитрий Юрьевич — диакон храма в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» (г. Саратов, Россия); elli-m@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Липатова Юлия Павловна — специалист по учебнометодической работе; Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); Pus.88_8@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Марушкина Наталья Евгеньевна — магистрант, 1 курс; Ульяновский государственный университет; 89272734091@mail.ru; тел. 8-927-273-40-91.

Митина Ирина Дмитриевна — доктор педагогических наук, профессор; Ульяновский государственный университет; snm7151@gmail.com; тел. 8-927-809-7-809.

Митина Татьяна Сергеевна — аспирант кафедры психологии и педагогики, ассистент кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; cherrity07@mail.ru; тел. 8-927-809-83-49.

Михайлина Ирина Александровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности; Ульяновский государственный университет; kaf_ped@ulsu.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Karnaukhov Vladimir Anatolyevich — Candidate of Pedagogics; associate professor; Chair of Air Traffic Management and Navigation Control; Ulyanovsk Civil Aviation Institute named after Chief Marshal of Aviation B. P. Bugaev; v.sky2016@yandex.ru; tel. 8(8422)41-18-29.

Karnaukhova Marina Vladimirovna — Doctor of Education, professor, Head of the Chair of Russian History, Area Studies and International Relations; Ulyanovsk State University; tamore@rambler.ru; tel. 8-903-337-55-76.

Kovalenko Valentina Mikhailovna — studentresearcher; Ulyanovsk State University; valkovalenko@inbox.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Kochetkov Igor Gennadyevich — Candidate of Psychology, associate professor; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; igor-nauka@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Kremneva Natalya Yuryevna — Candidate of Sociology, senior lecturer; Chair of Public Relations, Advertising and Culturology; Ulyanovsk State University; kremneva_n@inbox.ru; tel. 8-962-633-68-80.

Kudryashova Elena Viktorovna — Candidate of Philosophy; senior lecturer; Chair of Philosophy, Sociology and Political Sciences; Ulyanovsk State University; helezzya@gmail.com; tel. 8(8422)35-46-49.

Leskin Dmitriy Yuryevich — Deacon; Church in honor of the Mother of God "Soothe My Sorrows" (Saratov, Russia); elli-m@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Lipatova Yuliya Pavlovna — Teaching and Learning Specialist; Altai State University (Barnaul, Russia); Pus.88_8@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Marushkina Natalya Evgenyevna — Master's degree student; Ulyanovsk State University; 89272734091@mail.ru; tel. 8-927-273-40-91.

Mitina Irina Dmitrievna — Doctor of Education, Professor; Ulyanovsk State University; snm7151@gmail.com; tel. 8-927-809-7-809.

Mitina Tatyana Sergeevna — post-graduate student; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; cherrity07@mail.ru; tel. 8-927-809-83-49.

Mikhailina Irina Aleksandrovna — Candidate of Pedagogics, associate professor; Chair of Pedagogics of Professional Education and Social Activity; Ulyanovsk State University; kaf_ped@ulsu.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Мухамметжанов Рафаэль Раисович — студент, 3 курс, специальность «Социальная работа»; Ульяновский государственный университет; eldares2014@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Мухамметжанов Эльдар Раисович — студент, 3 курс, специальность «Социальная работа»; Ульяновский государственный университет; eldares2014@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Ощепков Алексей Александрович — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальных и философских наук; Димитровградский инженерно-технологический институт — филиал Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт»; sladkod@yandex.ru; тел. 8-903-339-41-89.

Раевская Александра Игоревна — магистрант, 2 курс, специальность «Социальная работа»; Ульяновский государственный университет; alexandra.raevskaya@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Романова Анна Валерьевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и кредита; Ульяновский государственный университет; a_romanova@bk.ru; тел. 8-927-271-07-08.

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; Valentina_nauka@mail.ru; тел. 8-985-555-96-99.

Синицын Антон Олегович — кандидат экономических наук, научный сотрудник; Ульяновский государственный университет; antonsinitsyn@mail.ru; тел. 8(8422)27-24-62.

Талина Ирина Владимировна — доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности; Ульяновский государственный университет; tamore@rambler.ru; тел. 8(8422)41-45-38.

Тихонова Ксения Андреевна — бакалавр культурологии; Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск, Россия); kseniyatiho@yandex.ru; тел. 8-952-250-54-31.

Урунова Раиса Джавхаровна — доктор филологических наук, профессор кафедры филологии; Ульяновский государственный университет; urunova_rd@rambler.ru; тел. 8(8422)48-97-20.

Федосеева Елена Юрьевна — кандидат философских наук, учитель истории и обществознания; Муниципальное общеобразовательное учреждение «Новоульяновская средняя школа $\mathbb{N}^2$ 2»; spese-86@mail.ru; тел. 8-908-471-09-92.

Хайрудинова Резеда Иршатовна — ведущий психолог, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; rezedx-90@yandex.ru; тел. 8(8842)37-24-72.

Mukhammetzhanov Rafael Raisovich — student-researcher; specialty "Social work"; Llivanovsk State University: eldares2014@yandex.ru:

Ulyanovsk State University; eldares2014@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Mukhammetzhanov Eldar Raisovich —

student-researcher; specialty "Social work"; Ulyanovsk State University; eldares2014@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Oshchepkov Aleksey Aleksandrovich —

Candidate of Psychology, senior lecturer; Chair of Social Sciences and Philosophy; Dimitrovgrad Engineering Institute of Technology (the branch of the National Nuclear Research University "Moscow Engineering Physics Institute"); sladkod@yandex.ru; tel. 8-903-339-41-89.

Raevskaya Aleksandra Igorevna — Master's degree student; Specialty "Social work"; Ulyanovsk State University; alexandra.raevskaya@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Romanova Anna Valeryevna — Candidate of Economisc; associate professor; Chair of Finance and Credit; Ulyanovsk State University; a_romanova@bk.ru; tel. 8-927-271-07-08.

Salakhova Valentina Borisovna — Candidate of Psychology, senior lecturer; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; Valentina_nauka@mail.ru; tel. 8-985-555-96-99.

Sinitsyn Anton Olegovich — Candidate of Economics, associate professor; Ulyanovsk State University; antonsinitsyn@mail.ru; tel. 8(8422)27-24-62.

Talina Irina Vladimirovna — Doctor of Education; professor; Chair of Pedagogics of Professional Education and Social Activity; Ulyanovsk State University; tamore@rambler.ru; tel. 8(8422)41-45-38.

Tikhonova Kseniya Andreevna — Bachelor of Culturology; Northern Arctic Federal University (Arkhangelsk, Russia); kseniyatiho@yandex.ru; tel. 8-952-250-54-31.

Urunova Raisa Dzhavkharovna — Doctor of Philology, Professor; Chair of Philology; Ulyanovsk State University; urunova_rd@rambler.ru; tel. 8(8422)48-97-20.

Fedoseeva Elena Yuryevna — Candidate of Philosophy; Teacher of History and Social sciences; Secondary school № 2 (Novoulyanovsk); spese-86@mail.ru; tel. 8-908-471-09-92.

Khairutdinova Rezeda Irshatovna — leading psychologist, senior lecturer; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; rezedx-90@yandex.ru; tel. 8(8842)37-24-72.

Цыганцов Андрей Валерьевич — кандидат физико-математических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; ats2412@ya.ru; тел. 8(8422)27-24-62.

Шабалкина Елена Евгеньевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии; Ульяновский государственный университет; shabalkina@inbox.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Tsygantsov Andrey Valeryevich — Candidate of Physics and Mathematics, associate professor; Ulyanovsk State University; ats2412@ya.ru; tel. 8(8422)27-24-62.

Shabalkina Elena Evgenyevna — Candidate of Philosophy, associate professor; Chair of Philosophy, Sociology and Political Sciences; Ulyanovsk State University; shabalkina@inbox.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ АВТОРАМИ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК»

К печати принимаются материалы, отвечающие профилю журнала, не публиковавшиеся ранее в других отраслевых изданиях.

Объем статьи (включая сноски, таблицы, рисунки) не должен превышать **25 000 знаков** (с пробелами). Статья должна быть набрана **в** формате Microsoft Word, **12 кеглем, 1,5 интервалом; стиль Times New Roman. Поля:** верхнее, нижнее, левое — **2 см,** правое — **1 см.** Выделения в тексте возможны только полужирным шрифтом и(или) курсивом. Иные стили шрифта и выделения не допускаются.

В начале каждой статьи указываются данные об авторе (авторах):

- Ф.И.О. (полностью);
- ученая степень или звание (если есть);
- должность и место работы (без сокращений, с указанием города, страны);
- контактная информация (телефон, e-mail каждого автора, почтовый адрес).

Далее следует:

- название статьи;
- инициалы и фамилия автора (авторов), ученая степень, должность, место работы, город, страна, e-mail (который будет указан в публикации);
- аннотация (150—200 слов (без предлогов и союзов));
- ключевые слова (5—7 слов);
- ТЕКСТ СТАТЬИ;
- список литературы (не менее 10 и не более 20 наименований), выстроенный в алфавитном порядке, где вначале приводятся источники, изданные на русском языке, затем на иностранных языках.

После этого приводится на английском языке:

- название статьи;
- имя, первая буква отчества и фамилия автора (авторов);
- место работы (с указанием города, страны);

- Abstract аннотация;
- Key words список ключевых слов;
- References список литературы.

При необходимости указать, в рамках какого гранта (проекта и т. д.) подготовлена статья. Эту информацию следует размещать ниже, под названием статьи. Также она размещается и в англоязычной части — в конце статьи.

Цитирование в статье должно сопровождаться ссылками **в квадратных скобках** на источники из списка литературы в конце статьи. **В постраничных сносках** просьба указывать только необходимую уточняющую информацию.

Если приводятся **таблицы, схемы, рисунки,** они должны быть пронумерованы и подписаны, а в тексте обязательны ссылки на них.

Все диаграммы, схемы, графики и дру- гой иллюстративный материал должен быть представлен **в черно-белом варианте.**

Статьи в журнале сопровождаются фотографией автора (авторов): крупным планом, в формате jpg или png, с разрешением не менее 300 dpi, которая отправляется отдельным файлом (не более 2 Мб).

Название файла со статьей должно содержать фамилию автора (либо фамилии соавторов через запятую) в именительном падеже и первые два-три слова из названия статьи.

Файл с фотографией должен быть назван по фамилии автора в именительном падеже.

Статьи авторов, не имеющих научную степень, сопровождаются рецензией доктора/кандидата наук в соответствующей области знания.

Материалы принимаются на электронный адрес журнала:

SNV@mail.ru, Valentina_nauka@mail.ru.

По вопросам участия в издании журнала и его приобретения -

контактный телефон: 8(985)555-96-99.